

РОЗИН ЮРИЙ

КОМБО
ПСИХО

Умерев и родившись вновь в новом мире, я пятнадцать лет был слугой в Башне Магии. Эльф-полукровка, не было и дня, чтобы люди не пытались выместить на мне свою ненависть. Однажды из-за этого я оказался в подземелье, где был заперт древний демон. И когда он спросил у меня: "Парень, хочешь сам решать свою судьбу?" — я знал, что ответить.

Юрий Розин

Комбо-Психо. Книга 1

Глава 1

— Потерпи немного, чмо остроухое, — прохрипел, задыхаясь, шуплый и низенький Арне. — Скоро ты вылетишь из Башни Магии и наконец-то сдохнешь где-нибудь в подворотне, как и подобает эльфийской падали!

— Обещаем прийти и насрать на твою могилу! — расхохотался Дариан.

Они тащили меня, будто перепившего собутыльника, закинув мои руки себе на плечи: Арне — слева, Дариан — справа. И Дариану за счёт внушительной комплекции это давалось определённо куда проще.

Отвечать им я, однако, не собирался — копил силы. Лишь буравил глазами узкую спину невозмутимо вышагивавшего впереди Карла — главного ублюдка этой компании, идейного вдохновителя, организатора и самого жестокого участника большинства моих избиений за последние месяцев шесть. Даже не видя его лица я мог отчётливо представить его надменное и вечно недовольное хлебало, которое я раза три разбивал в реальности и где-то три миллиона раз — в мыслях.

М-да. А ведь такой хороший был день.

Отработав смену за сравнительно несложным делом — уборкой дорожек и лужаек парка от осенней листвы, я вернулся “домой”. Маленькая каморка, по идее предназначенная для хранения уборочного инвентаря, спустя пятнадцать лет казалась невероятно родной и уютной. И в кои-то веки я собирался лечь спать потому, что сам так захотел, а не потому что просто пришёл и вырубился от усталости, едва коснувшись ткани матраца.

Однако, когда я уже закрыл глаза и устроился настолько удобно, насколько это только было возможно, дверь моей каморки резко распахнулась.

Небольшую комнатушку тут же наполнили ароматы алкоголя и блевотины. Правила для обычных учеников эти утырки стабильно игнорировали.

Вскочить, чтобы попытаться вырваться, я не успел — запутался в одеяле. Следующие пару минут Дариан с Арне от души охаживали по моим рёбрам и животу ботинками. Карл, как и всегда, просто смотрел на это со стороны чуть блестящими от алкоголя глазами.

И каждый раз, встречаясь с ним глазами, я ощущал подступающее откуда-то из глубины разума бешенство. В эти моменты казалось, что, если бы я смог сейчас вскочить и раскидать парочку пьяных обсосов, я бы вцепился ублюдку в горло хоть зубами, и не отпустил бы, пока он не испустит дух.

К сожалению, а возможно и к счастью, этим желаниям не суждено было сбыться.

Решив, видимо, что достаточно меня отпинали, Арне с Дарианом подняли меня с матраца, закинули мои руки себе на плечи, вытащили из моей каморки и куда-то понесли, будто своего перепившего приятеля.

Ночные коридоры Башни Магии, несмотря на то, что я частенько задерживался допоздна, натирая до блеска полы или стирая чьи-то каракули с учебных парт, всегда казались жутковатыми.

Почти весь свет гас, оставались только тусклые лампы на поворотах и в развилках, не разгонявшие, а только сгущавшие мрак. Деревянные половицы, невероятно древние, а потому скрипучие через одну, под нестройными шагами Дариана с Арне создавали режущую уши какофонию. А пробивающийся через высокие стрельчатые окна свет огней Вирсавии лишней раз напоминал о том, насколько вообще всё это место было старым и пропитанным

всякой мистической дичью.

И потому, когда тащившая меня парочка наконец остановилась и я понял, где мы оказались, меня всего с головы до пяток пробрала волна неестественной дрожи.

Тяжёлая чёрная каменная дверь, будто бы сросшаяся со стенами. Дверь в чёртово подземелье самого известного и самого опасного монстра в истории этого мира! Ну, конечно же, куда ещё эти нажавшиеся ублюдки могли меня притащить посреди ночи!

Впрочем, в каком-то смысле я мог даже сказать им спасибо. Потому что от всколыхнувшего разум ощущения надвигающегося дерьма во мне открылось минимум три вторых дыхания.

Вырвав левую руку из тонких пальцев Арне, я вмазал ему тыльной стороной кулака по лицу. Мелкий богатеи отшатнулся и схватился за нос, захныкав от боли.

Дариан попытался заломить мне плечо. Но, прекрасно зная его приёмы, я сам подался вперёд, подножкой выбивая ему левую ногу и лишая равновесия. После чего с размаха заехал левой рукой туда же, куда и Арне — прямо в нос.

Правда, на этот раз добиться желаемого не получилось. Видимо, уже готовый к такому, Дариан закрыл лицо рукой. Однако при этом он и хватку свою ослабил. И мне удалось, ощущая, как стонут мышцы в правой руке, выгнувшейся под совершенно неестественным углом, развернуться и, положив ему ладонь на плечо, со всей силы врезать коленом в пах.

Может быть я и проигрывал им семь раз из десяти, но это не значило, что я был слабаком. Пятнадцать лет боли научили меня, как грамотно давать врагу отпор. Максимально эффективно и жестоко, бить туда, где больнее, главное — результат, и плевать на правила.

К сожалению, на этот раз они, похоже, вознамерились во что бы то ни стало осуществить задуманное. И несмотря на всё моё сопротивление, несмотря на разбитый нос Арне и Дариана, получившего коленкой под дых, отпускать меня они не собирались.

— Хватит! — рявкнул Карл, зажигая на ладони магический огонь, — если ты будешь и дальше сопротивляться, я спалю тебе лицо, понял меня?!

Магия. С этим я тягаться был не в силах. Обычно они к таким методам не прибегали. Синяки я мог получить откуда угодно, но вот те же ожоги от огненной магии — уже совсем другой вопрос.

Если бы они перестарались, и мне в итоге удалось доказать, что это именно они виноваты в моих увечьях, то даже дедуля Карла не смог бы всё так просто замять. В конце концов далеко не все старейшины Башни приветствовали такое кумовство.

Вот только я ещё не настолько отчаялся, чтобы поставлять своё лицо под пламя ради возможности возмездия. К счастью, а может и к сожалению. Однако то, что я не собирался давать себя сжигать, не значило, что я был готов просто сдаться и позволить вновь себя избить.

— Предупреждаю, — прошипел я, вкладывая в голос всю свою немалую злобу, — если вы снова ко мне ползете — я не успокоюсь, пока не превращусь в уголёк и не сдохну. И я обещаю, что точно утяну кого-нибудь из вас троих с собой.

Карл, казалось, даже не услышал, продолжая стоять с угрожающе подрагивающим магическим огнём на ладони и глядеть на меня с ненавистью и презрением. А вот Арне с Дарианом, успевшие неплохо отхватить, определённо испугались. И главарь их маленькой шайки это понял.

— Хочешь ты того или нет, но ты окажешься за этой дверью. Можешь попробовать дать

отпор — я лично не против.

Хорошая была бы тактика, если бы не похожие на побитых псов прихлебатели.

— А вот твои шавки, что-то мне кажется, против, — ухмыльнулся я.

— И?

— Сам туда пойду, — выдохнул я идею, от которой вообще не был в восторге. — Но ты мне дашь что-нибудь, чем можно будет подсветить, а то там темно — хоть глаз выколи.

— Сдурел?! — огрызнулся Карл, — чтобы я тебе жизнь облегчал?

— Либо так, либо я даже с сожжённым лицом успеваю откусить тебе к чертям нос. Готов проверить, блефую ли я?

— Карл, слушай, может ну его? — заныл Арне, продолжавший держаться за окровавленное лицо.

— Ублюбочный эльф! — пробормотал Карл, видимо споря внутри с самим собой. Но в конце концов рациональная сторона, похоже, победила. — На, подавись!

Он достал из кармана и бросил в меня маленькую, поблескивающую металлом коробочку. Зажигалка.

— Если попытаешься сбежать — я найду тебя и поджарю до угольков, понял меня? — переспросил он, поворачиваясь, чтобы отворить ту самую дверь.

— Давай-давай, — вздохнул я, чиркая колёсиком, чтобы проверить, не отдали ли мне нерабочее дерьмо.

Зажигалка работала, и отлично.

— Заходи, и без глупостей, — процедил он, открывая передо мной дверь в крошечную тьму.

— Вы только посмотрите, какое обслуживание! — хмыкнул я, входя в темницу чудовища.

— Надеюсь, когда завтра тебя тут найдут, то наконец-то выкинут из Башни, — хриплым голосом проговорил мне вдогонку Дариан. — Ну или его сожрёт запертый там...

Даже тот тусклый свет, что давала висящая в небе луна, погас, и я услышал лязг поворачиваемого в замке ключа.

Меня заперли. Заперли в месте, в котором я до сих пор ни разу не был и о котором слышал только жуткие истории. Просто замечательно.

Маленький огонёк, не угрожающий, как магия Карла, а добрый и мирный, выхватил из темноты каменный пол, часть стены и начало лестницы, уходящей вниз, во тьму, неизвестность и жуть.

Здравый смысл утверждал, что самый разумный выбор — остаться здесь. Дождаться утра, прихода сторожа, каждый день проверяющего это место, и попытаться объяснить ему, что во всё виноват этот ублюдок Карл, что я не хотел никуда вламываться, что...

А, к чёрту.

Да, специально я бы сюда не пошёл. Но, раз уж оказался здесь, не было смысла так просто просидеть весь остаток ночи под дверью. В конце концов, по этим ступенькам ежегодно спускались десятки, если не сотни студентов, чтобы послушать назидательную историю о том, как царь мудрости одолел своего страшнейшего врага — и ничего.

Подойдя к краю лестницы, я протянул вперёд руку с зажигалкой, разгоняя тьму. Вполне обычная, просто очень старая, с вмятинами от тысяч и тысяч шагов, лестница. А жути ей придавали ночь, моё воображение и гуляющие вокруг этого места слухи. Только и всего.

Спуск был долгим, я насчитал больше трёхсот ступенек. Из-за общего истощения и

перенесённых побоев к концу я уже начал задыхаться, несмотря на то, что шёл вниз.

Но, наконец-то последняя ступенька осталась позади и я очутился в небольшом, размером всего три на три метра, каменном мешке.

— И что здесь?.. — пробормотал я. — Экскурсию мне не проведут, но хоть сам посмотрю...

Экскурсия, впрочем, получилась довольно быстрой.

По стенам висели магические светильники, сейчас потушенные.

Посередине комнату разделял натянутый толстый канат — ограждение, за которое нельзя было заходить. И, насколько я помнил, ради самих же посетителей, потому что за невидимой чертой начиналось настоящее минное поле из десятков установленных царём мудрости ловушек.

Причиной таких предосторожностей был стоящий в вырубленной в стене нише потемневший от времени... кувшин? Наверное, так. Над ним на камне была вытравлена надпись: “Здесь покоится Бафомет, зло извращённого разума”.

Ещё одно знакомое имя из прошлой жизни. Впрочем, к подобным совпадениям я уже давным-давно привык.

Бафомет, о котором я был в курсе, был каким-то по-настоящему крутым демоном в земном сатанизме. Но его темница в этом мире была какой-то... разочаровывающей, что ли?

Не знаю, чего я ожидал, на самом деле. Но чего-то по-настоящему жуткого. В конце концов запечатанное в этом кувшине существо по легендам когда-то наводило ужас на весь человеческий мир.

Ну, вроде как. Кроме надписи на стене и неопределённых легенд об этом Бафомете не было известно ровным счётом ничего.

— *Прискорбно.*

Я аж подпрыгнул от неожиданности. Резко обернулся, выхватывая из темноты заплывавшим пламенем зажигалки лестницу.

— Кто здесь?

— *Ты меня слышишь?*

Сердце ухнуло куда-то в пятки. Разом вспомнились и легенды о Бафомете этого мира, пожирающем детей и вырезающем целые страны, и истории о сатанинских культах Земли.

— Кто говорит?! Карл! Это вы, придурки?!

— *Это не тот юный расист. С тобой говорю я.*

— Кто “я”?

— *Ты только что читал мою... “эпитафию”, назовём это так.*

Вновь обернувшись к стене с надписью, я попятился на плохо ногах и едва не оступился на первую ступеньку лестницы. Вот это уже было по-настоящему жутко.

— Хорошая шутка, но даже первогодки знают, что Бафомет находится в вечном сне, — проговорил я, стараясь успокоить колотящееся сердце. — Если ты хотел меня напугать, придумал бы что-нибудь получше!

— *Поверь, я не спал.*

— Тогда это ещё более странно! Бафомет до сих пор ни с кем не разговаривал. Почему вдруг заговорил со мной?

— *Кстати, а это хороший вопрос...*

Похоже, мой собеседник всерьёз об этом задумался, дав мне минутку на то, чтобы хотя бы немного успокоиться и собраться с мыслями. Поджилки у меня трястись не перестали,

конечно, но по крайней мере я смог более-менее осознать происходящее.

Бафомет... Монстр, запечатанный Агуром больше двух тысяч лет назад. И, честно говоря, как бы мне ни хотелось найти иное объяснение, всё моё естество продолжало вопить о том, что это — единственно возможная реальность.

Ну просто не мог ЭТОТ голос, холодный, совершенно безэмоциональный, наполненный какой-то невероятной энергией, принадлежать человеку. А даже если и мог. Зачем бы какому-нибудь высшему магу вот так подшучивать над простым уборщиком?

Оставалось только признать жуткую правду. Со мной действительно говорил обитатель этого медного кувшина.

И это...

Почему-то меня успокоило.

Нет, меня всё ещё потряхивало, но это была реакция моего паникующего подсознания.

Сам же я будто бы сбросил с плеч тяжкий груз. Теперь, когда угроза, пусть и невидимая, приобрела голос и имя, мне неожиданно стало легче. И, будто почувствовав, что я пришёл в себя, мой собеседник заговорил вновь.

— *Парень, веришь ты мне или нет, но я говорю правду. Я заключён в этом месте уже многие сотни лет. И ты — первый, с кем я говорю за многие и многие годы.*

Глубоко выдохнув, я посмотрел на “темницу” монстра. С учётом того, что я сам был едва ли не бóльшим чудом, сохранив воспоминания о прошлой жизни, я точно был не тем, кто имел право на какой-то особый скепсис.

— Допустим, ты — действительно Бафомет, пойманный царём мудрости в этот кувшинчик.

— *Чтобы ты знал, мальчик, медный кувшин Агура — это один из сильнейших артефактов в мире, способный запечатать что угодно, хоть дракона. И называть его так — это неуважение в первую очередь к вашему обожаемому царю мудрости.*

— Я не ученик, — нахмурился я, — я — уборщик.

— *Приму к сведению.*

Прозвучало как-то обидно, честно говоря.

— Ну, хорошо. И чего же ты от меня хочешь? Надеюсь, ты не попросишь выпустить тебя?

— *Вообще-то именно об этом я и думал.*

Я не удержался от нервной усмешки.

— Серьёзно? По-твоему, я настолько идиот, чтобы выпускать на волю того, кого называют Злом?

— *Никакое я не зло.*

— Я вообще-то смотрю на надпись, где буквально написано: “Зло”.

- *“Зло извращённого разума”. Можно подумать, те, кто писал эти слова, назвали бы меня как-то иначе. Сам подумай минутку и поймёшь, что эта надпись к действительности имеет мало отношения. Злом меня назвала история, чтобы было удобнее называть Агура — Добром. В реальном мире не существует ни абсолютного “Зла”, ни идеального “Добра”. А эти слова написали спустя века после того, как Агур победил и запечатал меня. В назидание будущим поколениям, так сказать.*

— И кто же ты тогда?

— *Я был учёным, исследователем магии, лучшим в своём деле. Много раз даже Агур, почитаемый вами как царь мудрости, обращался ко мне за помощью. Я не искал славы, не*

искал власти, не искал признания, а всё, что меня интересовало — это получение всё новых и новых знаний, познание неведомого, постижение тайн вселенной.

Отчётливое ощущение того, что меня пытаются, мягко говоря, обмануть, не покидало. Но с другой стороны его слова, произнесённые этим бесстрастным, лишённым эмоций голосом, казались максимально логичными и правильными. Хотя вопросы у меня, конечно же, были.

— Если бы всё было действительно так, тебя бы не заперли в медный кувшин, приписав настолько угрожающую эпитафию.

— Ну, это действительно не всё, тут ты меня... “подловил”, скажем так. Дело в том, что зачастую мои исследования шли вразрез с общественным пониманием морали.

— В смысле?

— Ну, вот представь: в мире свирепствует страшная эпидемия, выжигающая целые страны, оставляющая после себя огромные горы трупов и крошечные горстки тех, кому повезло выжить. Десятки тысяч гибнут каждый день, миллионы — каждый год, и никто не знает, как справиться с этой заразой. И тогда появляюсь я, выбираю небольшой городок с несколькими тысячами населения, блокирую его магией так, чтобы никто и ничто не могло ни выйти, ни войти, и заражаю всех жителей этой болезнью. А потом просто наблюдаю за тем, как она протекает, ставлю опыты на ещё живых и уже мёртвых, вскрываю тех, кто заразился, но смог выжить, чтобы понять, что отличает их от “неудачливого” большинства — и через пару недель нахожу лекарство. Благодаря мне и ценой шести-семи тысяч жизней спасены десятки миллионов, и меня восхваляют как спасителя. Но только до тех пор, пока люди не узнают о том, как именно было совершено это открытие — потом я сразу же становлюсь чудовищем и убийцей.

Желудок скрутило от отвращения.

— Но ты ведь и правда убийца! Ты убил всех тех людей, которые, возможно, даже никогда не узнали бы о той болезни!

— А возможно узнали бы, и всё равно умерли. Я не отрицаю, что я убил их — это было бы бессмысленной ложью. Но также непреложным фактом является то, что пользы от моих деяний было несоизмеримо больше, чем вреда. А те, кто написали эти глупые слова, предпочли цинично забыть обо всей принесённой мной пользе, и оставить в памяти людей только нанесённый мной вред.

— Всё равно, — покачал я головой. — Ты не имел права решать за этих людей, жить им или умирать!

— О, этот вечный спор: “В правде ли один человек управлять жизнью другого?” Открою тебе глаза, парень: все, кто обладают властью, так или иначе решают определяют чужие судьбы, в том числе жизнь и смерть. Богатые обрекают бедных на нищету, голод и забвение; сильные самим существованием своей силы оставляют слабых под своей пятой; правители без зазрения совести отправляют тысячи и тысячи сражаться и гибнуть в зачастую бессмысленных войнах. Единственная причина того, что в этом медном кувшине оказался именно я, заключается в том, что мои действия были слишком прямы, лишены того толстого слоя напускного благородства, что всегда красуется на лицах власть имущих. И ты должен лучше многих понимать, насколько я прав, ведь всего десять минут назад та троица сделала с тобой ровно то же самое: решила твою судьбу за тебя. Когда тебя найдут здесь, то не будут разбираться, как ты сюда попал, тебя просто выкинут на улицу, и там ты через какое-то время просто погибнешь.

А ведь он в чём-то был прав...

— Что, хочешь сказать, что мы с тобой похожи, и потому я должен тебя выпустить?

— *Хочу сказать, что это определённо будет выгодно нам обоим.*

Его слова прекрасно ложились на боль, что успела пропитать мою жизнь. На обе моих жизни. И я по-настоящему задумался о том, чтобы сделать, как он просит. Но осознание этого стало будто бы ушатом ледяной воды на голову.

— Если я выпущу тебя, ты снова начнёшь убивать и эти смерти будут на моей совести!

— *Это уже как ты сам пожелаешь.*

— В смысле?

— *Я пробыл в заключении многие века. Мой дух ослаб дальше некуда. Без тела я не смогу существовать. И если ты предоставишь мне своё тело в качестве временного убежища, то взамен я обещаю помогать тебе во всём. Тебя, кстати, как зовут?*

— Алистер... можно Ал.

— *Хорошо, Алистер. Представь, к примеру, та троица. Ты ведь хочешь им отомстить? Сделать так, чтобы они пожалели о том, что над тобой издевались?*

Я нахмурился. Конечно, я хотел этого. В минуты ярости и отчаяния хотел заставить их страдать, а потом прикончить, настолько жестоко, насколько это возможно. Но на холодную голову я понимал, что это всё-таки была несоразмерная кара.

— Убивать их я точно не хочу.

— *А я и не предлагаю. Ещё раз, я не монстр. Заставить человека пожалеть можно тысячей куда более простых и болезненных способов. К тому же я могу научить тебя магии. Вот скажи, каково это — жить каждый день в окружении магов, не в силах изучить хотя бы простейшего заклинания? Ты ведь сам сказал, что работаешь уборщиком. Если с моих времён сохранился расизм, то и дискриминация тоже никуда не делась, и никто не стал бы учить тебя магии.*

Он был не совсем прав, я знал два заклинания, одному из которых меня даже специально научили... чтобы я лучше исполнял обязанности уборщика.

Чёрт побери, естественно, я хотел большего! Все пятнадцать лет с тех пор, как очнулся в теле младенца, хотел большего! Но...

— То есть ты будешь просто гостить в моём теле, пока...

— *Пока тебе не надоест и ты не найдёшь мне новое, в котором смогу стать полноправным хозяином. Если тебе так жаль людей, то можешь найти мне какого-нибудь умалишённого. Ему от моего соседства будет только лучше.*

— А моё тело ты не захватишь?

— *Клянусь, что не захвачу. К тому же, как я и говорил, я слишком слаб сейчас, ты с лёгкостью дашь мне отпор даже со своим первым кругом маны.*

В голове лихорадочно крутились мысли. Конечно, я хотел лучшей жизни, хотел научиться магии, хотел расквитаться с Карлом, Арне и Дарианом, и со всеми остальными, кто вытирал об меня ноги. Но доверять тому, в чьей эпитафии были слова “Зло извращённого разума”? Это было будто бы выйти на площадь и заорать во весь голос: “Я — идиот!”

А с другой стороны, он ведь был прав. Когда меня найдут тут, то не станут разбираться. И Мариус — мой опекун и единственный союзник в этом враждебном мире, уже не поможет. Меня просто выкинут на улицу. И там “остроухого” ждёт либо долгая голодая смерть, либо быстрая смерть от ножа какого-нибудь патриота. Такая себе перспектива. И

что-то сомневаюсь, что мне светит второе перерождение.

И что, я действительно собирался упустить предоставленный мне впервые за пятнадцать лет шанс даже не столько на лучшую жизнь, сколько банально на спасение? Уж лучше было рискнуть, чем прожить остаток жизни, жалея об упущенной возможности.

— Ты обещаешь меня слушаться?

— *Обещаю.*

— Поклянись.

— *Клянусь тебе, Алистер, что я, Бафомет, буду помогать тебе и слушаться тебя, если ты поможешь мне выбраться.*

К чёрту. Живём, как говорится, один раз. Ну, вернее, два раза.

— Хорошо, что я должен сделать?

— *Для начала, попробуй просто подойти.*

— Так просто? Этот... кувшин вроде как защищают десятки печатей царя мудрости.

— *Попробуй.*

Решив, что попытаться будет проще, чем спорить, я подошёл к канату ограждения и... просто перешагнул его. Ничего не произошло. Ещё несколько шагов — и вот медный кувшин оказался у меня в руках. Действительно... слишком просто.

— *Открой его.*

— Ты помнишь, что обещал?

— *Помню, Алистер, открывай уже!*

Глубоко вдохнув, будто перед нырком в воду, я одним движением вырвал деревянную пробку...

И уже через пару секунд ощутил, будто меня отрывают от собственного Я. Сначала пальцы ног, потом пальцы рук, ступни, ладони — начали неметь и будто бы пропитываться холодом. Сволочь хотела не просто поселиться в моём теле, она хотела захватить его!

Мне захотелось крикнуть: “Ты ведь поклялся!” — но губы отказывались слушаться, да и я понимал, насколько это глупо.

Всё-таки ты — идиот, Алистер! Послушался запечатанного царём мудрости монстра! Конечно же он будет белым и пушистым! Конечно он будет держать данные обещания! Конечно он не попытается ничего тебе сделать! Наивный идиот, поведшийся на сказки о светлом будущем!

Но как бы я ни был наивен, отдавать своё тело древнему монстру без боя я был не намерен.

Правда, я не имел ни малейшего понятия, что именно нужно делать. Так что сделал единственное, что пришло мне в голову. Зажмурился и изо всех сил, всеми своими мыслями, всем своим естеством начал тянуться к некой абстрактной, но такой невероятно важной для меня сейчас победе.

Не отдам, не позволю, не смей, не бывать этому, ни за что, никогда, нет! Моё тело — это моё тело, я в нём хозяин!

В памяти всплыли воспоминания, горькие воспоминания двух жизней.

В прошлый раз я умер довольно рано, мне не исполнилось и тридцати.

Никаких межпространственных грузовиков, к сожалению. Куда хуже. Рак лёгких.

Мне диагностировали его в шестнадцать и я боролся с ним практически всю “взрослую” жизнь, проводя долгие месяцы в больницах и долгие годы за реабилитацией. Ремиссия наступала дважды, и дважды я, уже готовый забыть об этом кошмаре, слышал от врачей

новости о рецидиве.

Эти американские горки были невероятно утомительны как для меня, так и для моих родных. Настолько, что после третьего диагноза даже моя мама однажды сказала, мол: “Сынок, может быть стоит потратить оставшиеся годы на то, чтобы жить, а не на то, чтобы выживать?”

Я понимал, что эти слова были продиктованы усталостью и отчаянием. Но слышать такое от самого близкого человека даже с этим пониманием не было менее больно. Я накричал на неё тогда, в сердцах наговорив гадостей, и просто ушёл, хлопнув дверью. Я не хотел умирать, не хотел “жить напоследок”. Я думал, что вновь справлюсь с болезнью и на этот-то раз она отступит окончательно, и меня будет ждать долгая и счастливая жизнь...

К сожалению, не всё в этой жизни можно было решить просто усилием воли. Я умер за пару месяцев до своего двадцатисемилетия, лёжа на больничной койке, не способный даже поднять руку, ощущая, несмотря на обезболивающее, адское пламя, полыхающее в умирающих лёгких.

За пару дней до того ко мне, чтобы попрощаться, пришли родные. Но, хоть я и успел помириться с мамой, видеть их я не хотел. Не хотел, чтобы встреча с ними, их слова и слёзы, заставили меня задуматься, что, возможно, выбрав борьбу, я поступил неверно.

До последнего момента я цеплялся за жизнь, вопреки всякой боли и вопреки всё чаще посещавшим меня мыслям о том, что смерть лучше, чем такая жизнь. И я не хотел умирать, разочаровавшись в этой борьбе — последнем, что у меня осталось.

И, похоже, я всё сделал правильно. Потому что моя настойчивость настолько впечатлила вселенную, что мне дали второй шанс. По крайней мере, мне нравилось думать, что это произошло именно поэтому. И я родился вновь, в ином мире, полном магии и чудес.

Вот только, к сожалению, и этот мир не был ко мне добр, просто иным образом. Эльф-полукровка в мире людей, ненавидевших эльфов. Надо мной самого раннего детства издевались все, кому не лень. И, конечно, Карл и парочка его прихлебателей были далеко не первыми.

Меня шпыняли так часто, что в какой-то момент я даже начал думать, что так и должно быть. Что такова, видимо, плата за второй шанс. Что кто-то умирает с концами, а мне дали жизнь — и я должен быть благодарен за неё вне зависимости от того, какой она была.

Я почти сдался, почти смирился с таким положением дел, почти перестал ощущать боль. Но однажды, в очередной раз сбитый на пол и поливаемый водой из ведра, в котором полоскал тряпку, я почувствовал, что таящийся где-то глубоко внутри огонёк воли вот-вот погаснет.

Каким-то неведомым образом я понял: это была моя крайняя точка. Если бы я стерпел, то этот огонёк уже не зажётся бы никогда.

И всё внутри меня взбунтовалось против такого исхода.

Я плохо помнил, что случилось потом. Вроде бы я вскочил, бросился на ошарашенного паренька, только что гнусно хихикавшего со своими друзьями, повалил его на пол, начал мутузить кулаками.

Тогда ещё без какого-либо особого понимания о том, как надо драться, этому навыку раковым больным обучиться было негде. Просто вымещал на маленьком ублюдке всю скопившуюся внутри ярость.

За то, что сделал он, его отчитали и наказали несколькими часами внеурочных занятий. За то, что сделал я, меня наказали неделей в “исправительной комнате” — холодной

каменной коробке метр на метр, куда не проникал ни единый лучик света и ни единый звук.

Мне сказали, чтобы я хорошенько подумал о своём поведении и чтобы больше никогда так себя не вёл. Решили, что таким образом смогут привить мне послушание.

Вот только эффект был ровно противоположным. Именно тогда, в эту неделю, я понял две критически важные вещи. Первая: то, что я переродился, не давало жителям этого мира права безнаказанно вытирать об меня ноги. И вторая: каковы бы ни были последствия, каково бы ни было наказание — всегда нужно бить в ответ.

Нельзя уступать даже миллиметра своей территории.

Ни тому мелкому ублюдку. Ни Карлу и его шайке. Ни древнему монстру, запечатанному царём мудрости.

Онемение, дошедшее уже до плеч и бёдер, вдруг замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Я не понимал, каким образом, но то, что я делал, работало! И зазвучавший у меня в голове голос Бафомета это лишь подтверждал.

— *Алистер, не сопротивляйся. Позволь мне занять твоё место — и я исполню всё, о чём ты когда-либо мечтал за тебя. Тебе не придётся страдать, не придётся мучиться, не придётся сражаться за место под солнцем. Ты получишь весь этот мир на блюдечке, достаточно всего лишь сдаться!*

— Думаешь... — прошептал я, мысленно возликовав от того, что вновь могу двигать губами и языком, — теперь я поверю... хоть одному твоему слову? К тому же... я никому и никогда больше... не сдамся!

Онемение, уже почти минуту стоявшее на месте, вдруг двинулось обратно, возвращая мне контроль над ногами и руками. Ещё через минуту я вернул контроль над своим телом, онемения больше не было. Но что-то всё равно было не так.

Неожиданно из моей груди вынырнул яркий огонёк и за секунду превратился в небольшую, примерно формата А5, книжечку, зависшую передо мной в воздухе. На гладкой чёрной обложке были выбиты серебряные символы: 13/45-01.

Гримуар. Магическое устройство, без которого не представлял себя ни один маг. Оно облегчало создание заклинаний, позволяло намного быстрее их творить, а также давало доступ к так называемой Короне Мудрости — по сути глобальной базе данных всех существующих заклинаний.

Хотя, “устройством” его называть всё-таки было неправильно, хотя он и выглядел как книга. По сути гримуар был невероятно сложной магией, связывающейся с душой мага и работавшей с ней напрямую.

Мне в каком-то смысле повезло. Слугам, даже в Башне Магии, гримуары не полагались, но мой был со мной сколько я себя помню, что давало мне определённое преимущество. Минимальное, правда. Естественно, никакой особенной магии меня никто обучать не собирался. Всё, чему меня научили — это заклинания для придания блеска поверхностям, чтобы я ещё лучше выполнял обязанности уборщика.

Так что пользы от гримуара было немного. К тому же, в отличие от громадных талмудов, которыми владели другие маги, мой был, можно так сказать, ущербным. Однако сейчас, похоже, он всё-таки собирался что-то сделать.

Книжка гримуара раскрылась на первой странице и я увидел проступающие на чёрных листах серебряные надписи.

Необратимое изменение структуры души владельца.

Невозможно поддерживать текущее слияние.

Слияние будет произведено повторно.

Буквы, убедившись, что я их прочёл, начали постепенно растворяться в черноте страницы, чтобы вскоре смениться новыми.

Сила души владельца значительно выросла.

Гримуар 13/45-01 не способен в полной мере соответствовать.

Слияние невозможно.

Гримуар 13/45-01 будет обновлён.

А это уже что-то совсем странное. Обновление? У меня в душе, что, программное обеспечение от смартфона?

Гримуар 13/45-01 обновлён.

Слияние возможно.

Слияние будет произведено повторно.

На этот раз ждать пришлось больше минуты. И только тогда, наконец:

Слияние произведено успешно.

Гримуар 13/45-01 готов к работе.

Меня охватило странное, непонятно откуда взявшееся чувство, что я — это больше не я. А потом...

Воспоминания, чужие воспоминания, которые я никогда не проживал лично, хлынули в голову неостановимым, бесконечным потоком. Я почувствовал, как моё Я поглощает и втягивает в себя чужое сознание и мысли.

Глубоко выдохнув, я осел на пол. Это было очень странно. Даже с учётом двух жизней я прожил лишь чуть больше сорока лет. И тут вдруг мой разум обогатился памятью о сотнях лет невероятного опыта.

Не моего опыта, опыта Бафомета, я мог довольно легко провести границу. Но, тем не менее, огромный объём информации, что содержался в сознании “Зла извращённого разума”, спугивал мысли и довольно долго я просто сидел, пялясь в одну точку и пытаюсь прийти в себя. В прямом и переносном смысле.

Только минут через сорок я смог, наконец, успокоить бурлящий в мозгу коктейль из воспоминаний.

Многое из того, что говорил Бафомет, было правдой. Он и правда был исследователем, и правда не раз спасал тысячи и миллионы. Вот только он “забыл сказать”, что во время таких вот “спасений” его не интересовали ничьи жизни.

Бафомету было плевать на людей. На их чувства, мысли, желания и всё в таком духе. Если они не могли как-то поспособствовать его цели — то были либо бесполезны, либо вредны. В первом случае он их игнорировал, во втором максимально эффективными методами “решал проблему”.

По сути, он был самым настоящим психопатом, без толики эмпатии и сочувствия. И древнему миру очень повезло, что он сделал своей целью не мировое господство, а “всего лишь” сбор всех существующих в этом мире знаний о магии. При этом то, что эти знания кого-то там спасали, было лишь побочным эффектом процесса познания.

Так что обещания, которые он мне надавал, были пустым звуком. И как только я открыл кувшин — он тут же попытался захватить моё тело. Однако неожиданно для самого Бафомета моя душа оказалась “крепким орешком”.

Во-первых, из-за того, что моя перерождённая душа была больше и крепче, чем у любого обычного подростка. Во-вторых из-за оказанного мной сопротивления, тут я мог заслуженно себя похвалить.

Но был и ещё один фактор. Вплетённый в мою душу гримуар, который я считал поломанным и ущербным, неожиданно оказался намного сложнее чем даже Бафомет мог ожидать. И пока Бафомет был занят расшифровкой его структуры, я смог перехватить инициативу и начать выдавливать его из своей души.

Даже выброшенный из моего внутреннего мира, Бафомет бы не умер. В своей форме духа он был буквально бессмертным. Но, истративший последние силы, он просто рассеялся бы в пространстве. И восстановиться из такого состояния он смог бы только через несколько десятков, а то и сотен тысяч лет.

И, пропустив две тысячи, Бафомет не хотел пропускать ещё в несколько раз больше. А потому он прибег к последнему варианту. Не поглотить, а слиться с моей душой. И вот это как раз действительно была его окончательная смерть. Потому что, растворившись во мне, Бафомет перестал существовать как отдельная сущность.

Для меня, честно говоря, это был очень странный выбор. Сразу после побега из темницы совершать, фактически, суицид, при этом отдавая все свои накопленные знания и опыт тому, из-за кого ты, собственно, и умираешь. И в конце его главной эмоцией действительно было сожаление. Конечно же, ему не хотелось, чтобы всё заканчивалось вот так, не успев даже начаться.

Однако Бафомета всегда интересовали лишь знания. И ради того, чтобы продолжить их копить, он был готов отказаться от собственного Я. В конце концов, не было разницы, кто продолжит процесс познания.

К тому же в плену медного кувшина он, сам того не заметив, изменился. Я не понаслышке знал, что могло сотворить с разумом заточение в одиночной камере наедине с самим собой. При этом самым долгим сроком, что я проводил в “исправительной комнате”, было две недели. А он пробыл в темнице Агура больше двух тысяч лет.

На поверхности это не ощущалось, вряд ли даже он сам мог это в полной мере почувствовать. Но, бесстрастно заглядывая в его воспоминания, будто зритель — в кинофильм, я мог сказать, что самым последним, что он ощутил, были не сожаление и не злоба, а облегчение, смирение и принятие.

Своим отчаянным сопротивлением я заслужил его уважение и он не просто воспользовался единственным возможным способом продолжить накопление знаний. Он передал мне эстафету, доверил свою память, дал шанс. И, как бы я ни относился к безэмоциональному монстру, способному просто ради эксперимента устроить настоящий геноцид, я не мог не ощутить признательность и уважение по отношению к нему.

Отдыхай спокойно, древний маг. Я продолжу твоё дело и сделаю то, чего ты не смог. Клянусь тебе.

Почтив минутой молчания память Бафомета, это показалось мне правильным, я открыл глаза и тяжело выдохнул.

Да уж. Ночка получалась очень насыщенной, а ведь до её завершения ещё было долго.

И главным её событием было даже не то, что я неожиданно получил самое драгоценное наследство на свете. Важнее было то, каким образом я вообще смог это сделать? Почему Бафомет смог со мной разговаривать и почему я так спокойно смог его выпустить?

В первую секунду я подумал об особенностях перерождения. Но у самого Бафомета на этот счёт была куда более логичная, хоть и куда менее приятная теория.

Чтобы исключить риск того, что кто-то может соблазниться силой Бафомета, Агур, царь мудрости закольцевал контуры всех заклинаний его темницы на себя. И никаких проблем с освобождением Бафомета у меня не возникло скорее всего потому, что именно в этот момент Агур находится в критическом состоянии, возможно даже при смерти, если вовсе не мёртв. И это было очень плохо.

По идее в мире давно не осталось тех, кто способен ему навредить. Ну, кроме самих богов, конечно, но они никогда не стали бы вредить собственному избраннику. Но кто же тогда?

К сожалению, здесь, в подземелье, ответов я бы всё равно не получил. И было бы неплохо начать выбирать, благо у меня на примете уже было одно местечко, где в теории я мог бы получить ответы. Но для начала стоило всё-таки решить ещё несколько дел. Как философских и жизненных, так и чисто-практических.

Я поставил медный кувшин обратно на постамент, а крышку кинул себе под ноги. Создать иллюзию того, что Бафомет всё ещё внутри, с моими текущими способностями всё равно не получилось бы. Так что оставалось только сделать вид, что, освободившись из печатей Агура, он вылетел из кувшина и скрылся в неизвестном направлении.

По-хорошему, ещё стоило бы разрушить это место. Чтобы выглядело поубедительнее. И если раньше я не обладал для этого никакими навыками, теперь у меня была память Бафомета. С ней даже мой “экспериментальный гримуар” мог перестать быть ущербным. Впрочем, с учётом того, какую роль этот гримуар сыграл в противостоянии духу Бафомета, “ущербным” и “мусорным” его, пожалуй, стоило прекратить называть.

Впрочем, его дефективности и странности это не уменьшало.

Этот гримуар был со мной с рождения. Но тот, кто передал мне его, похоже, был тем ещё шутником. Потому что в “нормальных” гримуарах могло помещаться несколько сотен, а то и тысяч страниц с заклинаниями. В этом же содержалось тринадцать.

Моя память наполнилась десятками тысяч разнообразных магических контуров, полученных от Бафомета. Но так как после слияния гримуара с душой применение магии было возможно только через него, использовать из них я мог всего тринадцать!

Ни один студент Башни Магии, готов спорить, даже не взглянул бы на такой гримуар. Но другого у меня не было, и приходилось применять то, что есть, как настоящий Джеки Чан — использовать подручные предметы.

И, кстати, в моём гримуаре было уже даже не тринадцать слотов. Отдав мысленный приказ, я вызвал вынырнувшую из груди книжечку и открыл её на “оглавлении”. Здесь в краткой форме было записано содержимое гримуара, то есть все заклинания, что в нём

были. И список, надо сказать, оставлял желать много лучшего.

Доступные заклинания:

[Вегвизир (А-1)]+

[Идеальный блеск (G-1)]+

Две страницы были уже заняты. Идеальный блеск был магией, которой меня научили для того, чтобы я лучше исполнял обязанности уборщика. Вегвизир я выучил сам. Нашёл древний, ещё бумажный гримуар с ним, каким-то неизвестным образом попавший в общую секцию библиотеки.

Оба заклинания были мне знакомы... а вот появившиеся рядом с ними плюсики — нет. Это было чем-то новым. Перелистнув гримуар на страницу с Вегвизиром, я обнаружил рядом с названием заклинания новую надпись:

Комбинирование заклинания доступно.

Чего? Комбинирование? А можно как-то поподробнее? Где-нибудь в этом гримуаре есть страничка со сносками?

К сожалению, пролистав гримуар от начала до конца, я не нашёл ничего похожего. Ну, тогда осталось всего одно место, откуда можно добыть информацию. Вернувшись к Вегвизиру, я мысленно “нажал” на сообщение о комбинировании.

Осталось [3] комбинации.

С каким заклинанием желаете объединить заклинание [Вегвизир (А-1)]?

Варианты:

[Идеальный блеск (G-1)]

Всё равно не понял.

Ну-ка пояснительную бригаду мне сюда!

Спустя ещё пять минут изучения гримуара я, наконец, смог понять, что сделать, чтобы он показал страницу с описанием. М-да, хотя по своим свойствам гримуары иногда очень напоминали какие-нибудь системные консоли Земли, скорее это было из-за схожести функций. Удобством пользования и “клиентоориентированностью” тут даже не пахло.

Экспериментальное свойство гримуара 13/45-01 — Комбинирование.

Возможно объединение заклинаний одной школы *любых заклинаний*.

Объединяемые заклинания не могут превышать ранг [D] *могут быть любого ранга*.

Объединяемые заклинания не могут превышать [3] *круг могут относиться к любому кругу*.

Обратить объединение вспять невозможно.

Повторное изучение объединяемых заклинаний невозможно.

Осмыслив прочитанное, я остался в некотором шоке. Комбинирование? Бафомет потратил всю свою жизнь на сбор самой обширной коллекции магических искусств. И благодаря ему теперь я знал огромное количество заклинаний и сотни специфических техник, позволяющих усиливать, улучшать и исправлять их.

Однако о том, что заклинания возможно объединять между собой, я слышал впервые. Это ведь, по сути, был уже совершенно иной тип манипуляций. Не просто корректировка структуры заклинания, а полное реформирование. Уровень уже не просто архимагов... уровень богов. Уровень, дорогу к которому Бафомет так и не смог отыскать, как бы ни пытался.

И я вдруг заполучил силу, которой могли владеть только боги? Вот тебе и мусорный гримуар.

Но как такое было возможно?

Впрочем, немного покопавшись в знаниях Бафомета, я смог найти примерный ответ на свой вопрос.

Когда-то Бафомет был человеком. Но обычные души живых существ были невероятно хрупки и не могли вместить в себя слишком много магических контуров. Создание кругов маны укрепляло душу, но этого всё равно было недостаточно. А он хотел собрать не просто много видов магии, он хотел заполучить их все.

Так что он прибег к тому, что ортодоксальные маги называли “запретной практикой”. Ритуал, который провёл Бафомет, укрепил его душу, сделал её бессмертной, неуязвимой и способной содержать в себе почти безграничное количество контуров.

Ценой за это стало тело. Он стал бесплотным духом, обречённым вечно скитаться по миру, ища и не находя покоя в посмертии.

Ну, для кого-то такая участь и правда могла стать настоящим приговором. В мировоззрении некоторых людей пределом мечтаний вполне могло быть отправление в божественные земли после шестидесяти-семидесяти лет заурядной “праведной” жизни.

Однако для Бафомета смерть означала завершение его поисков, что было совершенно неприемлемо. Так что он ни капли не горевал по своему телу и своей смертности. Тем более что он получил возможность захватывать чужие тела и поглощать чужие души, получать их знания и становиться от этого только сильнее.

И хотя тысячелетнее заключение в медном кувшине Агура истощило Бафомета, суть его духа осталась той же. И когда его дух слился со мной, я получил не только накопленные им знания, но и буквально нечеловеческую душу, намного более могущественную, чем у любого обычного человека.

Так что гримуар, обновившись и заново связавшись с моей душой, похоже, не просто сменил форму иконок на более округлую, но претерпел некие невероятные качественные изменения.

Это можно было понять хотя бы по описанию Комбинирования. Изначально оно было довольно ограниченным, если зачёркнутые строки отражали старые свойства. Однако теперь единственным ограничением осталось количество комбинаций.

Впрочем, это надо было всё-таки проверить... вот только оба доступных мне заклинания для этого не подходили.

Вегвизир — магический компас, показывающий путь в нужное место, разработанный известным в своё время северным магом Гальдрабоком.

Главной особенностью Вегвизира было то, что, в отличие от любой другой магии направления, магу не обязательно было точно понимать, куда ему нужно. Вегвизиру можно было загадывать даже довольно абстрактные вещи вроде: “Найди мою будущую жену” или “Найди место, где я буду счастлив”. И хотя он далеко не всегда был точен, в целом по слухам магический компас Гальдрабока работал вполне исправно.

На его изучение я потратил целый год и хотел использовать когда-нибудь, чтобы найти своих родителей. Терять такую редкую и ценную магию я точно не собирался.

Идеальный блеск в качестве материала для объединения мне использовать не хотелось по ровно противоположной причине. Настолько бесполезная магия была не достойна того, чтобы тратить на неё одну из трёх комбинаций.

Так-так. Что можно было использовать? Что мне будет полезно сейчас и в ближайшем будущем? Как минимум для того, чтобы проучить ту троицу.

Слишком сложные и мощные заклинания отменялись. У меня был всего один круг маны, да и тот крайне нестабильный. С другой стороны, тратить одну из одиннадцати оставшихся страниц на бесперспективную магию вроде того же Блеска было бы верхом идиотизма.

Хм...

Знаю!

Во-первых, Дыхание земли. Магия, масштаб которой зависел исключительно от потраченной маны. Сейчас с её помощью я создам всего лишь иллюзию устроенного мной при побеге погрома, но в будущем смогу устраивать землетрясения и уничтожать города.

Вытянув из души контур Дыхания земли, я влил в него ману — и пол под моими ногами начал шевелиться.

Большинство типов магии контроля природных явлений предполагали “насилие” над объектом заклинания. Грубое вмешательство в естественный порядок вещей, нарушение баланса.

Дыхание в этом плане было уникально, поскольку не принуждало окружающий мир выполнять мою волю. Оно встраивалось в него, становилось неотъемлемой частью, и природа будто бы уже сама стремилась достичь нужного мне эффекта.

Оно было значительно медленнее, чем обычные заклинания. Но при этом тратило меньше маны, а также почти не оставляло следов применения магии. И то, и другое для меня сейчас было критически важно.

Так что потраченные мной на процесс сорок минут того стоили. Надеюсь, созданная видимость взрыва будет достаточно убедительной, чтобы хотя бы на первое время старейшины сосредоточились на поисках сбежавшего духа Бафомета.

Уже примерно зная, что увижу, я мысленно вызвал гримуар и перелистнул на третью страницу заклинаний.

Применено неизвестное заклинание.

Поиск в Короне Мудрости...

Поиск невозможен.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Я хмыкнул. Ничего удивительного, что поиск оказался невозможен. Мой экспериментальный гримуар не был подключён к Короне — всеобщей базе данных. Но в

моей нынешней ситуации это было даже хорошо.

Во-первых, я сам по себе был кладезем заклинаний самых разных эпох. Именно из-за того, что поиски знаний Бафомета “зашли слишком далеко”, он и был запечатан Агуром в медный кувшин. А теперь все его знания достались мне. Так что никакая база данных мне была не нужна.

Во-вторых же, гримуары стандартных образцов автоматически отправляли общую информацию о магии пользователя в архив. А делиться своими знаниями я ни с кем не хотел.

Название: Дыхание земли.

Подумав секунду, гримуар согласился с моим названием и на новой странице появилась лаконичная надпись:

[Дыхание земли (G-1)]

Так как это была новая, неизвестная магия, у него не было никакого описания. Если бы я захотел, впоследствии я мог бы вписать сюда на эту страницу его свойства, какие-то комментарии и примечания, как для себя, так и для потенциальных преемников. Однако мне это вообще не сдалось.

Куда больше меня волновало другое. И, открыв гримуар на оглавлении, я с удовлетворением увидел:

Доступные заклинания:

[Вегвизир (A-1)]+

[Дыхание земли (G-1)]+

[Идеальный блеск (G-1)]+

Ранжирование заклинаний шло согласно английскому или, может, латинскому алфавиту. Честно сказать, я вообще не представлял, каким образом это было возможно. Но, опять же, к совпадениям двух миров я уже успел привыкнуть.

То, что Дыхание земли гримуар оценил на самый низкий G-ранг, могло показаться несправедливым, ведь у этой магии не было предела применения. Но с другой стороны, то заклинание, что я применил, чтобы раскурочить пол и стены, и правда тянуло максимум на G. Так что тут всё было честно.

Одно заклинание для эксперимента у меня было. Теперь требовалось второе.

Что-то примерно похожего уровня, чтобы я всё ещё мог пользоваться результатом. Но при этом в достаточной степени отличающееся, чтобы проверить возможности Комбинирования...

Вспомнил.

Применено неизвестное заклинание.

Поиск в Короне Мудрости...

Поиск невозможен.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Название: Язык саламандры.

Тоже довольно примитивная магия, относящаяся к категории шаманизма. Активируя

его, маг призывал огненного элементаля, с помощью которого мог создавать пламя и управлять им. В зависимости от количества активируемых кругов и затраченной маны ранг элементаля мог меняться, а вместе с ним и эффективность контроля огня.

Сейчас я призвал самого примитивного элементаля, просто для того, чтобы создать на ладони крошечную огненную искорку. Однако для регистрации в гримуаре этого оказалось вполне достаточно.

Доступные заклинания:

[Вегвизир (A-1)]+

[Язык саламандры (E-1)]+

[Дыхание земли (G-1)]+

[Идеальный блеск (G-1)]+

Более высокий по сравнению с Дыханием земли ранг скорее всего был присвоен из-за относительной сложности процесса призыва. Интересно. Ладно, теперь самое интересное.

Комбинирование заклинаний доступно.

Осталось [3] комбинации.

С каким заклинанием желаете объединить заклинание [Дыхание земли (G-1)]?

Варианты:

[Вегвизир (A-1)], [Язык саламандры (E-1)], [Идеальный блеск (G-1)]

С Языком саламандры.

Комбинирование...

Я думал, что процесс займёт какое-то довольно долгое время и уже приготовился ждать. Но уже спустя пару секунд оглавление гримуара изменилось. Дыхание земли и Язык саламандры исчезли, а взамен них между Вегвизиром и Идеальным блеском появилась строчка:

[Название неизвестно (D-1)]+

Сейчас, подожди, назову, дай хотя бы проверю, что у тебя там получилось.

По-хорошему для начала стоило внимательно изучить получившийся контур внутри моей души — и только потом пытаться применять неизвестное и, возможно, нестабильное заклинание. Однако мне было слишком интересно и я не мог ждать. Вытянув из гримуара новый контур, я влил в него ману...

Основой магии, похоже, остался шаманизм. Я ощутил, как моей души коснулось чужое сознание, готовое исполнить мой приказ. Однако это уже был не обычный низший огненный элементаль. Сила, которой он обладал, была куда стабильнее, мягче и податливее.

Протянув ладонь, я попытался зажечь на ней искру, как делал это совсем недавно, но у меня ничего не получилось. Нахмурившись, я мысленно обратился к элементалю, потребовав объяснений. И хотя человеческим интеллектом и речью столь примитивный

стихийный дух не обладал, пояснить причину неудачи с помощью мыслеобразов ему удалось.

Открыв крышечку зажигалки Карла и крутанув мерно защёлкавшее колёсико, я, ощутив, как постепенно утекает энергия, вызвал небольшой стабильный язычок пламени.

И тут же ощутил связь, установившуюся между этим огоньком и призванным мной элементом. Связь, оказавшуюся куда крепче, чем во время использования обычного Языка саламандры. С этим маленьким пламенем я мог делать что угодно, придавать ему любые формы и свободно менять размер, лишь бы хватило маны.

Похоже, от Дыхания земли объединённой магии досталась не “Земля”, а именно “Дыхание” — естественная связь с природным явлением. Я потерял возможность создавать огонь из пустоты, но управление тем пламенем, что уже существовало, стало едва ли не на порядок проще и свободнее.

Очень неплохой обмен, хотя мне было и немного жалко тратить на это одну из трёх Комбинаций. Надо будет обязательно узнать, как увеличить этот лимит. А если я смогу в принципе от него избавиться, то заполучу едва ли не бесконечную силу.

Впрочем, это было дело далёкого будущего. Пока что мои душа и тело были настолько слабы, что применение даже банального заклинания первого круга вызвало у меня мигрень. И с этим стоило что-то срочно сделать. Но для начала...

— Название нового заклинания: Дыхание саламандры.

Доступные заклинания:

[Вегвизир (A-1)]+

[Дыхание саламандры (D-1)]+

[Идеальный блеск (G-1)]+

Отлично, этот вопрос решили...

А теперь ещё парочка.

Вопрос первый: какую из жизней мне выбрать? Алистера или Бафомета?

И вопрос второй: как бы мне отсюда выбраться, чтобы заполучить сильнейший артефакт во всей Башне Магии?

Естественно, уборщиком я оставаться не собирался. Теперь я мог просто отправиться в странствие, будучи уверенным, что не помру в процессе. Бóльшую часть жизни до того, как Бафомет победил и пленил Агур, он так и жил: путешествовал по миру в поисках новых заклинаний и сильных магов. И в целом такая жизнь меня вполне устраивала.

Однако со времени, когда Бафомет ещё не стал “злом извращённого разума”, этот мир сильно изменился и во многом уже походил на Землю, без учёта магии, конечно. Например, тут у каждого был гражданский лист — по сути, паспорт, и без него было практически невозможно передвигаться по миру. По крайней мере легально.

И по документам я был Алистером, полукровкой-эльфом, простым уборщиком, к тому же несовершеннолетним. Пока я не достигну определённого уровня сил, мне придётся следовать местным законам, иначе моё путешествие значительно усложнится.

Так что лучшим выбором казалось остаться здесь, в Вирсавии, в сердце цивилизации людей, в Башне Магии, постепенно поглощая всё наследие, что царь мудрости оставил своим потомкам. А отправиться в путешествие я всегда успею.

Значит, решено, остаюсь в Башне Магии. Но, чтобы моё здесь пребывание было более комфортным, для начала стоило улучшить качество своего тела.

На самом деле, получив половину генов от эльфов, я был довольно неплохо сложен для своих лет. Но недоедание, каждодневный тяжёлый физический труд, периодические избиения и порождаемый этим стресс — всё это никак нельзя было назвать хорошими условиями для взросления.

Худой настолько, что я мог даже через две рубашки прощупать каждый позвонок, сгорбленный, потрясываемый от холода...

До утра сюда никто не подумает заглянуть. Это было ещё часов пять-шесть. И за это время мне нужно было привести организм в порядок, а также было бы неплохо сформировать ещё круг маны, чтобы не остаться совсем уж беззащитным перед теми расистами.

И я точно знал, как справиться с этим.

Строго говоря, то, что я хотел использовать, даже не было магией, поскольку не предполагало активацию кругов маны. Однако человек, у которого Бафомет когда-то забрал эту технику, именно благодаря ей стал сильнейшим воином в своей стране.

Применено неизвестное заклинание.

Поиск в Короне Мудрости...

Поиск невозможен.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Название: Три цикла телесного перерождения.

Доступные заклинания:

[Три цикла телесного перерождения (SS-0)]+

[Вегвизир (A-1)]+

[Дыхание Саламандры (D-1)]+

[Идеальный блеск (G-1)]+

Максимальным рангом был SSS. Так что на этот раз гримуар определённо оценил моё новшество по достоинству.

Малый цикл телесного перерождения вёл ману из сердца в лёгкие и обратно. Средний цикл проходил по всем внутренним органам, укрепляя их. Великий цикл же шёл по всему телу, следуя за кровью и донося ману в каждую клеточку, обновляя их, напитывая силой, постепенно выводя за рамки возможного для обычных людей.

Эта техника не давала каких-то феноменальных моментальных результатов. Но в перспективе она могла даровать человеку буквальное перерождение, как и было сказано в названии.

Правда, в прошлом Бафомет её почти никогда не использовал. Тела, что он занимал, были лишь временными сосудами, а поддержание Трёх циклов отнимало слишком много внимания. Так что ему просто не было смысла тратить на эту технику время и силы.

Однако сейчас это было идеальным решением. К тому же, хотя основной задачей Трёх циклов всё-таки было укрепление и увеличение возможностей физического тела, эта техника должна была оказать положительное влияние и на скорость поглощения маны. Так что практика Трёх циклов должна была помочь мне, как говорится, одним камнем сбить двух птиц.

Усевшись прямо на пол, я закрыл глаза и сосредоточился на контроле протекающей сквозь тело мане.

Когда спустя четыре с половиной часа я поднялся по лестнице обратно к двери, с которой началось моё знакомство с Бафометом, суставы уже не скрипели, а в сердце вращались два стабильных круга маны.

Остановившись у двери, я положил ладонь на ручку. Заперто, естественно. Я мог бы использовать Дыхание Саламандры, чтобы просто расплавить замок. Но это стало бы неоспоримым свидетельством вторжения. А значит мне нужно было занять ещё один слот гримуара.

И, пока поднимался по лестнице, я уже успел придумать, что именно использую.

Название заклинания: Кузница в кармане.

В отличие от уже использованной мной магии, это заклинание второго круга не обладало каким-то огромным потенциалом. Его предназначение очевидно следовало из названия: точные и аккуратные манипуляции с металлом. Никаких атакующих свойств, никакого боевого потенциала.

И это могло быть не слишком приятно, но главным в магии всегда была изобретательность в её применении, а не ранг или круг. И на Кузницу у меня ещё были планы.

Достав из кармана зажигалку, я щёлкнул колёсиком, вызвав огонёк и отправив его в щель замка. Не для того, чтобы расплавить, а чтобы изучить внутреннюю структуру и расположение нажимных язычков. С добавлением в заклинание свойства “Дыхания” это стало очень просто.

А после сосредоточил внимание на крышке зажигалки и вызвал из гримуара конструкт Кузницы.

Главным преимуществом этой магии было то, что ему было не важно, о каком металле шла речь. С одинаковым успехом она могла изменять форму хоть обычной меди, хоть редчайшего и драгоценного мифрила. Так что зажигалка, какой бы ни была дорогой и качественной, участи превращения в ключ не избежала.

Вставив его в замок, я с удовлетворением услышал тихие щелчки поднимающихся язычков. И единственное, что осталось — это провернут ключ и выйти в длинный коридор Башни.

Ох, Башня Магии... главное творение царя мудрости.

Из памяти Бафомета всплыли воспоминания того, как Агур, тогда ещё никакой не помазанник божий, а просто невероятно талантливый молодой маг, собирал вокруг себя единомышленников и рассказывал о своих первых набросках идеи Башни.

Бафомет, ещё не ставший бесплотным духом и бывший всего на пару лет старше царя мудрости, с раздражением наблюдал за этим сборищем из угла библиотеки. Гомон толпы и громкий голос Агура мешали ему читать.

Тогда слишком воодушевлённый парень казался Бафомету глупцом и наивным мечтателем. И он не мог даже подумать, что спустя несколько лет Агур назовёт его лучшим другом.

Впрочем, в каком-то смысле это было закономерно.

Двое главных гениев поколения. Агур, сосредоточившийся на том, о чём так мечтал — на улучшении мира, получивший всеобщие любовь и признание, а также благословение богов. И Бафомет, никогда в жизни не интересовавшийся ничем, кроме расширения своих знаний и готовый ради этого пойти буквально на всё, ставший в итоге Злом извращённого разума.

Будущего царя мудрости другом он никогда не считал. Банально потому, что Бафомету в принципе были незнакомы обычные человеческие эмоции. Любовь, преданность, дружба — для него это был пустой звук. Однако за всё время из всех людей, пожалуй, именно Агур оказался ближе всех к тому, что Бафомет хотя бы в теории мог назвать дружбой.

Закончилась эта дружба, правда, не слишком удачно. Однако, даже унаследовав память и волю Бафомета, я не испытывал к царю мудрости антипатии.

Правда, существовавшая когда-то “дружба” не означала, что я не смогу в полной мере воспользоваться наследием Агура. Я вытяну из Башни Магии всё, что только можно и даже то, что нельзя. Не ради мести Агуру за Бафомета. Ради мести всем её современным обитателям за самого себя.

И начать я собирался с артефакта, до сих пор находившегося в этих стенах и бессмысленно покрывавшегося пылью.

Ночные коридоры были тихи и пусты. Стража Башне Магии не требовалась. Все чужаки обнаруживались и уничтожались заклинаниями задолго до того, как они сделают хотя бы шаг по этим выцветшим и адски скрипящим половицам.

А потому меня никто не побеспокоил, пока я, петляя по коридорам, шёл к самому центру огромного комплекса современной Башни Магии.

За тысячи лет изменилось очень многое. Когда-то Башня Магии была действительно башней. Небольшой, всего в пять этажей, запланированной Агуром в первую очередь как место для встреч и обмена знаниями, а не как какой-то спрут, запустивший свои щупальца всюду, от политики до аграрной науки.

К ней, к этой самой первой Башне, я и вышел в итоге. Белоснежная, похожая на клык

какого-то гигантского чудища, чуть изогнутая и несимметричная, совершенно неестественная на фоне окружающих построек с их чёткими и выверенными линиями. Однако в этом я всегда ощущал какой-то особенный шарм. Глядя на эту изначальную Башню Магии, сразу становилось понятно, что это — что-то из древней эпохи, что-то, пережившее тысячи лет истории, множество катаклизмов и войн.

Сейчас она, правда, уже давно не использовалась по назначению. Внутри находился музей жизни Агура. И такого мелкого человечка, каким я был сейчас, внутрь ни за что не пустили бы охранные заклинания. Ведь на пяти этажах башни находились десятки, если не сотни предметов и артефактов, связанных с Агуром, у коллекционеров пользующихся бешеным спросом...

Как будто мне было дело до того хлама. Смешно, честное слово.

Оградив старую башню, местные старички-управленцы оставили едва ли не самое важное наследие царя мудрости совершенно без охраны. Впрочем, их не стоило в этом винить. Людей, помимо самого Агура, знавших о его существовании, даже в древние времена можно было пересчитать по пальцам одной руки. Сейчас же, вероятно, я был единственным.

Перед старой Башней Магии был разбит небольшой дворик с цветами и одним-единственным древним сливовым деревом.

Под ним на Агура якобы снизошло благословение богов. На самом деле это было полной чушью. Но история была красивой и нравилась людям, а потому дошла до современности как непреложная истина.

И в качестве отсылки к этому легендарному событию, прислонившись спиной к коре и с лёгкой полуулыбкой глядя куда-то в небо, сидела статуя, изображавшая царя мудрости.

Сходство, надо сказать, было поразительным. Если не знать, что это — всего лишь каменное изваяние, как минимум на секунду любой бы поверил, что передо ним — Величайший из великих воплоти. Ну, оно и не удивительно. Всё-таки создавалась эта статуя ещё на памяти Бафомета. Я даже мог вспомнить, как Агур позировал для неё.

А на коленях статуи лежала раскрытая примерно на середине книга. Гримуар царя мудрости.

Человек мог создать в своём теле максимум десять кругов маны. Маги, имевшие от одного до четырёх кругов, назывались младшими, от пяти до семи — старшими, восемь и девять — высшие.

И всех их объединяло одно: мага с первого по девятый круг, если он не хотел стать посмешищем, нужен был гримуар.

Души людей на самом деле были очень хрупки и неподатливы. Да, они могли скрывать немало контуров заклинаний, но использовать больше десятка за раз было сложно даже высшим магам.

И для того, чтобы справиться с этой проблемой, были придуманы гримуары. На каждую его страницу маг мог вписать контур нужного ему заклинания и по необходимости вызвать его без какого-либо напряжения души.

По-настоящему умелые боевые маги могли одновременно вызывать по полсотни, а то и по сотне контуров за раз и вид бешено перелистывающихся страниц гримуара был по-настоящему завораживающим. Была даже такая поговорка: “Если ты не видишь страниц гримуара врага — значит ты уже мёртв”.

Однако десятый круг ставил мага на ступень, предшествующую божественному, подвергал его тело, душу и разум истинному перерождению. И хотя по-настоящему

огромного количества контуров душа мага всё равно содержать не могла, гримуар на десятом круге становился не особо-то и нужен.

Тем более он не нужен был Агуру, душа которого получила крещение в божественном сиянии. А потому, когда он достиг десятого круга, царь мудрости решил оставить свой гримуар в месте, которое считал самым главным своим творением. В Башне Магии. Ну, рядом с ней, если точнее.

И вот уже больше двух тысяч лет тысячи и тысячи магов проходили мимо статуи царя мудрости, не подозревая о том, что в его руках лежит не каменный, а самый настоящий, просто замаскированный, гримуар Агура.

Хотя, сейчас, вероятно, даже идиот понял бы, что это далеко не просто кусок камня.

Над одной из каменных страниц мерно сиял хорошо знакомый мне символ. Круг, вписанная в него гексаграмма и шесть маленьких звёздочек. Я, конечно, знал, куда и зачем иду, но это было уже каким-то слишком уж очевидным намёком.

Подойдя к статуе, я опустился перед ней на корточки и положил руку на камень.

Ей, защищённой невероятной магией, естественно, не требовалась никакая ограда. Да и никому в Башне Магии, а вероятно и во всей империи, не пришло бы в голову осквернять скульптуру царя мудрости. А касание гримуара Агура давным-давно стало простым ритуалом на удачу.

Ну, мне удача была не нужна.

Всмотревшись в мерцающую печать, я провёл пальцами по поверхности мрамора. Несмотря на то, что я довольно часто бывал здесь, собирая опадающие со сливы листья, ничего подобного никогда не видел. Каменный гримуар всегда был просто каменным, без каких-либо следов магии.

То, что на нём вдруг появилось нечто подобное и то, что удерживавшие Бафомета печати резко прекратили работать, не могло быть просто совпадением. Однако, когда я коснулся изображения звезды, ничего не произошло.

М-да. Я, конечно, всё равно собирался вскрывать тайник Агура. Но, раз уж он даже привлекающую внимание иллюминацию включил, можно было бы обойтись без всех этих сложностей, нет?

Ладно, не важно.

Энергетическая структура, по форме идеально повторявшая сияющий символ, родившаяся на моей ладони, не была заклинанием, так что гримуар тревогу не поднял. По сути, это был оформленный в виде магического конструкта ключ. Печать Соломона.

Созданная лично Агуром, она должна была подходить ко множеству оставленных царём мудрости запертых дверей. И гримуар в руках у статуи был как раз одной из них.

Символ Печати на странице гримуара на секунду вспыхнул ярким сиянием. А спустя несколько секунд, когда свечение потухло, по белому мрамору зазмеились руны. Заглянув каменному Агуру через плечо, я вчитался в текст.

“Приветствую тебя, собрат-маг, раскрывший оставленный мной секрет. Я — тот, кого людская молва назвала царём мудрости, Агур.

Увидь ты это послание в другое время, всё, что тебя ждало бы — это моё поздравление и восхищение твоими талантом и смекалкой за успешное разгадывание столь сложной головоломки. Однако, к моему огромному сожалению, если ты читаешь именно эти строки, значит ситуацию, в которой оказались я, империя, а, возможно, и весь мир, нельзя назвать иначе как критической.

Эту часть послания я оставил перед тем, как по воле богов отправился за Край. Сейчас там происходят очень странные вещи и я не могу проигнорировать это и опасность, которой это чревато.

Край — это место, где даже я не могу быть ни в чём уверенным. Надеюсь, я выясню, что там творится, и вернусь невредимым. Однако существует также шанс, что за Краем со мной что-то случится. К сожалению, если ты это читаешь, то со мной и правда что-то случилось.

А значит весь мир должен начать подготовку к борьбе с пока что неведомой угрозой.

И да помогут тебе боги”.

На этом текст вроде как прекратил появляться, и я уже было подумал, что всё закончилось. Однако спустя несколько секунд на другой странице гримуара, в самом верху, проступило ещё несколько строк. И записаны они были уже не традиционными рунами, а древней вязью, ещё на памяти Бафомета объявленной запрещённым языком.

Поначалу это показалось мне максимально странным. В современности не было никого, кто мог бы хотя бы прочесть эти строчки правильно. Тем более понять их смысл.

Но затем изящные линии наконец сложились в слова. И первым словом было: “Бафомет”.

“Бафомет, эти слова для тебя. Я знаю твои идеи и твою философию. Мир и люди для тебя — лишь инструмент. И тебе плевать, что с ними будет после того, как они исполнят свою роль в твоих планах.

Однако если слова богов окажутся правдой, то всему этому миру может настать конец. Даже ты не сможешь продолжать исследования того, чего не существует. А потому, если именно ты стал тем, кто увидел это сообщение первым, я прошу тебя: помоги.

Я понимаю, что не имею права говорить подобное после того, как заточил тебя. И я не стану отказываться от своих слов. Твои “исследования” — это кошмар для всего мира. Но кошмары лучше, чем смерть”.

Вам предложен контур заклинания [Лемегетон].

Принять контур?

М-да.

Агур умел заставить задуматься.

Принять.

Доступные заклинания:

[Лемегетон (SSS-8)]+

[Три цикла телесного перерождения (SS-0)]+

[Вегвизир (A-1)]+

[Кузница в кармане (C-2)]+

[Дыхание Саламандры (D-1)]+

[Идеальный блеск (G-1)]+

Максимальный ранг, восьмой круг. Неплохо, Агур, неплохо. Но, тем не менее, даже эту магию, похоже, можно было скомбинировать. Что же за сила мне досталась с этим экспериментальным гримуаром?

Отыскав в душе магический контур Лемегетона, я всмотрелся в него, чтобы понять, что это вообще была за сила. Насколько я помнил, царь мудрости никогда не использовал заклинания с таким названием.

И, надо сказать, то, что я увидел, меня по-настоящему удивило. Определённо, за две с лишним тысячи лет человек может сильно измениться. Это наглядно показал Бафомет, и царя мудрости, похоже, эта участь тоже коснулась. По крайней мере тот Агур, которого знал Бафомет, ни за что даже не подумал бы о том, чтобы создавать ЭТО и тем более предлагать использовать всем без разбору.

Впрочем, он бы и Бафомета не попросил вступить за мир и уж тем более не произнёс что-то в смысле: “Я предпочту тебя, как меньшее из зол”.

Всё-таки Величайший из великих был неисправимым идеалистом. Отчасти именно поэтому именно его и выбрали боги в качестве своего помазанника. И чтобы такой как он почти прямым текстом предложил мне власть над миром в обмен на его спасение? Ещё раз: “М-да”.

Бафомет бы отказался не раздумывая.

Агур многого не знал, у него в арсенале были заклинания, что позволили бы мне неплохо себя чувствовать даже после того, как этот мир будет уничтожен, главное было успеть стать достаточно сильным.

А я...

Скажем так, и перспектива спасти этот мир, став его героем, и перспектива поработить его, обратив в полигон для своих экспериментов — оба этих варианта казались привлекательными. Тем более если сам царь мудрости давал мне добро.

И как после такого не вступить за человечество?

Вздыхнув, я встал и отряхнул колени, после чего потухшая было печать над книгой вспыхнула с новой силой. К сожалению, оригинального гримуара Агура здесь не было. Возможно, царь мудрости всё-таки забрал его с собой за Край. А возможно, опасался чего-то и спрятал свой гримуар в другом месте.

И эта теория на самом деле была куда логичнее, чем могло показаться на первый взгляд. Иначе для Агура куда проще было бы отправить сообщение об угрозе напрямую высшим инстанциям. К тому же, что удивительно, Лемегетон предназначался не для “достойного представителя человечества”, а лично для Бафомета.

Забавно было осознавать, что своему величайшему врагу Агур доверял больше, чем старейшинам Башни и правительству Вирсавской империи. Хотя, с другой стороны, величайший враг царя мудрости когда-то был его же лучшим другом.

Впрочем, пока что думать о спасении или порабощении человечества было слишком рано. У меня был всего лишь второй круг маны — смешная сила, с которой я был почти ни на что не способен. Так что торопиться вершить столь великие деяния не стоило.

И для начала можно было сделать кое-что чуть менее значимое.

Следующая остановка — жилое крыло, студенческое общежитие.

Комнату, в которой жили Карл и пара его прихлебателей, я мог бы найти даже с закрытыми глазами. Подойдя к двери, я чиркнул зажигалкой, крышке которой уже вернул нормальную форму, и запустил в замочную скважину крошечную огненную искорку. Нужно было разведать обстановку.

Троица лежала в своих постелях, в отрубе после пьянки. Казалось, я даже через пламя элементаля могу почувствовать исходящее от них амбре. Наступающий день для студентов был выходным, так что они совершенно спокойно могли дрыхнуть. И то, что они сделали накануне, их, похоже, не слишком-то заботило. Что же, ладно.

Осторожно приоткрыв дверь, я беззвучно проскользнул в комнату. К счастью, в отличие от половиц коридоров, петли и замки тщательно смазывались. Замер, переводя взгляд с одного ублюдка на другого. Спали они очень сладко — прямо три ангелочка, Дариан даже улыбался.

Как же мне с вами быть, ребятки?

Проще всего, конечно, было убить их. Устроить поджог в комнате или запустить огненных духов им прямо в глотки. В отличие от профессиональных боевых магов, эта троица не утруждала себя установкой охранных заклинаний перед тем, как засыпать. Да и

вряд ли умела подобное. Так что это действительно было бы самым быстрым и лёгким вариантом.

Однако это всё-таки были далеко не те методы, что стоило применять к пусть ублюдочным, но всё равно ещё детям. К тому же смерть трёх студентов, тем более смерть Карла — внука высшего мага... вся Башня будет поднята на уши и старейшины не успокоятся, пока не найдут преступника. А сейчас я не был достаточно силён даже для того, чтобы грамотно замести следы.

Так что действовать нужно было тоньше. И я даже знал, что использовать, несмотря на то, что каждая новая заполненная ячейка в гримуаре была более драгоценна, чем предыдущая.

Применено неизвестное заклинание.

Поиск в Короне Мудрости...

Поиск невозможен.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Название: Челюсти Амаг.

Отлично. На чём я там остановился?

Моя ладонь, нависшая над грудью Арне, засветилась мерным, почти не освещающим окружающее пространство, зеленоватым сиянием.

Заклинание, придуманное лидером одной из отколовшихся от “праведной” церкви Семи Богов групп инквизиторов.

Церковь осуждала их методы и стремления, и даже объявила их учение ересью. Однако эта небольшая группка до самого своего уничтожения продолжала заниматься искоренением “треха”. Для того, чтобы делать это эффективнее, они и создали Челюсти Амаг.

Использованное на человеке, это заклинание заглядывало в его душу. Если “злых”, по представлениям тех инквизиторов, помыслов в человеке было больше, чем “добрых”, то Челюсти Амаг смыкались на его сердце и пожирали магические круги. Возможности восстановить их после такого не существовало.

Правда, если человек оказывался “хорошим”, то заклинание оборачивалась против мага и Челюсти впивались уже в его сердце. Но я был готов пойти на такой риск. В конце концов, вероятность того, что эти трое окажутся “добряками”, была равна нулю.

Арне задрожали захныкал, будто ему снился кошмар, однако не проснулся. Это тоже была одна из особенностей Челюстей. В отличие от большинства других заклинаний, разрушающих круги маны и вопреки довольно угрожающему названию, магия еретиков-инквизиторов была очень гуманной, практически безболезненной. О том, что с ним произошло, парень узнает лишь когда откроет глаза.

А я ощутил, как в моё сердце хлынул поток маны, и, естественно, не преминул ей воспользоваться. Вообще-то чужая мана была не слишком удачным ресурсом для создания кругов. Но мне в экстренном порядке была нужна сила, о побочных эффектах буду думать потом.

Два круга Арне помогли сформировать где-то четверть моего третьего круга, после чего свечение ладони погасло. Челюсти Амаг выполнили свою задачу. Следующий — здоровяк Дариан.

На него заклинание тоже сработало без каких-либо проблем. И так как у него уже был

третий круг, благодаря его мане я смог почти полностью сформировать свой. Оставалась самая капелька, которую я смог бы заполнить за пару часов медитации с использованием Трёх циклов.

Удовлетворённо кивнув, я подошёл к кровати Карла и протянул руку.

Но зелёное свечение, вспыхнув на секунду, потухло. Недоумённо подняв бровь, я попытался снова — с тем же результатом.

Что такое?

Причиной провала определённо было не то, что Карл был “хорошим мальчиком”. Во-первых, такое было в принципе невозможно, а во-вторых, даже если бы это оказалось правдой, Челюсти атаковали бы уже меня самого, а не просто развеялись.

Варианта, почему так произошло, было два.

Первый: я был слишком слаб. Карл имел уже четыре круга маны и, возможно, несмотря на то, что он сейчас спал, Челюсти просто не могли преодолеть разницу в силе между нами. В конце концов это заклинание тоже не было всесильным.

Второй: Карла что-то защищало. С учётом того, что его дед был высшим магом, это было довольно вероятно. Возможно где-то на его теле был спрятан артефакт, а возможно дело было в каком-то заклинании-обереге.

Но, так или иначе, пожрать его круг маны у меня сегодня определённо не получится. Печально.

Однако Бафомет был прав. Отомстить можно было десятком разных способов, некоторые из которых были едва ли не хуже смерти. Лишение мага его кругов маны было одним из таких способов, но далеко не единственным.

Что же ещё может быть хуже чем смерть? Естественно — страх. И для этого мне, по сути, уже даже делать ничего было не нужно. После того, как Карл увидит, что произошло с его друзьями, остальное его мозг сделает сам.

В окне коридора, когда я удалялся от комнаты троицы, я заметил светлеющее небо. Использование двух Челюстей Амаг и усвоение полученной маны заняло около получаса. И время незаметно из “очень позднего” стало “очень ранним”. Уже часа через полтора мне нужно будет вставать и идти заниматься делами.

Хотя, конечно же, я не собирался больше подметать мусор и натирать полы. И у меня уже были идеи по поводу того, как объяснить свой неожиданно появившийся магический талант, потому что скрываться я точно не собирался.

Однако до тех пор, чтобы иметь возможность в случае чего дать отпор тому же Карлу, мне нужно было сформировать третий круг.

Вернувшись в свою маленькую комнатку, по сути являющуюся подсобным помещением с положенным у стены тонким матрасом, я оглядел ряды швабр, мётел и граблей для чистки листьев и довольно ухмыльнулся.

Мог ли я хотя бы предположить, покидая эту комнатку несколько часов назад, что всё вот так обернётся?

Но, вот, Агур либо мёртв, либо почти мёртв, Бафомет исчез, слившись со мной, а на мир надвигается некая таинственная угроза. Великолепно, что можно сказать.

И это был никакой не сарказм.

До того, как Бафомета пленил Агур, он прожил не одну сотню лет. И от него я усвоил очень простую истину: война — величайший двигатель прогресса. Именно во время войн возносились самые могущественные маги и создавались самые поразительные заклинания.

И, отчасти из уважения к последней воле Бафомета, а отчасти потому, что я сам хотел наконец-то сделать свою жизнь по-настоящему полной и ценной, я собирался заполучить их. Все до единого.

Закрыв дверь и приложив огонёк зажигалки к воткнутой настенный крепёж свечке, я уселся на матрац, прикрыл глаза и, используя всю полученную от Арне и Дариана ману, запустил Три цикла телесного перерождения.

Сначала медленно, даже неторопливо, но с каждым оборотом всё быстрее и быстрее, по моему организму начала циркулировать мана. И каждый завершённый цикл прибавлял небольшую её толику, завершая формирование третьего круга.

Через сорок минут круг был завершён на девяносто девять процентов, через пятьдесят — на девяносто девять с половиной. Спустя ещё пять минут я уже был в крошечном шажочке от прорыва...

Когда вдруг услышал звук открываемой двери подсобки. И я просто обязан был обернуть ситуацию в свою пользу.

Использование заклинаний в процессе прорыва было плохой, просто отвратительной идеей. Однако у меня было преимущество в виде мощного духа, а также огромного унаследованного опыта, так что стоило рискнуть.

Выудив из гримуара контур Дыхания Саламандры, я через призванного огненного элементаля коснулся пламени свечи. Сердце тут же будто пронзили десятком игл: нестабильные из-за прорыва круги отказывались нормально работать.

К счастью, хотя и не в полную силу, но применить заклинание мне удалось. Огонёк, слетев со свечки, подлетел ко мне, и тут же из небольшой искорки обратился охватившим всё моё тело пожаром, в момент спалившим одежду. Но на самом деле пламя не касалось кожи, так что серьёзных ожогов мне не светило.

— Ал, ты почему не... — заглянувшая в комнату седая голова с носом-картошкой и в толстых роговых очках, увидев меня, сидящего на уже во всю полыхающем матраце, с ног до головы в огне, выпучила глаза от удивления и шока.

Старика звали Мариус, он был мажордомом, начальником слуг. Именно он когда-то нашёл меня, ещё младенца, выброшенного к дверям Башни, и решил оставить и выходить. И именно благодаря ему я в принципе получил хоть какую-то работу, а не был выброшен на улицу.

Мариус был едва ли не единственным человеком, к кому я испытывал положительные эмоции. И я определённо собирался в будущем отплатить ему за доброту.

Правда, зрелище того, как я полыхаю, на награду явно не тянуло. Шокированный происходящим старик застыл было на месте на несколько секунд, но потом с какими-то нечленораздельными воплями бросился меня “спасать”. Схватил стоящее в углу ведро с водой, в котором я обычно умывался, и уже хотел выплеснуть на меня.

К счастью, времени, что Мариус простоял в ступоре, оказалось достаточно, чтобы мой третий круг наконец-то сформировался. И, как только это произошло, я влил всю его ману в Дыхание Саламандры.

Пламя вспыхнуло с утроенной силой, в секунду захватив всю подсобку. Деревянные швабры и мётлы вспыхнули как хворост. Если бы я не управлял каждым язычком пламени в комнатухе, мы с Мариусом вполне могли действительно сгореть заживо.

Но благодаря тому, что контроль огня в комбинированном заклинании стал на порядок лучше прежнего, всё, что ощущали наши тела — лишь комфортное тепло, а весь дым

улетучивался через дверь. Старик так и остался стоять с ведром воды в руках, круглыми от удивления глазами оглядываясь по сторонам. И лишь когда я убедился, что зрелище произвело достаточный эффект, я приказал пламени затихнуть.

В итоге мы остались в почти полностью пустом каменном коробе. На полу остались лежать только угольки да металлические элементы инвентаря. Наигранно медленно, будто пришёл в себя после настоящего транса, я открыл глаза и огляделся по сторонам.

— Парень... — охрипшим голос произнёс Мариус, — что происходит?

За последние пятнадцать лет мне пришлось научиться подражать детскому поведению, когда это было нужно. В противном случае взрослые, и так не слишком довольные моим присутствием в Башне, быстро сочли бы меня каким-нибудь демоном. Так что сыграть для Мариуса спектакль было совсем несложно.

— Я... — я поднял к лицу дрожащие ладони, — я не знаю... я просто коснулся того символа! Мариус, я не хотел, правда!

— Ну-ну, всё в порядке, — подойдя и поставив ведро на пол, старик присел передо мной и погладил по голове. — Всё в порядке, Ал. Я уверен, ты не хотел ничего плохого. Мы всё разрешим, успокойся. Успокойся и расскажи подробно, что произошло?

Несколько секунд я “успокаивался”, после чего, кивнув, поднял на старика взгляд.

— Ночью меня опять вытащили из кровати Карл, Дариан и Арне...

— Вот мелкие... — скрипнул зубами Мариус, всегда очень за меня переживавший в таких ситуациях. — Извини, продолжай.

— Ну, вот. Они потащили меня куда-то. Но, когда мы проходили мимо дверей в подzemелье Бафомета, они вдруг замерли, будто услышали что-то. Дариан на секунду ослабил хватку, я смог вывернуться и бросился бежать. Думал, они будут меня преследовать, так что нёсся вообще не разбирая дороги. Так что, когда понял, что я совсем один, оказался уже во дворе перед Башней. И на гримуаре царя мудрости увидел странный символ. Он будто звал меня и я сам не заметил, как подошёл и коснулся его, но ничего не произошло. Так что я просто вернулся сюда. Однако когда я уже хотел засыпать, почувствовал внутри меня могучую энергию. А следующее, что помню — ты и... — я обвёл взглядом покрытые копотью стены и потолок. — Это.

— Ты ведь понимаешь, что рассказанное тобой и то, что тобой произошло — это очень серьёзные вещи? — нахмурившись, произнёс Мариус. — Ты уверен в своих словах?

Ответить я не успел.

В дверь каморки, оттолкнув и сорвав этим движением с петель обгоревшую дверь, шагнул закованный в тяжёлый доспех маг-страж — член элитного боевого подразделения Башни. Доспех второго стража виднелся у него за спиной.

— Что происходит?! — воскликнул мажордом, на самом деле обдающий в Башне Магии немалым влиянием. — Что вы себе позволяете?!

— Ты — Алистер-полуэльф? — проигнорировав Мариуса, жёстким командным тоном спросил меня один из стражей.

Я кивнул.

— Да, это — я.

— Пойдёшь с нами, тебя ищут старейшины. Расскажешь, зачем ты изувечил двух студентов академии.

— А можно мне хотя бы одеться?

Я опустил взгляд на оставшийся от робы уборщика пепел.

— Можно, — немного подумав, кивнул страж.

— Мариус, принесёшь мне что-нибудь?

— А? — старик явно был перепуган до чёртиков, за меня в первую очередь. И слова мои дошли до него лишь спустя несколько секунд. — А, да-да, погоди секундочку.

Подскочив, он торопливо протиснулся в дверной проём и скрылся из виду. Стражи, выпустив его, вновь загородили своими телами вход и замерли. Из-за закрытых забрал было невозможно понять даже куда они смотрят. Но по тонким нитям энергии, ощупывавшим коморку, я мог понять, что оба тщательно изучают обстановку и пытаются понять, что тут произошло.

Мариус вернулся спустя несколько минут, с новым комплектом одежды. Но не обычной рабочей, а куда более красивой и качественной, цветной и сшитой из мягкой и очень приятной ткани, такой, какую я ещё никогда не носил.

— Надевай, — протянул он мне стопку. — Это не совсем то, что ты обычно носишь, но на встречу со старейшиной нельзя являться в рабочей форме.

Я молча кивнул и принялся облачаться в далеко не самый удобный, жмуций в плечах и груди, костюм. Увидев, как я повожу руками, пытаюсь привыкнуть к схватывающей лопатки ткани, Мариус удивлённо поднял бровь.

— Странно, я вроде брал точно твои размеры.

На самом деле ничего странного не было, это уже проявили свой эффект Три цикла телесного перерождения.

— Идём, — бросил страж, отступая чуть в сторону и давая мне пройти.

Встав, я кивнул активно потеющему Мариусу, подбадривая старика, и двинулся следом за парочкой в сияющих доспехах. Проплутав по коридорам Башни минут десять, мы, наконец, остановились перед большими двустворчатыми дверями, украшенными вырезанными силуэтами Агура.

Первый страж, подойдя к дверям, пару раз стукнул в одну из створок и двери распахнулись “сами собой”.

— Заходи.

Не собираясь спорить, я сделал шаг и оказался в помещении о котором знал лишь по слухам. В Зале Совета. В огромной комнате, где легко можно было построить ещё один дом, единственным предметом мебели был огромный загибающийся подковой стол. За ним, выглядя какими-то маленькими и несостоятельными на фоне высоченных стрельчатых окон и покрывавших стены батальных сцен, сидело пятеро.

Старейшины Башни Магии. Каждый из них был минимум высшим магом, и обращённое на меня их внимание было, надо сказать, довольно гнетущим и неприятным. К сожалению, хотя объединившийся со мной древний маг мог бы с лёгкостью заткнуть за пояс их всех вместе взятых, мне самому перед ними пока что не стоило вести себя вызывающе.

А вот на хорошо знакомую мне троицу, стоявшую внутри подковы стола, я мог с полным правом смотреть как хочу.

Арне и Дариан в принципе больше не представляли угрозы, лишившись своих кругов

маны. Да и Карл, с лихорадочно бегающими глазками и трясущийся, будто на лютом морозе, уже тоже не выглядел даже на капельку опасным.

Впрочем, гордиться тем, что “отомстил” им, я не собирался. Это было буквально так же просто, как отобрать у ребёнка конфетку. Что меня сейчас волновало куда больше — это отсутствие в моей истории логических дыр, способных раскрыть ложь. И вроде как таковых не имелось.

— Здравствуй, Алистер, — тем временем кивнул мне пожилой маг, сидящий по центру.

Из пяти старейшин я знал всего двоих, и он был одним из них. Олдред Тёрнер, великий старейшина, один из трёх архимагов империи, достигший десятого круга маны, по слухам проживший больше трёхсот лет. Из-за длинных белоснежных волос, вечно торчащих во все стороны будто старика ударило молнией, а также крайне дружелюбного характера за ним прочно закрепилось прозвище Одуванчик.

Однако стараниями именно этого человека в своё время была искоренена огромная армия нежити, и это он убил прилетевшего из-за Края жуткого искажённого дракона. Так что в силе Олдреда не стоило сомневаться. И тот факт, что он присутствует на этом собрании, был крайне показателен. О том, что медный кувшин опустел, скорее всего уже все знали.

— Здравствуйте, великий старейшина, — глубоко поклонился я.

Гордыня в данном случае была бессмысленна. От того, что я не поклонюсь, лучше мне не станет. Остальные старейшины лишь кивнули.

— Этот мальчишка-уборщик — тот, о ком ты говорил? — спросил Карла другой старейшина.

Он был вторым, кого я знал. Вольф Грумо, ярый противник эльфов и всего, что с ними связано, единственный из старейшин, кто лично поднимал вопрос о том, чтобы выгнать меня из Башни и, по совместительству, дедушка Карла. Горбоносый, с залезшими назад начавшими седеть волосами и длинным острым подбородком, ни капельки не похожий на своего внука.

И он, надменный ублюдок, определённо прекрасно знал, кто я такой.

— Да, это он! — воскликнул Карл, тыча в меня пальцем. — Его мы заперли в подземелье Бафомета, а на утро у Арне и Дариана оказались сломаны круги маны!

Даже не скрывали, придурки. Впрочем, если бы я остался старым Алистером, с подачи Вольфа им вполне могли бы вменить всего лишь “шалость”. В конце концов Мариус, единственный в Башне, кто был готов по-настоящему встать на мою сторону, был в неизмеримое количество раз ниже старейшины по статусу.

— Какие у тебя есть оправдания, полукровка? — полным праведного негодования голосом спросил старейшина Вольф.

— Никаких... — пожал я плечами.

— Отлично! Тогда...

— Никаких, — продолжил я, осознав, что давать этому горбоносому возможность уцепиться за свои слова ни в коем случае нельзя. — Потому что эти трое врут.

— Ты меня перебил сейчас?.. — прошипел, будто змея, старейшина, наклоняясь вперёд.

— Вольф, успокойся, — строго произнесла единственная в Зале Совета женщина.

Высокая, это было видно даже когда она сидела, очень крупного телосложения, с большими карими, будто у лани, глазами, и необычного фиолетового цвета волосами. Она сидела по правую руку от Одуванчика, так что скорее всего была влиятельнее деда Карла,

сидевшего по левую. И то, что всего пара её слов осадила горбоносого, на это тоже указывало.

— Алистер, — улыбнулась она, — пока что тебя никто ни в чём не обвиняет. Но ты должен рассказать всё, что произошло этой ночью без утайки. Пожалуйста, расскажи свою версию событий. Если ты действительно ни в чём не виноват, то тебе не о чём переживать. Мы просто хотим разобраться в том, что произошло.

Кивнув и настроившись на рассказ, я пустил в голос нотку дрожи и придал себе как можно более невинный и жалобный вид.

— Вчера вечером, когда я уже собирался ложиться спать...

От той версии, что я поведал Мариусу, эта отличалась лишь бóльшим количеством подробностей. Для убедительности я пересказал содержание послания Агура, а также в подробностях описал, как в момент касания гримуара в меня перетекла некая мощная энергия. Этого должно было быть вполне достаточно, чтобы старейшины уверовали в реальность “благословения царя мудрости”.

Пару раз, когда я подходил к каким-то критичным моментам в своём рассказе, старейшина Грумо или Карл начинали протестовать и обвинять меня во лжи. Однако совместными усилиями Одуванчика и фиолетововолосой старейшины, которую, как я понял, звали Иоландой, их удавалось быстро успокоить, так что закончил я историю всего минут за десять.

— И о том, что произошло с этими детьми, ты не знаешь? — Иоланда указала на Карла и парочку его искалеченных прихлебателей.

Арне и Дариан выглядели совершенно потерянными. Вряд ли они даже до конца понимали, что происходило вокруг.

И не удивительно. Лишиться кругов маны для мага было едва ли не хуже смерти. Ведь это означало, что вся твоя жизнь, фактически, превратилась в ничто. Теперь вы, ублюдки, сможете хотя бы отчасти почувствовать себя в моей шкуре.

— Ни малейшего понятия.

— Тогда, ты можешь продемонстрировать ту магию огня? — спросил вдруг Одуванчик, пристально на меня глядя.

— Конечно.

Кивнув, я запустил руку в карман и достал...

Чёрт.

— Это моя зажигалка! — тут же завопил Карл, — я дал ему её перед тем, как отправить в подземелье!

Твою мать, как я мог об этом забыть?!

— Я подтверждаю, эту зажигалку я сам подарил Карлу! — тут же вторил внуку старейшина Грумо. — Это — неоспоримое доказательство лжи этого ублюдка! Теперь-то вы понимаете, что мой внук говорит правду?!

— Это моя зажигалка, — стараясь выглядеть максимально невозмутимо, ответил я. — Я нашёл её несколько месяцев назад в парке.

— Ложь! — взвизгнул Карл.

— Старейшина Тёрнер, позвольте я допрошу остроухую мартышку нормальными методами!

— Да-да, дедушка, выпытай из него правду о том, что он сделал с Арне и Дарианом!

— Так, давайте все немного успокоимся, — немного нахмурившись, произнёс

Одуванчик, и от одних этих слов по залу Совета пронеслась мощная волна энергии. Карл и его дед тут же затихли. — Есть ли доказательства, что это — зажигалка Карла?

— Да, на боку должен быть выгравирован наш семейный герб, — кивнул Грумо.

— Алистер, пожалуйста, покажи бок зажигалки.

Я, мысленно ликуя, медленно повернул маленькую металлическую коробочку сначала одной стороной, потом другой.

— Нету... — тихо прошептал Карл.

— Никакого герба, — констатировал Одуванчик. — Можно ли ещё как-то доказать, что это — зажигалка Карла?

— Вероятно, нет, — недовольно сморщившись, будто за раз сожрал целый лимон, произнёс Грумо.

— Карл, ты уверен, что это — твоя зажигалка?

— Я... — Карл вздохнул и потупился, видимо уже сам не уверенный в своих словах. — Я не знаю...

— Хорошо, тогда пока что оставим это. Алистер, пожалуйста, продолжи демонстрацию.

— Да.

После достижения мной третьего круга и создания для Мариуса огненного шоу, заклинание эволюционировало, так же достигнув уровня трёх кругов. Так что его мощь теперь уже была довольно внушительной, и единственным минусом осталась сравнительно небольшая скорость, с которой могло двигаться и распространяться пламя. Для дальнобойных атак его использовать точно было бы нереально.

Однако по масштабу Дыхание Саламандры легко оставляло позади большинство огненных заклинаний третьего круга. Так что я без особого труда смог создать вокруг себя и минуту поддерживать область пламени радиусом почти в пять метров. А мой запас маны в итоге уменьшился от силы на четверть.

Когда я отозвал огонёк, Одуванчик пару раз довольно хлопнул в ладоши.

— Замечательное заклинание! Насколько я понял, это способная к развитию магия, относящаяся к категории шаманизма?

Чувствительность и интуиция старика были просто запредельными. Хотя, что я хотел от архимага. Мне очень повезло, что я стёр герб ещё когда превращал зажигалку в ключ, иначе он бы наверняка почуял применение Кузницы.

— Да, однако, насколько я понял, это далеко не обычный элементаль.

— Очень хорошо. Как оно называется?

— Дыхание Саламандры.

— Понял. Кстати, хочу сказать, что для того, кто освоил эту магию всего час назад, у тебя поразительно хороший контроль, — улыбнулся он.

— Это всё благодаря царю мудрости, — смущённо улыбнулся я в ответ.

— Да, говоря об этом, — кивнул архимаг, поднимаясь с места. — Обнаруженное Алистером послание в гримуаре скульптуры царя мудрости — невероятно серьёзный вопрос, к обсуждению которого мы ещё вернёмся, — он многозначительно оглядел остальных старейшин. — В контексте текущего разбирательства, можно сказать, что это послание — очень весомый аргумент в пользу истории Алистера. Однако у меня ещё остались сомнения, рассказы обоих мальчиков выглядят довольно убедительно и никаких неопровержимых улик в пользу той или иной истории найдено не было. А обвинять кого-то без доказательств — это не тот метод, что использует Башня Магии. Уверен, правда ещё всплывёт на поверхность

и тогда мы узнаем, кто был искренен, а кто лгал или, возможно, заблуждался. А до тех пор я беру и Карла, и Алистера, под присмотр. Вне зависимости от того, кто из них прав, их связь с Бафометом и царём мудрости очевидна. Такое нельзя игнорировать. К тому же нельзя допустить, чтобы кто-то ещё из детей пострадал. У кого-нибудь есть возражения?

Возражений не было. В том числе и у той парочки старейшин, что с самого нашего прихода так не сказали ни слова. Один сидел, внимательно изучая собственные ногти, а второй, кажется, вообще заснул с открытыми глазами.

Впрочем, это было и не важно. Куда важнее, что я каким-то образом умудрился попасть под крылышко к архимагу. И это меня, честно говоря, вообще ни разу не радовало.

Для кого-то вроде Карла такой протекторат мог стать настоящим подарком. И действительно, парень после этих слов Одуванчика прямо воспрял духом и даже его дед заулыбался впервые с начала этого заседания. Но меня такая опека лишь сковывала бы. К сожалению, мои возражения вряд ли принимались.

— Возражений нет, это хорошо. Во-вторых, по поводу наказаний. Арне и Дариан уже наказаны за своё поведение, возможно даже больше, чем того заслужили. Так что для них последствий не будет. Они останутся в академии до начала следующего учебного года и постараются восстановить свои круги маны, чтобы вновь приступить к учёбе. Карлу, как зачинщику конфликта, назначаю наказание в виде исправительных работ. Следующий месяц после занятий он будет заниматься уборкой территории Башни Магии. Алистер... пока что единственное, в чём тебя можно обвинить — это в том, что ты коснулся странно ведущего себя гримуара царя мудрости, а не позвал старших, а также в уничтожении уборочного инвентаря. Однако, если мы опустимся до того, что начнём обвинять детей в подобном, то Башня Магии долго не проживёт. Так что забудем об этом. Но кое-что ты всё-таки должен будешь сделать.

— Что?

— Насколько я знаю, твою гримуар не имеет связи с Коронай Мудрости?

— Всё так, — я кивнул.

— Тогда ты должен отправиться в библиотеку и вручную вписать полученную от царя мудрости магию в Корону. Надеюсь, ты понимаешь, что мы не можем оставить заклинание, полученное от самого Агура, в твоём единоличном пользовании. Не волнуйся, ты будешь достойно вознаграждён за это. Я позабочусь о том, чтобы со следующего семестра ты смог начать учёбу в академии Башни, и работать уборщиком тебе, естественно, больше не нужно. К тому же, как и любой маг, внёсший свой вклад в Корону, ты получишь денежное вознаграждение. Тебя устраивают такие условия?

Ну, разумеется... всегда так было, испокон веков. Сделал что-то “плохое” — ты один виноват. Сделал что-то “хорошее” — обязательно должен поделиться со всеми. Отчасти именно поэтому Бафомет никогда не стремился делиться своими знаниями с людьми.

Впрочем, на самом деле это было не так уж и важно. Ещё когда я придумал удивить Мариуса пожаром, я уже смирился с тем, что Дыхание Саламандры не останется только моим. Пускай, в будущем я смогу ещё не раз улучшить его за счёт комбинирования.

Да и предложение Одуванчика было более чем щедрым. Смысла для меня в учёбе теперь, конечно, не было никакого. Но официальный перевод из слуг в студенты академии избавлял меня от кучи неудобств, да и деньги никогда не бывали лишними.

Возможно, я мог бы поторговаться, вытянув для себя ещё какие-нибудь бонусы. Но это точно не показало бы меня в хорошем свете, а сейчас, чтобы отвести от себя подозрения, мне

нужно было сохранять как можно лучшую репутацию. Так что я просто вежливо кивнул.

— Конечно, великий старейшина, более чем устраивают.

— Ну и славно. Иди со старейшиной Вейсом, он расскажет и покажет тебе, что сделать.

Тот из Совета, что до сих пор сидел, разглядывая собственные ногти, среднего возраста мужчина с обширной залысиной и не менее обширным животом, тут же поднялся с места. Кивнув Одуванчику, он направился к выходу из зала, походя махнув мне, мол: “Давай за мной”.

Напоследок поклонившись старейшинам, я поспешил за Вейсом.

Однако выйти из Зала Совета мирно я не смог.

— Алистер! — вопль Карла догнал меня в дверях.

Обернувшись, я глянул на него с презрением и усталостью.

— Жди меня в малом парке! — рявкнул Карл. — Если не придёшь — тебе не жить!

— Старейшина Тёрнер, простите моего внука! — тут же засуетился Грумо, — он перенёс такое потрясение, не до конца понимает, что говорит!

— Всё я понимаю, дед! — Карл, похоже, окончательно слетел с катушек, раз игнорировал уже даже сидящего в пяти метрах архимага. — Этот остроухий ублюдок сломал круги маны моим друзьям! Мне плевать на ваши разбирательства, я выбью из него правду сам!

Одуванчик нахмурился, однако ничего не сказал. Лишь посмотрел на Вейса, моего сопровождающего, и махнул рукой, мол: “Уводи его отсюда”.

— Пойдём, — бросил мне Вейс, подойдя и положив руку на плечо.

Однако уходить, оставляя последнее слово за Карлом, я не собирался. Тем более что, если бы я его проигнорировал — он бы, возможно, и не пришёл в назначенное место. Так что, кивнув Вейсу, я, тем не менее, напоследок повернулся и подмигнул Карлу.

— Очень надеюсь, ты сам не струсил прийти!

Очевидно, старейшины уже были в курсе не только побега Бафомета, но и сообщения Агура о надвигающейся угрозе. И если факт того, что подземелье было раскурочено, а медный кувшин опустел, ещё можно было как-то скрыть, банально заперев двери наглухо, то вот печать над каменным гримуаром спрятать бы вряд ли получилось.

Максимум, что смогли бы сделать старейшины — это закрыть территорию вокруг статуи, но это всё равно было бы подозрительно само по себе. Так что слухи скорее всего распространятся уже очень скоро, и вряд ли меня они обойдут стороной. Банально потому, что обо мне, так или иначе, знала едва ли не вся Башня Магии, и произошедшие со мной изменения до общественности быстро дойдут.

Впрочем, не то, чтобы я был против. Стараться быть невидимкой, чтобы лишний раз не напарываться на неприятности, я точно не собирался.

Шли по коридорам Башни Магии мы в полной тишине. Толстячок продолжал разглядывать ногти, изредка кивая проходящим и пробегающим мимо людям, и то и дело поглядывая на меня. К счастью, большая библиотека, куда нам было нужно, находилась не так уж и далеко от зала Совета и дошли мы минуты за три-четыре.

Также молча кивнув библиотекарю, старейшина двинулся в глубину помещения, в конце концов остановившись на небольшой “площади”, окружённой домами-стеллажами. Посреди этого пустого пространства из пола поднимался покрытый изящным геометрическим узором пьедестал. А в его верхушку была вмурована светящаяся мягким голубоватым светом полусфера.

Это и была Корона Мудрости, если точнее, то одна из немногих точек ввода. Когда-то их были тысячи по стране. Но после того, как маги научились напрямую подключать свои гримуары к Короне, в них отпала необходимость. Остались такие вот пьедесталы от силы в нескольких десятках мест в империи.

— Кладёшь руку, открываешь гримуар, выбираешь нужную магию и передаёшь в Корону, — кратко проинструктировал старейшина.

Впрочем, хотя бы так, я уже было подумал, что он жестами начнёт объяснять.

По инструкции положив ладонь на полусферу, я вызвал книжечку гримуара. К счастью, гримуары были устроены таким образом, что никто, кроме владельца, не видел их содержимое. Для остальных людей страницы оставались пусты. Открыв Дыхание саламандры, я увидел рядом с сообщением о возможности комбинирования ещё одно:

Передача заклинания в Корону Мудрости доступна.

Передать.

Несколько секунд ничего не происходило, но затем полусфера на мгновение вспыхнула и строчка о возможности передачи пропала. Однако уходить я пока что не собирался.

Обычно, чтобы выучить новое заклинание из Короны, нужно было получить от Башни Магии право доступа. Но, насколько я знал, в обмен на пополнение Короны новой магией, можно было получить из Короны заклинания бесплатно. И хотя с учётом памяти Бафомета мне это особо не требовалось, изучить, что мне было доступно, было по меньшей мере любопытно.

И, к счастью, старейшина Вейс оказался достаточно отзывчивым, чтобы объяснить мне, как это сделать. По сути всё было предельно просто: нужно было всего лишь открыть первую

страницу гримуара.

После передачи Дыхания Саламандры право доступа у меня, по идее, появилось автоматически. Так что, если я буду держать руку на сфере, на первой странице будет предложение о связи с Коронай. И после того, как я бы согласился, страница должна была превратиться в ещё одно оглавление, но уже не моей магии, а всех тех заклинаний, что находились внутри Короны Мудрости.

Вот только до каталога Короны я так и не добрался. Потому что, открыв первую страничку, вместо предложения открыть Корону я увидел:

В Корону Мудрости передано уникальное заклинание.

Ваш вклад был оценён по достоинству!

Количество доступных комбинаций увеличено.

Осталось [8] комбинаций.

Избавиться от старейшины Вейса оказалось довольно просто. Фактически, мне даже делать ничего не пришлось. После того, как я сказал, что закончил, он просто кивнул и сказал, что я могу идти. Лишь предупредил напоследок, чтобы я не ввязывался в неприятности. Ну, это мы посмотрим.

Что делать дальше — мне никто не сказал. А значит я совершенно спокойно мог заняться изучением открывшихся возможностей своего гримуара. И сделать это было оптимально там, где у меня была “забита стрелка” с Карлом — в малом парке Башни Магии. Всё равно туда идти, так почему бы не сейчас?

К тому же и мне самому это место очень нравилось. Тишина и спокойствие, которые давали вечно зелёные, благодаря заклинаниям, деревья, всегда помогали мне отвлечься от неприятных дум. Однако сейчас мне было не до расслабления.

Доступные заклинания:

[Лемегетон (SSS-8)]+

[Три цикла телесного перерождения (SS-0)]+

[Челюсти Аамат (S-3)]+

[Вегвизир (A-1)]+

[Дыхание саламандры (C-3)]+

[Кузница в кармане (C-2)]+

[Идеальный блеск (G-1)]+

Так-так... из тринадцати страниц я занял уже семь. Считай, половина. Но какое же из заклинаний мне пустить на комбинирование?

Лемегетон и Вегвизир должны были остаться неизменными. Я не мог ручаться, что после

комбинирования они сохраняют прежние свойства. Челюсти Амаг и Три цикла тоже пока что комбинировать с чем-то не хотелось, они были достаточно хороши и в текущем виде. Тратить дефицитные комбинирования на Идеальный блеск я не собирался. А Дыхание Саламандры пока что стоило оставить, потому что комбинирование могло кардинально изменить его свойства, а все уже знали, что у меня было это заклинание.

Оставалась Кузница в кармане, ну или ещё можно было прибавить к имеющимся какую-нибудь совершенно новую магию...

Комбинирований у меня теперь было восемь штук. Как и со слотами, парочку стоило приберечь на всякий случай, то есть оставалось шесть. Не слишком много, конечно, но уже и не так, чтобы очень мало.

И начать я всё-таки решил с Кузницы. Она, конечно, меня очень выручила, но в конце концов это была довольно простая и бесперспективная магия. Единственным её преимуществом было то, что она могла воздействовать на любой металл, вне зависимости от его свойств. Но масштаб применения был слишком уж мал.

Это я и собирался улучшить.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Название: Молот Огуна.

Заклинание родом из далёких южных земель, принадлежащих орочьим кланам. Довольно примитивное, потому что скорее всего и получило оценку ранга всего лишь F. По сути это было кузнечное заклинание, однако дляковки доспехов или оружия его никогда не применяли.

Орки, средний рост которых превышал два с половиной метра, а средняя ширина плеч — метр, и так были огромны. А в сражениях против людей они зачастую использовали по-настоящему гигантские машины войны, имеющие по десять-двенадцать метров в высоту.

При этом, чтобы машины не сгорели сразу под дождём фаерболов, орки покрывали весь их корпус пластинами металла. И чтобы изготовить такие большие пластины при довольно отсталом, по сравнению с человеческим, уровне технологий, ороцьи шаманы и создали Молот Огуна.

Эта магия, наложенная на металлический брусок или заготовку, при каждом ударе молота равномерно распределяла нагрузку по всему куску металла. Благодаря этому создавать пластины брони даже два на два метра становилось проще простого. Лишь бы были силы ударить так, чтобы подействовало на весь лист, а силы у орков было предостаточно.

Комбинирование заклинаний доступно.

Осталось [8] комбинаций.

С каким заклинанием желаете объединить заклинание [Молот Огуна (F-3)]?

Варианты:

[Лемегетон (SSS-8)], [Три цикла телесного перерождения (SS-0)]...

Кузница в кармане.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Пусть будет... Кузница Огуна.

Теперь посмотрим, что получилось. Как раз лавочка подо мной была, кроме деревянной сидухи, полностью металлической.

Положив ладонь на чугунный завиток, я вызвал из гримуара контур новоиспечённой магии. Привыкнуть к значительно изменившейся структуре заклинания было непросто, и у меня больше не было помогающего мне элементаля. Так что где-то минуты три я потратил просто на то, чтобы осознать, как это работает.

К счастью, опыт в использовании редких и странных заклинаний у меня теперь был больше, чем у кого бы то ни было в мире. И, ухватившись однажды за метафорическую ниточку, я смог довольно быстро размотать клубок из всех непонятных аспектов.

Уже минут через десять лавочка подо мной сначала заходила ходуном, а потом одну за другой вырвала свои ножки из креплений в каменном постаменте и зашагала по дорожке. Со стороны это, должно быть, выглядело довольно комично, но это было не важно. Цели своей я добился.

Несмотря на то, что ману это заклинание жрало с куда большей скоростью, чем Дыхание саламандры, главный минус Кузницы в кармане был устранён.

Тратить ещё одну комбинацию на это заклинание не стоило. Была высока вероятность, что результат слияния будет магией четвёртого круга и до поры потеряет для меня всякий смысл. А значит я мог потратить оставшиеся комбинации на новое заклинание. И у меня уже была идея, что “вспомнить” следующим.

За экспериментами прошёл почти час и я, уже уставший, но невероятно воодушевлённый происходящим, собирался провести последнюю на сегодня комбинацию, когда услышал звук чьих-то быстро приближающихся шагов. Естественно, его отпустили, даже после того представления неадекватности, что он устроил перед архимагом. Грумо определённо расстарался ради внука.

— Что ты сделал с Арне и Дарианом, ублюдок?! — заорал мне прямо в лицо Карл, налетевший и прижавший меня к спинке уже возвращённой на место скамейки.

— Я понятия не имею, о чём ты говоришь, — широко улыбнувшись, пожал я плечами. — Я рассказал старейшинам, как было дело, и мне удивительно то, что ты продолжаешь меня в чём-то обвинять, когда единственный виновный тут — ты.

— Твоя история — чушь от первого и до последнего слова! — рявкнул он, встряхивая меня, будто мешок. — И ты это прекрасно знаешь!

Я покачал головой.

— Не знаю. Я рассказал правду. Или ты хочешь сказать, что мне удалось обмануть пятерых старейшин? А даже если представить, что я оказался настолько убедителен. Как, по-твоему, я выбрался из подземелья, если ты меня якобы запер и забрал ключ с собой? Может быть это ваша память была замутнена Бафометом, не думал об этом?

— Нет, этого не может быть! — гневно воскликнул Карл, отпуская мою рубаху и отступая на пару шагов.

По его лицу было видно, что он уже начал сомневаться в собственных словах.

— Ты сказал, что вы меня крепко избили. Но на мне нет ни единого синяка, — в качестве доказательства я подтянул рубаху к подмышкам, демонстрируя восстановленную Тремя циклами совершенно гладкую кожу. — К тому же, даже если представить, что это я что-то сделал с Арне и Дарианом. Почему тогда я не сделал того же с тобой? Думаю, ты и сам понимаешь, что из вашей компашки именно к тебе у меня претензий больше всего. Неужели ты сам не видишь, что твоя версия трещит по швам? Неужели сам не понимаешь,

что именно твоя история, а вовсе не моя — это, как ты выразился, чушь?

С каждым моим словом Карл выглядел всё более и более неуравновешенным. Он активно потел, его руки тряслись, а взгляд прыгал туда-сюда, будто у настоящего сумасшедшего.

И можно было понять, почему. В конце концов, несмотря на четвёртый круг маны, ночные попойки и жестокость, он ещё во многом был ребёнком. Тем более что за все свои шестнадцать лет он вряд ли хоть раз сталкивался с подобными сложностями.

А потому, когда я вернул ему его же фразу, Карла просто переклинило. И это было ровно тем, чего я добивался.

— Заткнись! — завопил он уже каким-то совершенно безумным голосом, отпрыгивая назад, в секунду вызывая свой гримуар и выбрасывая в мою сторону вспыхнувшую ярко-жёлтым пламенем ладонь.

Банальный огненный шар, ранг — максимум E. Но из-за того, что его применил маг четвёртого круга, к тому же явно ни капли не сдерживаясь, мощь заклинания оказалась довольно внушительной. Попади фаербол в цель — от меня быстро остался бы только обугленный силуэт.

Однако, естественно, я не собирался просто сидеть и ждать превращения в шашлык. И моя зажигалка уже давно была в ладони, осталось лишь чиркнуть колёсиком.

Меня окружил огненный протуберанец, на этот раз не тронувший одежду, но отлично справившийся с фаерболом. Заклинание Карла, соприкоснувшись с вихрем, оказалось увлечено его движением и, хотя особо не потеряло своей мощи, сбилось с траектории, улетев куда-то в небо за моим левым ухом.

Вот только Карла не просто так считали юным гением. И даже я не мог не признать, что, каким бы ублюдком он ни был, для своего возраста он был довольно талантливым магом.

Вслед за первым фаерболом в меня полетели ещё три, и это было только началом. Страницы его гримуара перелистнулись и от огненной магии он в долю секунды переключился на магию земли. Я тут же почувствовал, как под моими ногами начинает двигаться и будто бы бурлить почва.

Продолжать просто сидеть на лавочке уже было невозможно. Длинным прыжком с перекатом я ушёл вбок, прочь с траектории фаерболов и из эпицентра заклинания зыбучих песков. Парадную форму было ни капли не жаль, всё равно после ещё нескольких дней практики Трёх циклов она окончательно станет мне мала.

Закрутив сильнее один из рукавов огненного вихря, я запустил его в Карла. Особо ни на что не рассчитывал, Дыхание Саламандры пока что было слишком медленной магией. Просто чтобы он не расслаблялся. А ещё чтобы поверил в то, что я больше ни на что кроме этого заклинания не способен.

Естественно, он без труда отразил атаку, подняв на пути пламенного шлейфа стену, и тут же ударил в ответ, уже не просто фаерболами, а парой огненных плетей. От такого простым перенаправлением избавиться уже было невозможно и мне пришлось превратить вихрь в плотный купол из пламени, тративший намного больше маны.

— Всё что можешь — это прятаться?! — воскликнул вдруг Карл, — и это всё твоё “благословение”?! Да я скорее поверю в то, что ты — внебрачный сын короля остроухих, чем в то, что тебя, мелкую букашку, благословил сам царь мудрости!

М-да... нет, я, конечно, понимаю, что ему было необходимо выплеснуть накопившийся

стресс... но, серьёзно? Что дальше, парень? Злобно рассмеёшься? С чего ты вообще взял, что во время боя можно отвлекаться на разговоры?

Хотя, я-то это всё понимал с высоты опыта, считай, трёх прожитых жизней. От шестнадцатилетнего мальчишки, до сих пор участвовавшего только в тренировочных спаррингах и коллективных избиениях слабых я, пожалуй, ждал слишком много.

Тем не менее, длить этот “бой”, чтобы более эффектно расправиться с Карлом в итоге, мне совершенно расхотелось.

Подорвав огненный купол, обратившийся яркой вспышкой, под его прикрытием я по дуге рванул к Карлу. Он заметил это через полсекунды, тут же атаковал ещё парой плетей и парой фаерболов, и отправив мне под ноги ещё одни зыбучие пески.

Никакой изобретательности, и, что даже хуже, никаких мыслей о защите. Чему их только учили на третьем-то курсе...

Фаерболы я просто пропустил над собой, припав на секунду к земле, плети отразил, окутав руки уплотнившимся пламенем, а для того, чтобы не завязнуть в зыбучих песках, применил магию, над которой работал час до появления Карла.

Телекинез — один из самых распространённых видов магии, сказать своё слово в котором порывался едва ли не каждый второй уважающий себя маг. И почти все они, по сути, каждый раз заново изобретали велосипед.

Однако, как люди были разными, так и создаваемые ими заклинания друг от друга всегда отличались. И, имея довольно обширную коллекцию разнообразных вариантов телекинеза, я смог выбрать несколько особенных образцов со своими выдающимися сторонами, которые после комбинирования должны были дополнить друг друга.

Карл прервал меня и я не успел совершить последнее объединение и сейчас в моём гримуаре было две магии телекинеза: одна обычная, и другая — уже результат объединения четырёх разных заклинаний. Но даже так этого было вполне достаточно, чтобы комбинированное заклинание стало очень и очень полезно.

В результате я будто пробежал по невидимой доске, положенной поверх заклинания зыбучих песков, без каких-либо сложностей преодолев на самом деле довольно опасную и неприятную магию.

А после уже было совсем просто.

Карл, явно не ожидавший, что я так просто преодолею заклинание, в которое он определённо вложил немало маны, не успел создать никакой новой магии. Даже банально закрыться руками ему в голову не пришло. И мне оставалось только размахнуться посильнее...

Вместо лёгкого и точного касания подбородка, взболтавшего бы Карлу мозги и отправившего его в нокаут, я ощутил, как мой кулак врезался будто бы в каменную стену. Из пустоты перед ним вынырнул высокий, выше даже Дариана, темноволосый парень в форме старшекурсника, встретивший мой замах просто открытой ладонью.

И судя по исходящей от него энергии, младшим уровнем тут даже не пахло. В наш с Карлом бой вмешался маг пятого круга.

— Глен, ты какого чёрта вмешиваешься?! — взвился Карл, похоже, даже не осознавший, что только что едва избежал поражения.

— Старейшина Вейс попросил убедиться, что ты не натворишь дел, — низким, уже совершенно взрослым голосом ответил старшекурсник по имени Глен. — И, как я погляжу, ты уже успел ввязаться в неприятности? К тому же едва не проиграл остроухому.

— Это не твоё дело, — процедил сквозь зубы Карл, уязвлённым до глубины души. — У меня всё было под контролем!

— Вообще ни разу не было, — покачал головой Глен, после чего наконец-то соизволил повернуться ко мне. — Ты правда на третьем круге, остроухий?

— Да, — кивнул я, уже заканчивая отряхивать запылённую форму. — А что, незаметно?

— Заметно, что ещё секунда — и ты бы вырубил одного из лучших студентов третьего курса, — буравя меня взглядом, проговорил Глен. — Для того, кто сформировал два круга маны и выучил заклинание за ночь...

— Благословение царя мудрости, — пожал я плечами, не собираясь придумывать ещё какие-то отмазки, пока отлично работала эта.

— Ну, да, конечно... — протянул Глен, глянув на свою ладонь, в которую прилетел мой удар, а потом снова на меня. — Я хочу вызвать тебя на тренировочный бой.

— И на кой чёрт мне, третьему кругу, соглашаться драться против старшего мага?

— Я обещаю не использовать заклинания пятого круга.

Я покачал головой.

— Ты меня не услышал. Я не просил делать мне поблажки. Я спросил, зачем мне вообще в это ввязываться? Причина нужна, понимаешь?

Глен замолчал, видимо обдумывая варианты.

Глядя на него, я мог сказать, что парнем он был неглупым, да и неплохим тоже. Ну, допустим, исполнял желания Вейса и меня остроухим обозвал. Но отказать высшему магу в принципе было непросто, а к оскорблениям и предубеждению я привык.

При этом он определённо не был настроен по отношению ко мне как-то особо негативно. Скорее наоборот, было видно, что его впечатлили мои навыки и он вызвал меня не чтобы поколотить и унижить, а банально потому что ему было интересно со мной сразиться.

Однако такие мои мысли вовсе не означали, что я был готов просто пойти у него на поводу.

Делать что-то без выгоды — значит выбрасывать своё время и свои силы на ветер. Эту истину я унаследовал от Бафомета и, хотя не относился к ней так же категорично, как он, определённо собирался получить от Глена как минимум стимул согласиться.

— Если победишь, — наконец заговорил Глен, — я обещаю для тебя место в Посохах Бин.

— Чего?! — Карл, услышав это предложение, аж на фальцет перешёл. — Глен, ты не можешь принять эту остроухую мартышку в Посохи!

— Я не с тобой разговариваю, — раздражённо бросил Глен за спину, не отводя от меня взгляд. — Ну, что скажешь?

Я довольно усмехнулся.

Посохи Бин — студенческая организация, изначально задумывавшаяся просто как клуб по интересам, но со временем превратившаяся в элитное общество для лучших студентов академии Башни Магии. Стать одним из “Посохов” можно было либо по приглашению действующего Посоха, либо показав по-настоящему выдающиеся результаты в учёбе. И для любого попадание в Посохи считалось невероятной честью.

Для меня, правда, сам статус Посоха вообще ничего не значил. Однако было кое-что, из-за чего предложение Глена оказалось невероятно заманчивым. Посохи были единственными студентами академии, кому было официально позволено надолго покидать территорию Башни Магии, лишь бы успеваемость не падала.

И вот это действительно было для меня важно. Потому что по всему миру было раскидано ещё немало разных пережитков времён Бафомета, которые я с превеликим удовольствием присвоил бы себе. Так что дальше что-либо обсуждать я не видел смысла.

— Идёт, я согласен с тобой смахнуться. Когда и где?

* * *

— Готовы?

Мы с Гленом стояли друг напротив друга на тренировочной арене, между нами, переводя взгляд с одного на другого, стоял судья — уже знакомый мне толстый старейшина Вейс.

Обычно на таких спаррингах судьями были учителя, а никак не старейшины. К тому же трибуны по периметру арены были почти до отказа забиты зрителями, и не только студентами, но и преподавателями тоже.

Из этого можно было сделать вывод, что, пока я сидел в комнате Мариуса, медитируя и экспериментируя с магией, слухи о произошедшем разошлись по всей Башне Магии и моей персоной заинтересовалась целая куча народу. Ну, что же, если не начнут приставать, то мне как-то плевать.

— Готов, — кивнул Глен.

— Я тоже, — кивнул я.

— Тогда по сигналу... — старейшина Вейс отошёл чуть назад и через несколько секунд по арене разнёсся резкий хлопок. — Бой!

Ещё до того, как старейшина Вейс произнёс слово “Бой” целиком, Глен вызвал свой гримуар и бросился на меня, превратив разделявшие нас пятнадцать метров в пять меньше чем за полсекунды.

М-да, вот что значит — старший маг.

Разница между первыми четырьмя кругами была заметной, но не прямо огромной. Однако между четвёртым и пятым кругом, между младшим и старшим магом, пролегла почти непреодолимая пропасть. Тем более с учётом того, что я был даже не на четвёртом, а на третьем круге.

Если бы на моём месте оказался кто-то другой, то исход такого боя был бы очевиден. И то, что Глен пообещал не использовать заклинания пятого круга, ничего не меняло. К счастью, я уже был готов к такому его манёвру.

Вчера, в дополнение к медитациям, я потратил час за чтением находящихся в открытом доступе личных дел студентов, а также студенческих стенгазет, повествующих о

соревнованиях, в которых Глен участвовал за пять лет учёбы.

Конечно, полного понимания того, как он сражается и какие заклинания использует это не дало. Но как минимум я смог составить первое впечатление и разработать несколько стратегий противостояния.

Глен относился к тому немногочисленному типу магов, что предпочитали ближний бой дальнему. Используя заклинания телесного усиления, стихию ветра и взрывную магию для увеличения разрушительной мощи ударов, для неподготовленного мага-дальника он мог стать настоящим кошмаром.

Однако такой стиль, хоть и давал немало преимуществ, также имел и определённые недостатки, иначе все маги давным-давно перешли бы на ближний бой. Самым очевидным недостатком было то, что, если Глену не удавалось сократить дистанцию, он оставался практически беззащитен перед дальними атаками противника.

И это было первое, что я хотел попробовать.

Телекинез, ставший ещё более совершенным по сравнению со вчерашним днём, обратился в длинную ленту, по которой я, будто конькобежец, заскользил от Глена прочь. При этом окруживший меня после прокрутки колёсика зажигалки боя вихрь Дыхания Саламандры обратился тремя извивающимися протуберанцами, начавшими охотиться за Гленом, будто живые змеи.

Таким вариантом контроля я в значительной мере нивелировал малую скорость огня. К тому же из-за того, что двигался я сам, и довольно быстро, траектории огненных змей становились ещё более непредсказуемыми и хаотичными.

Однако мой противник не состоял бы в Посохах Бин, если бы его можно было победить столь очевидной тактикой.

Профилем Глена была, судя по всему, именно магия ветра. И в качестве контрмеры против моего пламени он создал довольно сложное, но при этом невероятно эффективное заклинание вакуума, окружив себя коконом пустоты.

Огонь, даже попадая в цель, просто рассеивался, не способный гореть в безвоздушной среде. А от пламени, что было нацелено на его лицо, по очевидным причинам не покрытое магией вакуума, Глен просто уворачивался, перемещаясь по арене короткими резкими скачками.

При этом, похожий на бешеного зайца, он продолжал преследование, то и дело догоняя меня, двигавшегося по плавным и относительно предсказуемым дугам.

Когда наши траектории всё-таки пересекались, защищаться приходилось уже мне. И я мог с уверенностью сказать: если бы по мне попал хотя бы один его удар — я бы отлетел прочь и уже не встал.

Сражался Глен врукопашную, без оружия, используя свои покрытые несколькими слоями магии кулаки для нанесения невероятных по мощи атак. Каждый его замах оканчивался самым настоящим взрывом и, даже если я избегал прямых попаданий, урон можно было получить просто от ударных волн.

Благо, я мог блокировать их Телекинезом, иначе уже после пары таких вот атак заработал бы разрыв барабанной перепонки и несколько трещин в рёбрах.

Тактика “огненного бегства” в том виде, в котором я её задумал изначально, определённо работала не слишком успешно. Может быть грандиозный провал мне не светил, но и о победе в таком контексте не могло идти и речи.

И я знал, в чём проблема: весь мой по-настоящему гигантский опыт магических

сражений, доставшийся от Бафомета, сейчас был практически бесполезен. Да, мастерский контроль заклинаний, чувство течения боя и банально уверенность в себе и своих силах никуда не девались.

Но Бафомет всегда выстраивал свои сражения с учётом максимально разнообразного арсенала магии.

Десятки и сотни заклинаний, зачастую даже не самых эффективных, обеспечивали ему победы благодаря тому, что противник банально не понимал что происходит. Он не мог просчитать следующий шаг Бафомета, а также то, как множество самых разнообразных заклинаний сработают в комбинации.

А у меня сейчас, по сути, было всего два заклинания в копилке. Да, очень универсальных, подходящих для атаки, для защиты и даже в качестве поддержки. Но, тем не менее.

Всего два.

Глен, для сравнения, на постоянной основе использовал четыре типа магии и одиннадцать заклинаний. Так что по сути, сейчас преимущество разнообразия было как раз-таки на его стороне, а не на моей. И это было настолько непривычно, что я никак не мог банально поймать ритм боя, постоянно сбиваясь и ощущая себя ведомым, что по идее было совершенно неприемлемо.

То, что подобная сложность возникнет, я понял ещё в тот момент, когда осознал привычный Бафомету стиль ведения боя. И, на самом деле, сейчас был рад уже тому, что мне в принципе удавалось держаться.

Однако это не значило, что я собирался просто смириться с таким положением дел. В конце концов мой гримуар останется со мной минимум до десятого круга. Как бы я ни хотел, мне придётся привыкать сражаться с очень ограниченным арсеналом заклинаний.

И сейчас, в бою с Гленом, я должен был начать перестраиваться, иначе однажды этот мир окажется банально сильнее меня. Начать думать о том, как превратить каждое своё заклинание в идеальный инструмент, как выжать из него максимум и даже больше. Ну, что же, попробуем...

Когда Глен налетел на меня в очередной раз, дорожка Телекинеза под моими ногами вместо того, чтобы просто увести меня в сторону, изогнулась мёртвой петлёй. И я, продолжая скользить по ней, крутанул что-то напоминающее сальто, вдруг оказавшись за спиной Глена.

Развернуться он не успел — прямо между лопаток ему уже нёсся огненный змей. Однако, ощущая моё заклинание, Глен не слишком торопился выставлять оборону, ведь всё его тело кроме лица было надёжно защищено от пламени.

Крайне наивно.

Скрытый внутри огненного заклинания таран Телекинеза сбил Глена с ног. Если бы не его отличный контроль, он бы на полной скорости врезался в пол арены подбородком. А так, за секунду до столкновения успел подхватить себя магией воздуха, избежав неприятной участи.

Однако благодаря этому в кои-то веки инициатива оказалась в моих руках, и я не собирался отдавать её обратно.

Размахнувшись и покрыв руку Телекинезом, чтобы увеличить силу броска, при этом не повредив связки, я метнул в Глена телекинетическую сферу, под завязку наполненную пламенем Дыхания Саламандры.

Ещё не успевший окончательно выправиться Глен не смог выставить защитное заклинание или увернуться от атаки, лишь закрыл лицо руками. Однако мой “мячик” не просто так был в оболочке из Телекинеза. Достигнув цели, он просто прилип к локтю Глена, никак не навредив.

И только через мгновение, когда Глен уже потерял крайне важное чувство готовности к удару, телекинетическая упаковка с хлопком рассеялась, формируя мощный огненный взрыв.

Прямого урона пламя Глену всё ещё не нанесло, но ударная волна и эффект неожиданности сыграли свои роли. В очередной раз мой противник замешкался, дав мне время подготовить следующую магию.

Сжать огненных змей в узкое длинное копье, при попадании высвобождавшее всё содержащееся в нём пламя в едином взрыве.

Создать место на полу арены с нулевым трением, чтобы Глен поскользнулся и был вынужден тратить время на возвращение равновесия.

Использовать пламя в качестве ускорителя, не давая Глену подобраться достаточно близко для удара.

Вспомнить, что мир на самом деле имеет три размерности, и что я могу двигаться не только вдоль пола арены, но и над ней...

Я использовал всё, что только придёт в голову. Воспоминания Бафомета о сотнях проведённых боях, смешиваясь с памятью землянина о множестве фильмов и игр, которыми я занимал себя, лёжа в больничной палате, объединившись, создали поистине взрывной коктейль.

С глаз будто упали шторы. Да, теперь мой стиль стал куда менее разнообразным, это было неизбежно. Но “менее разнообразный” не значит “менее изобретательный”. Скорее даже наоборот. Для того, чтобы побеждать с тринадцатью заклинаниями там, где раньше побеждал с тринадцатью тысячами, нужно было НАМНОГО больше изобретательности.

Спустя пять минут боя мы с Гленом впервые остановились, почти на тех же позициях, что и перед началом нашего “спарринга”. Однако выглядели оба уже далеко не такими свежими и чистенькими.

Далеко не все мои эксперименты были удачны и несколько раз взрывные удары Глена били в опасной близости от меня. В результате чего тренировочная форма, выданная мне перед выходом на арену, лишилась левого рукава, куска правой штанины и была разорвана на груди, обнажая моё крайне худощавое, с выступающими рёбрами тело. На самом же теле появилось несколько крупных кровоподтёков, а половину левого предплечья занимал красный, покрытый белыми пузырьками волдырей, ожог.

Моему сопернику досталось не так сильно. Несмотря на все мои потуги, по-настоящему серьёзные удары Глену мне удалось нанести всего дважды: в правый бок, куда угодило моё огненное копье, и в правую ладонь, на которой благодаря Телекинезу были вывихнуты три пальца из пяти.

Размен определённо был не в мою пользу, однако мы тут собрались не для того, чтобы исколошматить друг друга посильнее. Целью была победа, когда один из нас двоих либо сдастся, либо больше не сможет продолжать сражаться — и вот тут у меня были определённые успехи.

По объёму маны Глен изначально превосходил меня раз в семь-восемь. Огромная разница, в обычной ситуации исключавшая самую возможность соперничества. Однако за счёт максимально тонкого контроля и предельной экономии мне удалось сократить этот

разрыв.

Сейчас у меня осталась где-то две пятых запасов маны. При этом Глен, после всех моих трюков неслабо вышедший из себя и начавший тратить ману без толка и цели, истратил больше восьмидесяти пяти процентов своей.

Да, у него всё ещё было больше маны, и значительно. Но разница между нами уменьшилась, и Глен это тоже понимал. Если бы всё продолжилось в том же темпе, то я, да, получил бы ещё пару синяков, ожогов, возможно трещину в кости или перелом. Но Глен уже меньше чем через минуту истратил бы всю свою ману, что означало автоматический проигрыш.

— Ты... очень хорош, — тяжело дыша, его стиль предполагал серьёзные физические нагрузки, произнёс Глен.

— Ты тоже молодец, — кивнул я, совершенно искренне оценивая навыки своего соперника.

Ему бы научиться контролировать эмоции — цены бы не было. Впрочем, о каком особом контроле эмоций шла речь в восемнадцать?

Уже то, что он мог столь хладнокровно и спокойно похвалить меня, а не взвиться в бессмысленной ярости от того, что его удельывает пятнадцатилетний маг третьего круга, к тому же полуэльф и уборщик, начавший осваивать магию буквально вчера, было достойно всяческих похвал.

— Могу я попросить тебя об одолжении? — произнёс вдруг Глен.

— М?

— Я не могу тебя поймать, как бы ни пытался, по крайней мере без магии пятого круга — не могу. Так что, если мы продолжим, я просто рухну без сил, это факт.

Ещё и трезво свои силы оценивает! Слов нет, прям молодец-молодец.

— Скорее всего так и будет.

— Ну, вот. По сути ты уже выиграл и я сдержу обещание: место Посоха Бин твоё. Не мне очень не хочется заканчивать этот бой вот так. Это слишком скучно, понимаешь? Поэтому я прошу тебя об одном прямом столкновении.

— Для... зрелищности? — не смог я сдержать ухмылку.

— Да, — Глен хмыкнул в ответ, — а ещё для того, чтобы я остался удовлетворён своим проигрышем. Если не хочешь — никаких вопросов, остановимся на этом. Это был прекрасный бой, и я... не хочу заканчивать его, падая от истощения на глазах у девчонок.

Он бросил краткий взгляд на притихшие трибуны и на этот раз я едва не рассмеялся в голос.

Какие там приказы старейшины или сопернический дух? Нет, всё это, конечно, тоже имело место, без всяких сомнений. Но на первом месте для Глена, оказывается, стояло “всего лишь” желание впечатлить девушку! Уж не знаю, всех сразу или какую-то конкретную, но, тем не менее.

И это было так... освежающе?

Я ведь пообещал себе, что обязательно проживу полную и интересную жизнь. Конечно, чтобы её прожить, надо было выжить. А для этого были крайне важны и зарытые где-то древние артефакты, и долгие эксперименты с магией, и медитации. Тем более с учётом послания Агура в его гримуаре. Мне нужно было стать сильнее в кратчайшие сроки, чтобы не потеряться и не стать просто пешкой в надвигающейся катастрофе.

Но, в конце-то концов! Физически мне ведь было всего пятнадцать. Самое начало

жизни, самый расцвет юности. По сути, моей первой настоящей юности. Ведь Бафомета подобные вещи никогда не интересовали, а на Земле я с шестнадцати и до самой смерти существовал от больницы и до больницы.

Когда жить, если не сейчас? Не отказывать Глену в его просьбе потому, что в этом не было никакого смысла, да к тому же я мог получить серьёзные увечья, а согласиться, испытать себя, ощутить азарт, струящийся по венам адреналин.

Бафомет никогда не рисковал, это было нерационально. Но, возможно, именно поэтому он и проиграл Агуру?

— Хорошо, я согласен, — кивнул я. — И можешь использовать свой пятый круг, я не против. Покажем настолько зрелищный финал, насколько это только возможно.

Секунду Глен переваривал мои слова, а потом на его лице расплылась довольная улыбка.

— Отлично! Давай, в бой!

Я ощутил, как мана вытекает из сердца Глена и формирует вокруг него нечто наподобие второй кожи. В конце концов сотканный из магии ветра костюм даже стал почти осязаем, выглядя как тысячи белёсых змеек, на бешеной скорости вращающихся вокруг тела Глена.

Самое забавное: я узнал эту магию. Штормовой доспех — заклинание, созданное Бафометом как побочный продукт изучения магии ветра в целом. Правда, Глен использовал не оригинальную версию, а значительно урезанную. Но оно и не удивительно, Штормовой доспех был магией восьмого круга, доступной только для высших магов.

Однако, так или иначе, я прекрасно знал все свойства этого заклинания и мне не составило бы труда, ударив в несколько слабых точек, просто развеять магию, оставив Глена совершенно незащищённым.

Вот только я не собирался этого делать. Как и сказал Глен, это было бы... слишком скучно.

Сам не сразу понял в какой момент это произошло, но на лицо выползла широкая, искренняя, восторженная улыбка. Возможно, впервые за обе своих жизни я собирался вступить в бой с кем-то, наслаждаясь самим этим фактом.

Если бы Глен сразу использовал эту магию, даровавшую магу невероятную скорость и, как следствие, огромной мощности атаки, я бы проиграл без сомнений. Банально не смог бы уследить за ним. Но теперь он намеревался рвануть прямо на меня, в лобовую, и я мог сосредоточиться на том, чтобы встретить его максимально достойно.

Призвав одновременно Телекинез и Дыхание Саламандры, я закрутил две этих магии вокруг друг друга спиралью, а спираль эту вытянул в длинную, метра четыре, рыцарскую пику. И чем быстрее вращались друг вокруг друга две магии, чем тоньше становилась граница между одинаковыми слоями, чем больше возникало напряжения — тем мощнее должен был получиться взрыв на самом кончике этой пики.

— ГОТОВ?! — прокричал Глен сквозь завывания ветра в своём костюме.

— Готов! — воскликнул я.

Отбросив всякие мысли о защите, мы бросились друг на друга, встретившись почти ровно посередине арены. Кулак Глена, помимо Штормового доспеха окутанный ещё несколькими заклинаниями для увеличения мощи атаки, столкнулся с остриём моей пики...

Взрыв откинул меня метров на десять, прежде чем я смог стабилизировать своё положение. Руки, державшие магическую пику, были сломаны в предплечьях, а также покрыты серьёзными ожогами, опалило также лицо и грудь, сожгло брови, ресницы и часть волос. Маны у меня осталась самая капелька, которой бы не хватило даже на простейшее заклинание первого круга, да и в принципе я чувствовал, что вот-вот просто упаду от истощения.

Но я был в сознании и остался стоял на своих двоих.

А вот Глена взрыв огненной пики, навредивший даже мне, буквально сдул с места, отправив кувыркаться до самой стены арены. Если бы старейшина Вейс не вмешался, появившись на траектории полёта Глена и поймав парня, он бы хорошенько так врезался в каменное ограждение. Умереть бы вряд ли умер, но костей себе точно переломал немало.

Победитель был очевиден, однако чествовать меня никто не спешил. После грохота взрыва арена погрузилась в полнейшую тишину. И в памяти Бафомета я мог найти не мало

примеров такого молчания.

Когда мы с Гленом стояли друг напротив друга, готовясь к последнему столкновению, тоже было довольно тихо. Но это была тишина предвкушения. Можно было расслышать шепотки, напряжённое постукивание пяток об пол, редкие, скрадываемые размерами арены, возгласы одобрения и поддержки. В адрес Глена, естественно, но всё же.

Теперь же это была гробовая тишина недоумения, неверия и... страха.

Глен. Восемнадцать лет, один из лучших студентов пятого курса академии, Посох Бин, старший маг пяти кругов.

Я. Пятнадцатилетний уборщик, только недавно бывший объектом насмешек, издевательств и травли от доброй половины Башни Магии. То, что я получил благословение Агура, меня отчасти оправдывало, иначе это была бы совсем уж невозможная история. Но, тем не менее, до сих пор вряд ли было много тех, кто на полном серьёзе верил в то, что полукровка стал избранным.

Но теперь... я ощущал на себе десятки и сотни взглядов. Шокированных, испуганных, полных презрения, зависти и гнева.

“Почему благословение царя мудрости досталось этому ублюдку?”, “Если бы я оказался вчера ночью перед той статуей, сейчас на меня бы смотрели так, как смотрят на него!”, “Как этот таракан посмел сотворить такое с Гленом?”

Я ощутил, как из груди поднимается волна ответных ярости и злорадства. И хотя в целом это чувство было скорее приятным, эдаким тёмным торжеством, настроение, крайне приподнятое после победы, всё равно стремительно ухнуло вниз.

Подождав пару минут, пока старейшина Вейс передаст Глена слугам и официально объявит меня победителем, я, отказавшись от помощи, сам отправился в медицинское крыло. По мере того, как уходил адреналин, волнами начала накатывать боль, особенно это касалось сломанных рук. Но с помощью Трёх циклов я смог более-менее успокоить агонизирующее тело, а с остальным мне должны были помочь целители.

Однако, добраться до медицинского крыла быстро мне, похоже, было не суждено.

Когда выходил с арены в коридор Башни Магии, наткнулся на большую толпу студентов, покидавших трибуны. Гомон тут же стих, я почувствовал на себе два десятка пристальных взглядов.

Вздыхнув, я подошёл к ним, компания полностью перегородила коридор, ведущий в медицинское крыло. Уступать дорогу мне никто не спешил. К сожалению, Глен, сначала настроенный более-менее нейтрально, а под конец нашего боя и вовсе проникшийся ко мне уважением, был исключением, а вот Карл — правилом. И, на самом деле, не просто так.

Эльфов в Вирсавской империи ненавидели действительно за дело. Шестнадцать лет назад отгремела объявленная Альвхеймом разрушительная война, в которой от эльфийских стрел и кинжалов умерло более трёх миллионов человек.

Люди в итоге победили. Но это не отменяло того факта, что почти каждый из этих ребят, тогда ещё либо готовившихся родиться, либо бывших неразумными младенцами, потерял кого-то из родни. Отцов, матерей, дядей и тётей, сестёр и братьев. Так что в принципе их ненависть можно было понять.

Вот только я не хотел её понимать. Я родился через год после завершения войны и в возрасте от силы месяца был подброшен в Башню Магии. Я даже живого эльфа никогда не видел. И то, что эти малолетние идиоты сливали на меня свои эмоциональные помои, было максимально мерзко.

— У вас ко мне какое-то дело? — процедил я, чувствуя как растворяются последние крохи удовлетворения и радости от победы.

— Мы знаем, что ты вытребовал у Глена в обмен на победу, — выплюнул один из старшекурсников, с крупной брошью в виде магического посоха с сапфиром на пиджаке. Понятно, откуда ноги растут. — Ты ни за что не станешь Посохом!

А, так это я, оказывается, “вытребовал” приглашение в Посохи Бин? Просто замечательно!

— Насколько я знаю, после года членства в клубе Посох имеет право пригласить одного любого человека.

— Вот именно, что “человека”! — хихикнул полненький паренёк помладше. В толпе студентов раздались злорадные смешки.

— Что ты возомнил о себе? — продолжил первый старшекурсник, судя по поведению, главный баран в их небольшом стаде. — Думаешь что, если тебе повезло оказаться в нужном месте и в нужное время — то ты перестал быть остроухим ублюдком? Как вообще у твой матери только хватило совести лечь под эльфа?!

— Знаешь, когда я её встречу — обязательно спрошу, — вздохнул я, вдруг вместо злобы ощутив банальную усталость. С кем я вообще пытался спорить? С придурками, на полном серьёзе считавшими, что оскорбления на уровне шуток про мамку могут задеть? — А ты, господин Посох, что, тоже хочешь вызвать меня на бой и доказать, что я — всего лишь удачливый остроухий ублюдок? Что же, милости прошу. Но, во-первых, знай, что тебе придётся поставить на кон что-то минимум равноценное ставке Глена, а во-вторых, подумай о том, в каком состоянии его уносили с арены. Готов рискнуть тоже превратиться в отбивную?

— Готов! — тут же без секунды запинки выпалил парень. — Вот только в отбивную я превращу тебя!

Смелости ему было не занимать — это стоило признать. Однако мне и правда было лень с ним спорить. К тому же руки с каждой минутой начинали болеть всё сильнее.

— Твоя ставка? — просто спросил я, а когда он замялся, не дав ему возможности что-то придумать, продолжил. — Когда придумаешь — найди меня, я всегда к твоим услугам. И это всех касается! — повысил я голос, осмотрев толпу. Таких же храбрых как первый парень нашлось немного. Все помнили участь Глена и большинство, понимающее, что они были слабее, смущённо потупило глазки. — А пока что я хотел бы получить дозу целительной магии для своих сломанных рук, если, конечно, никто тут не хочет начать избивать меня прямо сейчас.

Возможно, кто-то из них и хотел бы. И, окажись этот кто-то со мной наедине — он бы действительно это сделал. Но выставлять себя мразью, готовой избивать слабых, перед друзьями никто явно не хотел. Так что спустя несколько секунд они расступились в стороны, организовав для меня коридор.

— Большое спасибо, — хмыкнул я, наконец, отправившись в медицинское крыло.

* * *

— Можно? — в дверь моей палаты (персонально МОЕЙ, кто бы мог подумать), осторожно постучали.

— Входите! — крикнул я.

Створка медленно растворилась, и в небольшую комнатку вошла девушка.

Хотя, сказать “вошла”, было бы не слишком правильно. Скорее уж “вплыла”. Если бы у меня не было памяти Бафомета и кое-какого опыта взаимодействия с противоположным полом из земной жизни, я бы наверняка уронил челюсть и просто пялился бы на неё, как на какое-то внеземное существо.

На вид она была постарше меня, возможно лет семнадцать-восемнадцать, форма старших курсов это подтверждала. Высокая, статная, фигуристая, на плечи золотым водопадом опускались чуть вьющиеся кудри, в голубых глазах плескался океан, полные губки пускали воображение вскачь, а от вида, открывавшегося благодаря непринуждённо расстёгнутой рубашке, перехватывало дыхание и пересыхало во рту. А ещё она была довольно сильным магом — пятый круг, как и у Глена.

Если бы я встретил её два дня назад — опустил глаза и поспешил бы пройти мимо. Не потому, естественно, что тогда она была мне несимпатична или потому что я стеснялся. Но потому что за один пристальный взгляд на эту юную нимфу кто-нибудь из студентов-парней мог ко мне прибодаться и мне опять пришлось бы вступать в бессмысленный конфликт. Девчонка, которая сама скорее всего смотрела на меня с отвращением или злобой, того не стоила.

Однако сейчас мы были вдвоём, так что я мог гулять взглядом по её телу столько, сколько хотел. Да к тому же она пришла сама и, судя по вежливому началу, вряд ли для того, чтобы предъявлять какие-то претензии. А потому я позволил себе несколько секунд понаслаждаться столь великолепным зрелищем и только потом, более-менее насытившись, начал разговор.

— Привет, ты что-то хотела?

Судя по слегка вздёрнувшемуся носику, она заметила то, как я пожирал её глазами, но ничего не сказала. И это, конечно, было невероятно приятно, но с другой стороны, я не мог не ощутить подвоха.

Благодаря слухам о благословении и победе над Гленом, меня, конечно, перестали считать слабаком, об которого можно вытирать ноги. Но моё родство с эльфами никуда не делось и предубеждение так просто было не искоренить. Так что вместо того, чтобы расплыться в улыбке я, наоборот, нахмурился, более пристально к ней приглядевшись.

— Как ты? — ответила она вопросом на вопрос, — лечение проходит успешно?

— Не жалуюсь, — я поднял руки, замотанные в плотные бинты. Благодаря целительной магии гипс или что-то подобное мне не понадобился и кости уже успели срастись. Но для полного исцеления нужно было примерно сутки продержаться на предплечьях особую восстанавливающую мазь.

— Это хорошо, — кивнула она, после чего достала из-за спины небольшой свёрток, из которого отчётливо пахло какими-то сладкими фруктами и, подойдя, положила его на прикроватную тумбочку. — А это тебе, небольшой гостинец.

— Спасибо, — произнёс я, всё меньше понимая, что происходит и всё больше уверяясь в том, что это — подстава. — Как тебя зовут?

— Джулия.

— Приятно познакомиться, Джулия, — произнёс я холодно. — Извини, не могу пожать тебе руку.

Она хихикнула. Наигранно.

— Ничего страшного.

Продолжая улыбаться, она присела на краешек моей кровати и как бы невзначай наклонилась немного вперёд так, чтобы мне открылся ещё лучший вид на ложбинку декольте. Как бы скептически я ни был настроен, от такого зрелища я волей-неволей ощутил разгорающийся в теле жар. В конце концов, моему телу было всего пятнадцать.

И она эту мою реакцию определённо считала.

— Знаешь, Алистер, я хотела с тобой кое-что обсудить, — чуть изменившимся, ставшим более глубоким и томным, голосом произнесла она.

— И что же?

— Ты ведь выиграл у Глена позицию Посоха?

— Выиграл, — кивнул я.

— Так вот я — тоже Посох, — она запустила пальчики в небольшой кармашек на форменной безрукавке, и достала оттуда брошку, такую же, как была на прикопавшемся ко мне возле выхода с арены студента. — И я хотела бы предложить тебе определённую поддержку, поначалу, пока ты не освоишься.

Картинка почти сложилась.

— В какой форме поддержка?

— Да много в какой, — отмахнулась она, — ресурсы для развития твоих кругов, деньги, совместное выполнение миссий, ценные знакомства — смотря что тебе будет нужно. К сожалению, среди Посохов далеко не все испытывают радость в связи с твоим присоединением, и на первых порах тебе может быть сложно.

— А ты... — я едва успел проглотить готовое сорваться с языка язвительное замечание, — не имеешь ничего против?

— Я?! — прозвучало это так, будто подобное предположение стало для Джулии настоящим оскорблением. — Ни в коем случае, ты что! Тебя признали студентом и ты доказал свою компетентность, одолев мага на два круга сильнее себя. Если это — не повод для вступления в Посохи Бин, то я не знаю, что — повод.

Хотелось послать её, и желательно пожёстче, но от этого мне не было бы никакой пользы кроме секундного внутреннего удовлетворения. Сейчас мне нужно было действовать максимально рационально и пользоваться всеми возможностями. Так что, нацепив на лицо радостную улыбку, я вежливо кивнул Джулии, понадеявшись, что она не заметит, как у меня дёрнулся глаз.

— Тогда я с радостью приму твоё предложение. Спасибо.

— Вообще без проблем! — улыбнулась она в ответ, поднимаясь на ноги, — в конце концов, студенты должны помогать друг другу. Я — тебе, ты — мне, правильно?

— Ну да, ну да...

— Тогда я пойду, у меня ещё дела. Поправляйся поскорее!

— Пока, Джулия.

Когда за ней закрылась дверь и из коридора послышались звуки удаляющихся шагов, я позволил себе убрать с лица улыбку. Помочь она хотела, ага, конечно. Скорее, воспользовавшись своей красотой и моей очевидной неопытностью, превратить меня в итоге в послушную собачку. Очень мило, ничего не скажешь.

К твоему сожалению, дорогуша, хоть физически мне и было пятнадцать, ментально я был куда старше и мог уловить, когда меня хотят нагнуть.

Если хочешь предложить мне помощь — я, разумеется, её приму. Кто я такой, чтобы

отказывать такой красавице. Тем более что на то, что я задумал, мне и правда может не хватить тех денег, что пообещал Одуванчик за Дыхание саламандры. А там посмотрим. Может быть я даже соглашусь на ответную услугу, если наградой станет... скажем так, более близкое с тобой знакомство.

И не надо меня ни в чём винить. Ты хочешь воспользоваться мной — я хочу воспользоваться тобой. Так устроен этот мир. Как говорится, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним.

А пока что можно было сосредоточиться на медитации и практике Трёх циклов. Ждать целые сутки до полного восстановления рук я был не намерен.

* * *

— Ты хочешь выйти в город? — старейшина Вейс, который, явившись днём в мою палату, заявил, что по приказу Одуванчика теперь по всем важным вопросам я должен буду обращаться к нему, явно не ожидал, что такой вопрос появится так быстро.

— Да, на несколько часов, до отбоя.

— А как же твои переломы?

— Уже всё в порядке — я поднял и протянул ему обе руки.

Он несколько секунд скептически их осматривал и ощупывал, под конец даже магией просветил.

— Действительно... — протянул он наконец, — всего за семь часов. Может быть это из-за твоей эльфийской крови...

— Наверное, — пожал я плечами.

— Но зачем тебе в город? Если тебе нужно что-то купить — можно послать слугу... — он крякнул, осознав иронию сказанного.

— Я привык делать всё сам, — произнёс я, сделав вид, что не заметил его запинку. — К тому же я не был в городе уже почти год.

— Послушай, я могу выдать тебе разрешение. Но после сегодняшнего утра старейшина Тёрнер приказал мне за тобой приглядывать. А если с тобой что-то случится?

— Я ведь не собираюсь лазить по трущобам, — парировал я, — просто прогуляюсь, выпущу пар. Обещаю не вступать в неприятности и вернуться вовремя.

Несколько секунд старейшина пристально на меня смотрел, будто пытался взглядом изменить мои мысли, но в конце концов кивнул.

— Ладно, я выпишу пропуск. Веди себя хорошо, не делай мне больше работы. Понял?

— Так точно! — улыбнулся я, на секунду вытягиваясь по струнке. — И ещё, можно сейчас получить ту награду, что мне полагается за Дыхание саламандры?

Вейс на деле оказался куда более приятным, чем изначально мне показался, как минимум ему было совершенно наплевать на мою эльфийскую кровь. Видимо, именно поэтому Одуванчик его ко мне и приставил.

Получив от старейшины небольшую картонку с печатью, я поспешил к выходу из Башни Магии.

В Вирсавии я и правда не был уже месяцев десять. Отпуск мне был положен очень редко, да и те несколько дней в году приходилось каждый раз отвоёвывать с боем. Среди слуг было немало таких, что хотели испортить мне жизнь всеми существующими способами

и за счёт различных наказаний и штрафов лишит меня даже этих нескольких дней безделья.

Однако отдыхать и гулять, как пообещал Вейсу, я, конечно, не собирался.

В ближайшее время я собирался воспользоваться статусом Посоха и отправиться на миссию за границей Вирсавии. И для того, чтобы в этом путешествии у меня было как можно больше шансов добиться желаемого, мне нужно было хорошее оружие.

К сожалению, ни я, ни Бафомет никогда особо не интересовались мечами, копьями и топорами. Нам обоим это было просто не нужно. А начать практиковаться в ближнем бою мне было, честно говоря, уже поздно.

Вот только это вообще не было проблемой. Потому что я знал об оружии, на голову превосходящем любые клинки.

Земном оружии.

Три килограмма чистой оружейной стали, килограмм свинца и полкилограмма латуни обошлись мне недёшево. Но из-за того, что я покупал не готовые изделия, а всего лишь материалы, общая цена оказалась всё-таки вполне подъёмной. Даже с учётом того, что за Дыхание саламандры мне дали меньше, чем я рассчитывал.

Впрочем, возмущаться и предъявлять Вейсу какие-то претензии я не стал.

Во-первых, хоть он и был старейшиной и высшим магом, по сравнению с Одуванчиком, взявшим надо мной шефство, толстенький Вейс мало что значил. И вряд ли в его силах было пересмотреть назначенную Одуванчиком награду, а просить его дать мне что-то из собственного кармана было уж слишком нагло.

А во-вторых, мне в принципе и не требовалось каких-то огромных денег. Материалы, закупленные в кузнице, а также кое-какие вещи, которые должны были пригодиться в будущем путешествии — вот, собственно, и всё, что меня интересовало. По крайней мере на данный момент.

Тем более что мне обещала помочь Джулия. М-да, просто думать об этом всерьёз было странно и даже смешно.

Вернулся в Башню Магии, расположенную в нескольких километрах от стен Вирсавии, я уже в темноте. И остаток ночи провёл в личной комнате в студенческом крыле. На самом деле, как и комната Карла, Арне и Дариана, она была рассчитана на троих жильцов. Но то ли Одуванчик подсуетился, то ли мне просто повезло — но я оказался единоличным владельцем выделенной жилплощади.

Вот только тратить время на сон мне было некогда. Не прекращая гонять ману по телу с помощью Трёх циклов, чтобы как минимум избавиться от усталости, я занялся экспериментами с купленным металлом.

Несмотря на то, что я особо не интересовался огнестрельным оружием, как выглядит и как устроен револьвер, я более-менее помнил. В идеале, конечно, предпочтительнее был бы более продвинутый вариант пистолета. Но на скорую руку воспроизвести принцип его работы я бы точно не смог. А вот вращающийся барабан показался куда более простой конструкцией.

Правда, несмотря на то, что благодаря Кузнице я мог творить с металлами всё что пожелаю, более-менее нормально работающий прототип мне удалось сварганить уже далеко за полночь. Отсутствие в памяти Бафомета опыта подобных манипуляций сказывалось.

Но, так или иначе, к пяти-шести часам утра передо мной на рабочем столике уже лежала пара увесистых револьверов в стиле старых вестернов, чего-то типа “Хороший, плохой, злой”, а также несколько запасных обойм. Пули выглядели почти также, как те, что я видел в земных фильмах, вот только была проблема: в них не было пороха.

Вообще, в этом мире порох вроде как был. По крайней мере, когда во время больших праздников в небо запускали фейерверки, я всегда отчётливо ощущал знакомый запах работавших пиротехнических зарядов.

Однако из-за повсеместной доминации магии дальше такого вот развлечения порох не пошёл и огнестрела в Вирсавской империи в принципе не существовало. При этом, насколько я помнил, порох для фейерверков и оружейный порох — это разные вещи и менять одно на другое было нельзя.

Может быть, конечно, я и ошибался. Но проверять, несмотря на то, что буквально этим утром я без всякого пороха создал огромной мощности взрыв, не хотелось. Мало ли как я налажаю с пропорциями — остаться без пальцев мне не слишком-то улыбалось. К тому же того, как этот самый порох получать я, естественно, не знал.

При этом свои револьверы я хотел использовать по прямому назначению, а не вешать на стенку как непонятный сувенир из прошлой жизни. К счастью, там, где мои знания из мира точных наук пасовали, шанс проявить себя получали знания из мира магии. И самое интересное было в том, что я, действуя на чистых инстинктах, уже успел соорудить магическую комбинацию, которая работала ничуть ни хуже пороха.

Взяв в руку один патрон, я прикрыл глаза и влил в пустую гильзу два заклинания: Телекинез и Дыхание Саламандры, после чего начал закручивать их друг вокруг друга спиралью. Чем дальше шёл процесс и чем мельче становились витки этой спирали — тем сильнее получился бы в итоге взрыв.

Вот только это было не всё. Если бы я прекратил контролировать магию, она бы либо рассеялась, либо тут же сдетонировала. А постоянно поддерживать вихри в нескольких десятках подготовленных гильз я точно не собирался.

К счастью, в моём гримуаре было ещё пять слотов под заклинания.

Название: Низшее зачарование.

Магия, разработанная лично Бафометом. Вернее одна из пяти версий одной и той же магии, самая простая и примитивная. Для меня, впрочем, сейчас этого было более чем достаточно, да и не смог бы я применить Малое зачарование без четвёртого круга маны.

Главной и, строго говоря, единственной функцией Низшего зачарования, была временная заморозка заклинаний. Максимально простой принцип, за которым крылись сотни и тысячи часов труда Бафомета.

В современности магия зачарований, естественно, тоже существовала, и кое в чём была даже более продвинутой. Всё-таки эти две тысячи лет исследования магии не стояли на месте. Однако рыскать по той же Короне Мудрости в поисках чего-то нового, когда у меня в арсенале была магия, которую благодаря Бафомету я знал вдоль и поперёк, было глупо.

Ещё спустя два часа было готово. Вымотанный будто после марафона и потный с головы до ног, я встал со стула и на пошатывающихся ногах подошёл к кровати. Для двух пятизарядных револьверов я подготовил по десять обойм, не только наполнив каждый патрон “порохом”, но и зачаровав пули мощной огненной магией. Итого, если считать каждое применённое заклинание по отдельности, пятьсот активаций магии.

Для моих кругов это была огромная нагрузка, однако на самом деле оно было и хорошо.

Использував ману Арне и Дариана для быстрого прорыва, я остался с сильно нестабилизированными кругами. Из-за этого в критической ситуации, когда потребовалось бы выложить на сто десять процентов, я легко мог схлопотать так называемый “рикошет”, что было чревато серьёзными травмами или даже смертью.

Монотонные и однообразные заклинания в таком контексте работали как удары молота по заготовке, убирая все слабые места и убирая внутренние напряжения в кругах маны.

Так что заснул я с ощущением на сто процентов исполненного долга.

Правда, уже погружаясь в объятия Морфея, я подумал, что, прежде чем клепать сразу сотню патронов, хорошо было бы проверить, насколько это вообще рабочая конструкция...

Нет, завтра. Уже всё завтра...

Проснулся я от того, что в дверь моей комнаты настойчиво и очень невежливо колотили. Судя по яркому небу за окном я проспал довольно долго, впервые, наверное, за несколько лет, а то и за всю эту жизнь, проснувшись за полдень. Однако после ночного перегруза с лёгкостью проспал бы ещё несколько часов. И чувствовал себя в порядке сейчас я только благодаря Трём циклам.

— Кто там?! — настроение от того, что меня разбудили, естественно, хорошим не было.

К тому же мои незваные гости своими ударами в дверь, от которых аж стёкла подрагивали, расположены ко мне тоже явно не были.

— Мы из Посохов Бин! — раздался за дверью порядком раздражённый голос. — Нам приказано привести тебя на собрание!

Помолчав пару секунд, обдумывая варианты, я всё-таки махнул рукой, Телекинезом открывая засов на двери, и вылез из кровати.

В комнату вошло трое парней. Судя по виду и форме — ещё младшие курсы, чуть постарше меня, но у всех троих на отворотах формы красовались те самые брошки Посохов. Так что ребята были либо с талантом, либо со связями.

— Ты ещё спишь?! — взвился парень постарше.

Судя по голосу, именно он мне кричал через дверь.

— А почему я не могу спать? — переспросил я, намеренно широко зевая и сладко потягиваясь.

— Но ты же...

— Что?

Я подошёл к зеркалу в дверце шкафа, пригладил взъерошенные подушкой волосы, расправил складки, появившиеся на новой форме, выданной мне при выписке из медицинского крыла, протёр заспанные глаза.

Всё это время троица стояла неподалёку от входа и буравила меня взглядами. Сказать им было особо нечего.

Я больше не был слугой, Одуванчик лично переопределил меня в студенты. При этом официально я пока что не был назначен на какой-то конкретный курс, так что занятий у меня не было. А о том, что за мной придут из Посохов Бин, меня никто не предупредил.

Совсем недавно ни один из этих аргументов не помешал бы им как минимум наорать на меня. Как это так: остроухое отродье — и смеет дрыхнуть посреди дня? Однако теперь у них был железобетонный аргумент в пользу того, что так делать не стоит. Я банально был сильнее.

Ни один из троицы не был старшим магом, все были на четвёртом круге маны. И они не могли не понимать, что было бы с ними, окажись кто-то из них вчера на месте Глена, и что могло с ними случиться, начни они на меня бычить. Да и заговорить меня они тоже не могли, потому что не понимали, с какой стороны ко мне теперь подъезжать.

— Тебя ждёт собрание! — наконец не выдержал главный из троицы, придумав сослаться на авторитет старших.

— Ничего, подождут, — отмахнулся я. Бежать по первому зову ребят вроде Джулии я точно не собирался.

Сходив в уборную и умывшись, я наконец нашёл свой вид более-менее

представительным, после чего подошёл к столу и взял револьвер.

— Чего это? — спросил один из парней, уже какое-то время поглядывавший на невиданные штуковины и явно заинтригованный.

— Бум-палка, — усмехнулся я про себя. — Ничего, так, модный аксессуар.

Кобуру, понятное дело, сделать было не из чего. Так что временной мерой стали крючки, которые я накинул на пояс. Вытаскивать таким образом револьверы было не слишком удобно. Но по-бандосски засовывать в штаны я не собирался, а неглубокие карманы уже были заполнены запасными обоймами, и то для каждого пистолета получилось взять только по четыре штуки.

— Собрался наконец? — с пренебрежением переспросил главный из троицы, кивнув мне на дверь. — Пойдём.

— Ну, иди, как будто я знаю куда нам надо, — пожал я плечами, — а конвоя мне не нужно. Не сбегу, не волнуйтесь.

На этот раз своё недовольство ему всё-таки удалось проглотить и, подав сигнал своим помощникам, он вышел из комнаты. Я, подождав секунду, двинулся следом.

Квартировались Посохи Бин в отдельном, специально для них выделенном крыле академической зоны. И тут было всё, что только можно было пожелать. Элитное общежитие для членов клуба, тренировочные площадки, учебные классы, а также зал собрания, созданный по образу и подобию зала Совета, в котором я недавно побывал.

Именно сюда меня и привели. И встречали меня на этот раз куда бóльшим составом. За полукруглым столом сидело аж пятнадцать человек, и ещё человек двадцать стояло за их спинами.

Со странным удовольствием увидел среди сидевших Джулию, приветливо мне подмигнувшую. Ну, милочка, давай, поработай на меня сегодня. Хорошенько поработай, если хочешь, чтобы я хотя бы подумал о каких-то ответных услугах!

Карл тоже был тут, но, как студенту младшего курса, ему не полагалось сидячее место. А вот Глена видно не было. Мой спарринг-партнёр, похоже, всё ещё восстанавливался в медицинском блоке.

— Почему так долго? — нахмурился, судя по всему, председатель собрания, длинноволосый парень с уже довольно качественными усиками над губой, в форме студента высшего, шестого курса. — Вы должны были привести его пятнадцать минут назад!

— Он спал, когда мы пришли, а потом собирался долго... — наполовину смущённый своим провалом, наполовину торжествующий нависшим надо мной наказанием, пояснил мой провожатый.

— Спал?! — усач произнёс это таким тоном, будто сон был страшнейшим из смертных грехов.

По рядам Посохов прошлись недовольные шепотки и предвкушающие хихиканья.

Однако соглашаться играть в их представлении я не собирался. Одно дело — поддерживать хорошие отношения с преподавателями и старейшинами Башни, и совсем другое дело — пытаться угодить сборищу малолеток.

— Знаешь, я вообще-то тут, — произнёс я, раздвигая троицу моих “конвоиров” и выходя в центр полукруга. — Если что-то во мне не нравится — то говори это мне, лично.

— Я разговариваю на равных только с равными, — холодно произнёс он, ничуть не смутившись, — и не смей мне ты-кать. Обращайся на Вы, либо по имени.

— Понятия не имею, кто Вы такой, — усмехнулся я.

— Я — младший герцог Валентайн Фериа, — гордо произнёс он.

Похоже, это должно было меня прямо испугать, но в местной геральдике я не разбираюсь и не собирался разбираться. Ладно, хрен с ним.

— Очень приятно, но, насколько я понимаю, раз вы меня пригласили столь любезно, значит я уже тоже Посох, — пожал я плечами. — Так что мы вполне себе равны. Если только у вас тут нет каких-то особенных-особенных Посохов Бин.

— Это правда, что все Посохи равны, — кивнул он, — но ты — не Посох.

— Чего это? Глен, что же, передумал?

— Нет...

По одной этой интонации стало понятно, что Глен не отказался от своих слов, несмотря на то, что его активно старались в этом переубедить. И от осознания этого в груди разлилось приятное тепло.

На самом деле, если так задуматься, Глен не сделал ничего особо выдающегося, просто сдержал своё слово. Но на фоне агрессии и презрения, что были направлены на меня столько лет, человеческое отношение, которое по идее должно было быть нормой, волей-неволей воспринималось как нечто невероятное.

Впрочем, то, что я это понимал, не отменяло моих уважения и признательности к Глену. И, как и Мариуса, я собирался ему обязательно отплатить за добро.

— По вашим правилам его приглашение делает меня таким же Посохом. Я ведь это не придумал. Тогда в чём дело?

— В том, что, если мы согласимся тебя принять, то это станет несмываемым пятном на репутации Посохов Бин, — выплюнул Валентайн.

— Ну, это и так понятно, — отмахнулся я. — Я говорю о другом. Если бы вы все так единодушно решили захлопнуть перед моим носом дверь, то никакие правила вас бы не остановили, и Глен бы ни на что не смог повлиять. Вам бы даже обосновывать своё решение не потребовалось, девяносто девять процентов Башни Магии такой выбор бы только одобрили. Однако что мы видим? Полный зал народу, прождавшего меня целых пятнадцать минут! И несмотря на то, что я, как ты заявляешь, не Посох, ты почему-то продолжаешь со мной разговаривать. Небольшая нестыковочка, тебе не кажется?

Догадаться, в чём дело, было несложно. Могла существовать всего одна причина, по которой ради меня могли так расстараться, и дело было вовсе не в победе над Гленом. Хотя он и был очень талантливым магом, среди Посохов наверняка нашлись бы ребята куда сильнее. И я мог бы не ломать комедию с этими законами под детектива.

Но я слишком долго терпел. Я устал думать о том, что нужно окружающим. Если они что-то хотели от меня — то должны были открыть рот и сказать. Ничего, не сахарные, не растают. Возможно, этим зажавшимся деткам богачей, дворян и магов будет даже полезно спуститься с небес на землю и ощутить себя в шкуре просящего.

— Во время боя с Гленом ты использовал не только огненную магию, но и какой-то подвид телекинеза, — произнёс Валентайн спустя несколько секунд.

Ну, вот оно.

— Было дело, — кивнул я.

— Эту магию ты тоже получил от царя мудрости?

— Возможно. А что такое?

— Почему тогда её нет в Короне Мудрости?

— А почему она должна там быть?

Впервые с начала нашего диалога Валентайн нахмурился.

— Какую ещё магию ты получил благодаря благословению?

— С какой стати мне отвечать на твои вопросы, если ты не хочешь отвечать на мои?

— Посохи Бин — общество, основанное личным учеником царя мудрости! — рявкнул он. — Мы — преемники воли Величайшего из великих, его главные и самые преданные последователи! И его наследие должно принадлежать нам, а не остроухому ублюдку типа тебя!

По рядам прошёлся взбудораженный гул, слышались одобрителные возгласы. Вот только на меня это не работало. Вместо реакции, на которую они скорее всего рассчитывали — оторопь и покорность, я, наоборот, ощутил стремительно разгорающийся в груди гнев. И хотя шёл я сюда вовсе не с целью подогреть конфликт, молча прогладывать это дерьмо я больше не собирался.

— Херовая логика, — прорычал я, сам удивившись тому, насколько грубым и хрипящим стал мой голос. — Ты, что ли, тот ученик? Или кто-то из присутствующих? Хочешь сказать, что царь мудрости обязан передавать все свои знания в ваш дохрена элитный клуб просто потому, что вы — такие все красавцы и красавицы? Я не крал эту силу, и получил её не благодаря кому-то из вас! С какой стати мне отдавать вам что-либо?! К тому же безвозмездно? За Дыхание Саламандры сам архимаг Олдред Тёрнер заплатил мне вознаграждение! А ты хочешь получить заклинание царя мудрости нахаляву? Не слишком ли много ты о себе возомнил?! И вы можете хоть в десять раз больше народу привести! Мне начхать на то, кто вы, кто ваши родители и кто за вами стоит! Хотите получить что-то — как минимум предложите достойную цену!

Теперь его, да и всех остальных Посохов, наконец, пробрало.

— Да как ты смеешь так со мной разговаривать?!

Вслед за возмущением Валентайна на меня со всех сторон полился поток оскорблений, в воздухе ощутимо запахло магией.

Вот только я сам уже был настолько на взводе, что был готов на полном серьёзе смахнуться со всеми ними сразу.

— ЗАТКНУЛИСЬ ВСЕ! — рявкнул я, усилив звук Телекинезом так, что более слабые маги, не успевшие защититься, похватались за уши. — Это ты меня позвал! — я наставил на Валентайна палец. — Правда хочешь получить магию царя мудрости?! Хорошо, я дам тебе такую возможность. Тебе даже платить ничего не придётся. Более того, если ты так ценишь царя мудрости и его наследие, как заявляешь, то для тебя это будет вообще не сложно. Заинтересован?

По трясущимся усикам, по красному, как у рака, лицу, по развивающимся без какого-либо ветра волосам, было видно, насколько он взбешён. Будь его воля — он бы прихлопнул меня на месте. Вот только с учётом протектората Одуванчика и того, что он хотел получить от меня, ему приходилось сдерживаться.

— Говори, — процедил он сквозь сжатые зубы.

— Всё очень просто, — усмехнулся я, показывая пальцев на пол перед собой. — Просто встань передо мной на колени и скажи: “Пожалуйста”. Только и всего! Ради царя мудрости, естественно...

— УБЬЮ УБЛЮДКА! — взревел Валентайн, вскакивая с места.

Обучение в академии Башни Магии длилось шесть лет. Три младших, два старших и один высший курс. И по идее предполагалось, что к концу обучения студент сможет преодолеть первую серьёзную стену и стать старшим магом, получив пятый круг маны. Ребята вроде Карла или того же Глена, имевшие четвёртый круг на третьем курсе и пятый — на пятом соответственно, заслуженно считались выдающимися талантами, на год-полтора обгоняя ровесников.

Однако Валентайн уже был на последнем курсе, и пост председателя собрания Посохов Бин вряд ли занимал только благодаря своему герцогскому титулу. Так-то в Посохах едва ли не две трети были высокими дворянами. А потому после моего... непристойного предложения на меня обрушилось давление аж шести магических кругов. Он уже был сильнее некоторых учителей академии.

В прямом столкновении у меня не было ни единого шанса. Он мог бы банально задавить меня объёмом маны, в двадцать с лишним раз превышающим мой. Такое было не перебороть никакими техниками и заклинаниями, по крайней не с моим текущим арсеналом.

К счастью, ночь я потратил далеко не только на сон. Ну, вот сейчас и проверим, насколько удачно я спроектировал свои бум-палки.

Откинув себя назад Телекинезом, чтобы выиграть хотя бы секунду, я сдёрнул с пояса револьвер, навёл на живот Валентайна и нажал на спуск. Ударник пробил тонкое доньшко гильзы, дестабилизировав замороженную зачарованием пламенную спираль. Раздался оглушительный хлопок — и в следующую секунду над столом перед Валентайном расцвёл полуметрового диаметра огненный цветок.

Эффект оказался даже лучше, чем я ожидал, а револьвер не взорвался у меня в руке — так что это можно было считать однозначным успехом. И то, что я не смог нормально реализовать систему прокрутки барабана, из-за чего повернуть его пришлось тем же Телекинезом, мой восторг ни капли не уменьшило.

Вот только Валентайн не просто так был магом шестого круга.

Он, как и все присутствующие, впервые видел револьвер и вряд ли хотя бы подозревал, что это за штука. А скрытое в патронах зачарование оставалось совершенно незаметным до самого момента активации.

Тем не менее, за краткие доли секунды, прошедшие от подрыва заряда до попадания в него пули, Валентайн смог выставить защиту достаточно прочную, чтобы остаться стоять ровно на том же месте, совершенно невредимым. Это при том что стол, над которым взорвалась пуля, превратился в тлеющую щепу, а сидящих рядом с Валентайном Посохов хорошенько так обожгло огнём.

Однако, то, что Валентайн не пострадал, не означало, что выстрел не представлял для него опасности. По поднятому им прозрачному магическому щиту, представляющему из себя тонкий слой льда, зазмеились трещины. И этот факт его быстро отрезвил, бросаться на меня по крайней мере он передумал. Хотя кипящая в нём ярость, похоже, стала лишь сильнее.

— Ты вообще понимаешь, что делаешь? — прошипел он, наставляя на меня палец. — Покушение простолюдина на жизнь герцога карается смертью!

— Смеешься? — ухмыльнулся я, наставляя на него револьвер. — Ты первый заорал, что прикончишь меня, это самооборона. К тому же в Башне Магии все ваши титулы не имеют

веса. Мы — просто два студента, более того, два Посоха.

— Ты. Никогда. Не будешь. Посохом. — отчеканил Валентайн, уже всем телом трясясь от гнева.

— Ну, если я не буду Посохом — то ты не получишь вожделенную магию царя мудрости. Всё честно и логично, не думаешь?

— Этот фарс зашёл слишком далеко, — выплюнул он, — я хотел решить вопрос миром, но ты явно не собираешься идти нам навстречу. Схватите остроухую сволочь, визнаем у него всё по-плохому!

— УБЬЮ! — рявкнул я, опережая уже нацеленные на меня десятки заклинаний и отправляя пулю из второго револьвера вертикально вверх, чтобы огненная вспышка под потолком напомнила им, что я держу в руках. — Каждого, кто ко мне полезет, ПРИКОНЧУ К ЧЕРТЯМ!

Зал собрания погрузился в максимально напряжённую тишину. Почти сорок пар глаз смотрели на меня с презрением и ненавистью, но никто не посмел первым броситься в атаку. Потому что куда громче этих эмоций сейчас в них вопил страх.

Все присутствующие были прекрасными магами и наверняка успели просчитать, что с ними будет, попади моя пуля им в руку или тем более голову. И рисковать они попросту ссались. В конце концов, вне зависимости от того, сколько у них было кругов маны, на каком они были курсе и из каких были семей, все они ещё были детьми.

Да, конечно, шестнадцать-восемнадцать лет — это всё-таки уже далеко не детский возраст. Но в данном случае речь шла не столько о возрасте, сколько об опыте. И что-то я сильно сомневался, что хотя бы одному из присутствующих хоть раз в жизни по-настоящему грозила гибель.

Возможно, конечно, были какие-то несчастные случаи, возможно, были разнообразные инциденты во время спаррингов, возможно, покушения, всё-таки дети аристократов. Но вот так, встретиться лицом к лицу с угрозой смерти? Очень вряд ли.

Обводя взглядом ряды Посохов, я не терял из виду Валентайна, максимально сосредоточенно считывая окружающую его ауру. Если бы он вдруг решил напасть без предупреждения — я смог бы среагировать вовремя. Однако при этом я не смотрел на него и, когда наконец вновь встретился с ним глазами, понял, что творится что-то очень странное.

Выглядел он... жутко, по-другому не скажешь. Он уже продемонстрировал, что особо уравновешенным характером не отличался и я успел во всей красе запечатлеть как показушно-хладнокровного Валентайна, так и его же, трясущегося от едва сдерживаемого гнева.

Но сейчас он будто бы стал совершенно другим человеком. Кожа как-то болезненно посерела, на лбу вздулись вены, неестественные, буквально похожие на копошащихся под кожей червей, ноздри раздувались как у быка на корриде, рот искривился в каком-то нечеловеческом оскале... это уже была не просто злоба, парня по-настоящему корёжило. И, когда он заговорил, стало понятно, что дело далеко не только в эмоциях.

— Вы — трусливые, бесхребетные, жалкие ублюдки! — прорычал он. И это была никакая не фигура речи, с каждым словом из горла Валентайна вырывался отчётливый звериный рык. — Такие остроухие суки как он, убивали наших отцов и матерей, жгли наши дома, разоряли нашу страну! Эльфы убивали нас тысячами, сотнями тысяч, а теперь вы боитесь противостоять одному грёбанному остроухому?! Если бы вы воевали шестнадцать

лет назад, у Вирсавии не было бы и шанса на победу!

Понятно. Среди присутствующих он был самым старшим. Большинство студентов пережили войну в слишком малом возрасте. Но Валентайну на то время уже было года три-четыре. Ещё, конечно, не прямо сознательный период, но он определённо мог помнить что-то с того времени, и, похоже, это были не самые приятные воспоминания. Так что в каком-то смысле его ярость можно было понять.

Вот только даже так, его метаморфозы это не объясняло. И, похоже, другие Посохи от такого поведения своего председателя тоже не были в восторге.

— Валентайн, послушай, ты же понимаешь... — начал было один из старшекурсников, низенький и толстенький паренёк с забавно выглядящей, похожей на афро причёской.

Вот только договорить он не успел. Потому что Валентайн, резко повернувшись к нему, махнул рукой — и паренька просто смело прочь, будто сухой листик, вместе с несколькими другими студентами, просто попавшими под горячую руку. И это была не просто “оплеуха”. Толстячок отлетел к стене, ощутимо в неё впечатавшись. На дереве после того, как он упал на пол, совершенно неподвижный, осталось несколько вмятин и отчётливые следы крови.

Раздались испуганные возгласы, девчачий визг. Народ, уже забыв про меня и про магию царя мудрости, повалил к дверям.

Это было совершенно ненормально. И даже не потому, что Валентайн, как председатель собрания, вряд ли стал бы вот так просто калечить других Посохов. Хотя это, естественно, тоже было какой-то дичью.

Куда более странным было то, что толстячок, маг пятого круга, не смог оказать ни малейшего сопротивления. И это при том, что Валентайн даже никаких заклинаний не использовал — атаковал просто давлением маны. Разрыв между пятым и шестым кругами определённо не мог быть таким огромным, даже если предположить, что толстячок попал в Посохи благодаря своим связям, а не талантам.

Если учесть изменившуюся внешность Валентайна, то уже не оставалось сомнений в том, что он находился под действием какого-то жёсткого допинга. И хорошей новостью это определённо не было, потому что после того, как он отвернулся от толстяка, следующим, на кого упал взгляд его налитых кровью глаз, стал я.

И хотя на этот раз он ничего не сказал, именно теперь я по-настоящему поверил в то, что он собирается меня прикончить.

Вскинув револьверы, я выпустил в Валентайна сразу две пули, параллельно создав под ногами дорожку Телекинеза и над головами бегущих Посохов устремившись прочь из зала собрания. Конкурировать с шестым кругом я не мог и раньше, а теперь, после того, как молодой герцог впал в режим берсерка — и подавно.

Так что моей задачей сейчас было выжить и дождаться появления кого-то из старейшин. Потому что я сильно сомневался, что с Валентайном в его текущем состоянии сможет быстро справиться даже маг седьмого круга.

Пули угодили ровнёхонько ему в грудь и живот, однако на этот раз магический ледяной щит лишь вздрогнул. Никаких трещин или следов разрушения. Наоборот, я, кажется, его только разозлил.

Взревев уже совершенно нечеловеческим голосом, Валентайн взмахом руки сформировал под ногами ледяной гребень и, оседлав его, как заправский сёрфер, устремился за мной. На других ребят, которых его ледяная магия могла задеть и покалечить, ему определённо было глубоко плевать.

Не собираясь больше жалеть патроны, я разрядил в своего преследователя остаток обеих обойм. Из шести выстрелов в цель попало пять, однако всё, чего мне удалось добиться — это немного, на долю секунды, замедлять его каждым попаданием. И даже несмотря на это он продолжал меня догонять на своей ледяной волне. Фора в полтора десятка метров, которую я изначально получил, начала быстро сходиться на нет.

К счастью, охватившее его бешенство крайне негативно сказалось на точности его атак и на изобретательности тактики в целом. Одно за другим он посылал мне вдогонку заклинания, каждое из которых при попадании сулило смерть от превращения в ледышку или разрыва всего тела на несколько ледышек поменьше.

Однако из-за их однообразности и плохого наведения каждый раз мне удавалось, благодаря даруемой Телекинезом маневренности, в последний момент уходить с линии атаки.

К счастью, в академической зоне, где находились и общежития, и крыло Посохов, сейчас шли занятия. Посохи просто имели законное право уходить с любых лекций, потому на собрании их было так много.

Коридоры были совершенно пусты, а если люди и выбегали поглядеть, что происходит — то уже после того как мы с Валентайном проносились мимо. Так что страдало только убранство самих коридоров Башни Магии. И на самом деле я был этому очень рад. Как бы мне ни были несимпатичны многие студенты и даже преподаватели, случайных смертей я не хотел.

А отвлекаться на других я был совершенно не в праве. Чем Валентайн был ближе, тем меньше времени у меня было на то, чтобы успеть среагировать на его атаки и хотя бы себя спасти.

В какой-то момент у меня не получилось увернуться вовремя — и бок обожгло болью. А через мгновение распоротая рубашка и рана под ней покрылись ледяной коркой, доставившей ещё втрое больше боли и неудобств.

К тому же у меня кончались патроны. Я уже расстрелял восемь обойм из десяти, что у меня были, и теперь, настолько быстро, насколько мог, загружал в выкидные барабаны револьверов по последней пятёрке зачарованных боеприпасов.

Однако это не значило, что у меня не было идей, как выйти из этой ситуации. Наоборот, всё то время, что я юлил, уворачиваясь от ледяных заклинаний и поливал Валентайна пулями, я готовил свой ответ.

Проблема была в его защите, которую не брали даже последовательные выстрелы из моих зачарованных револьверов. Я мог сколько угодно вилять, будто убегающий от гончих заяц. Но если бы мне не удалось что-то сделать с этой защитой, то он бы догнал меня и заморозил к чертям. И случилось бы это скоро. Слишком скоро.

А потому я копил силы для одного решающего удара. И когда между нами осталось всего метров пять и меня уже в третий раз задела его магия, я понял, что дольше тянуть нельзя.

Резко изменив направление движения, я бросился прямо на Валентайна, сократив расстояние между нами до нуля за пару мгновений. Он такого явно не ожидал, и, так как его разум был замутнён, не успел среагировать и встретить меня атакующим заклинанием. Однако окружавший его щит никуда не делся — и именно на него я и был нацелен.

Из земного вооружения я помнил не только про револьверы. Например я знал, что на вооружении армии лет уже пятьдесят находилась так называемая мина направленного

действия. “Этой стороной к врагу”, - и всё в таком духе. Воспроизвести устройство такой мины за те секунд пятнадцать, что длились эти догонялки я, естественно, не мог. Но вот воспроизвести принцип её действия — мог вполне.

Три слоя Телекинеза передо мной работали одновременно как щиты, закрывавшие меня от взрыва, и как “стенки”, направляющие взрыв всей маны, что я успел собрать, вперёд, на щит Валентайна.

Однако простого Дыхания саламандры для этого было бы определённо недостаточно. Мягкая и податливая, оно хорошо детонировало только после долгой и тщательной подготовки чего-то наподобие телекинетической спирали. Для экстренного моментального “БАБАХА” это заклинание не подходило.

А потому за эту четверть минуты я успел ко всему прочему “вспомнить” новое заклинание и скомбинировать его с Дыханием. Это был большой риск, так как итоговая магия могла перескочить уровень третьего круга, да и без того последствия ожидалась самые неприятные. Как минимум — адская головная боль на ближайшие сутки, да и магические круги “спасибо” определённо не скажут. Но положение было критическое, а потому рассуждать и думать о последствиях было некогда.

И это определённо того стоило. Взрыв получился шикарным: ярким, жарким, разрушительным. Ледяной щит Валентайна, до сих пор казавшийся непробиваемым, лопнул будто простое стекло, а его самого, охваченного с ног до головы пламенем, отбросило прочь.

Меня тоже нехило так тряхнуло. Как и завещал Ньютон, несмотря на то что я постарался погасить ударную волну от взрыва телекинезом, всё равно отправился в полёт, едва не врезавшись спиной в пол коридора. Вот только праздновать победу я не собирался.

Наоборот, вскочив, я из последних сил, давя боль в сердце из-за перенапрягшихся кругов, снова бросился бежать. Потому что, как бы великолепа ни была созданная мной магия, для того чтобы одолеть мага шестого круга на стероидах этого было далеко недостаточно.

И будто в подтверждение моим словам сзади раздался разъярённый, полный боли вой, а потом я ощутил, как резко понижается температура окружающего воздуха.

Уже через полсекунды я начал выдыхать пар, через секунду по хребту пробежалась ледяная волна, а через две ноздри начали слипаться изнутри. Тело за эти секунды, конечно, не успело задеревенеть, но из-за продолжавшего усиливаться мороза мне стало банально больно дышать, заслезились глаза, а дикая дрожь сбивала всю координацию движений.

Используя Телекинез, чтобы в очередной раз чиркнуть зажигалкой, я окружил себя огненным коконом из магии, которой пока что даже не придумал названия. И таким образом на какое-то время справился с окоченением, но долго это не продлилось. Валентайн, уже успев оклематься после взрыва, продолжил преследование, ещё быстрее чем раньше. И чем ближе он был, тем сильнее был охватывавший меня холод.

Маны у меня осталось едва ли четверть от максимума и повторить “мину направленного действия” я бы точно не смог. Однако сдаваться я не собирался. Продолжая убежать, готовил свой последний козырь, рассчитывая в последнюю секунду перед тем, как Валентайн меня догонит. И уже был готов, как и предыдущий раз, воспользоваться эффектом неожиданности и, развернувшись, броситься навстречу и вновь ударить в лоб, как вдруг...

— ЧТО ТУТ ПРОИСХОДИТ?! — меня окутала невероятно плотная и густая, будто патока, мана.

На грохот боя наконец-то явился высший маг. Вот только почему именно ОН?!

Вольф Грумо, дедушка Карла. Единственный старейшина Башни Магии, достаточно сильно ненавидящий эльфов и достаточно мало ценящий собственную репутацию, чтобы всерьёз “сражаться” за то, чтобы меня вышвырнули на улицу.

К счастью, кое-какие рамки приличия и адекватности он всё-таки имел, раз за все пятнадцать лет так и не додумался до того, чтобы воспользоваться своим статусом и продавить это решение напрямую.

Однако из-за него моя жизнь стала намного, намного хуже. Именно он прикрывал весь тот скот, что надо мной издевался, закрепив среди студентов мысль о том, что со мной можно делать всё что угодно, кроме убийства. Всё равно за это ничего не будет, а то и наоборот, получишь поощрение от старейшины Грумо.

Если бы не он, мне было бы достаточно разбить всего парочку носов, чтобы отвадить от себя минимум восемьдесят процентов идиотов. Особо наглые, упёртые, тупые или пышущие ненавистью типа Карла, Арне и Дариана, конечно, никуда бы не делись, но я хотя бы дышать смог бы свободнее.

Так что к Грумо я не испытывал ничего кроме злобы и презрения. Ему, сука, было уже за восемьдесят! И тем не менее он продолжал наравне с неразумными подростками чмырить не способного дать сдачи паренька. Сказочный старейшина, как говорится.

И то, что именно он появился, встав между мной и Валентайном, в целом, конечно, было неплохо — я по крайней мере не умер. Но и хорошего в этом тоже явно ничего не было.

— Что вы тут устроили?! — насупился он, глядя то на меня, то на Валентайна поверх своего орлиного носа.

— Я убегаю от обезумевшего младшего герцога, — тяжело вздохнув, произнёс я, ощущая, как под давлением маны старейшины стремительно утекают оставшиеся силы. — А он догоняет.

К счастью, Валентайну хватило мозгов мне подыграть. В ответ на мои слова он не стал бросать ответные обвинения, а ощерился будто какой-нибудь лев или тигр, и утробно зарычал, дёрнувшись и попытавшись вырваться из сдерживающих его тисков маны восьмого круга.

Кстати теперь, когда я мог рассмотреть его вблизи и внимательно, стало понятно, что эффект моя мина оказала такой себе. От огня пострадала только одежда Валентайна, сожжённая на груди, а также брови и волосы. Возможно, пламя ещё и опалило ему лицо. Но волдырей от ожогов видно не было, а цвет кожи был настолько неестественным, каким-то серо-бурым, что определить, было ли покраснение, не представлялось возможным.

Любому адекватному человеку тут же стало бы понятно, кто в этой ситуации пострадавший. И, я готов был поставить собственный гримуар, что Грумо всё прекрасно понял. Высшими магами без достаточного ума не становятся.

Однако вместо того, чтобы спеленать Валентайна и срочно потащить его в медицинское крыло, а то и лично к Одуванчику, потому что подобных прецедентов я даже в воспоминаниях Бафомета найти не мог, Грумо вперил свой взгляд в меня.

— И что же ты на этот раз сделал?

Я скрипнул зубами. Была бы моя воля — придушил бы старого хрыча! Однако сейчас,

когда рядом не было ни Одуванчика, ни явно благоволившей мне фиолетововолосой старейшины Кимбол, ни даже Вейса, мне нужно было сохранять максимальное спокойствие. Нельзя было давать Грумо шансов зацепиться даже за одно моё слово.

— Меня пригласили на собрание Посохов, чтобы осудить нашу с Гленом ставку и в ходе разговора Валентайн взбесился, вырубил одного из Посохов, а после бросился убивать меня. Вот я и побежал.

— Пригласили? Тебя? — Грумо усмехнулся, будто я сказал что-то дико смешное. — Ну-ну. И, уверен, это далеко не вся история. Потому что, уверен, Валентайн, кстати, для тебя он — герцог Фериа, — не тот, кто будет просто так бросаться убивать кого бы то ни было. Наверняка ты спровоцировал его и довёл до такого состояния.

Ну, в каком-то смысле, возможно... но, ТВОЮ МАТЬ! СЕРЬЁЗНО?! Ты серьёзно будешь предъявлять мне какие-то претензии?!

Терпи, Алистер, терпи... немного времени осталось, прежде чем ты сможешь отомстить ублюдку.

— Посмотрите, в каком он состоянии, — я ткнул в Валентайна, всё ещё шикарно мне подыгрывавшего, пустив из края рта пузырящийся ручеек слюны и продолжая рычать на разные лады. — Это ведь определённо не норма. Определённо невозможно вывести человека из себя настолько, что он превратится в зверя!

— Со мной, значит, ты тоже не хочешь разговаривать нормально, — произнёс Грумо, сделав вид, что всё, что я говорил, влетело ему в одно ухо и вылетело из другого. — Впрочем, чего я ожидал от остроухого полотёра? За провокацию магического боя в стенах Башни Магии и неуважение я приговариваю тебя к месяцу в исправительной комнате. Скажи спасибо старейшине Олдреду. Если бы не его протекция, ты бы уже собирал свои манатки. Подобная тебе шваль лишь порочит репутацию Башни Магии.

Пока мы разговаривали, нас уже обступили собравшиеся на звуки сражения преподаватели и студенты, в том числе и некоторые Посохи. Однако, хотя они все до единого прекрасно понимали, что именно на Валентайне была главная ответственность за весь этот бардак, ни один из них даже не почесался. Ну, оно и не удивительно, с учётом их изначальной ко мне ненависти, и особенно после того, что я про них сказал и после того, как обещал прикончить. Тут как бы и рассчитывать было не на что.

И я уже собирался открыть рот и напоследок высказать Грумо в лицо всё, что я о нём думаю — всё равно в каменной коробке сидеть, как вдруг из толпы раздался знакомый голос.

— Старейшина Грумо, Алистер не виноват!

Раздвинув ряды студентов изящными плечиками, вперёд вышла Джулия.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Грумо, недовольно глядя на девушку, ломающую ему весь спектакль.

— Тем, кто первым начал провоцировать другого, был как раз Валентайн, Алистер лишь защищался. И, возможно, он и зашёл дальше необходимого, но Валентайн сделал намного худшее. Из-за него около десяти человек получили травмы и серьёзные обморожения тканей, а один из студентов... — она запнулась, — погиб.

Толстячка мне было жалко, честно.

Но сейчас было важнее другое. Это было правда очень неожиданно! Конечно, прямо чтобы спасти меня не требовалось. После того, как новости обо всём произошедшем добрались бы до ушей Одуванчика или Кимбол, меня бы выпустили и как минимум устроили

нормальное расследование. Выкинуть меня из Башни Магии никто бы не выкинул, как бы там Грумо не вонял.

Но, тем не менее, это определённо было, во-первых, смело, а во-вторых, очень неожиданно для одного из Посохов. Значит, вот так она собиралась завоевать моё доверие? Вступившись за меня перед самым старейшиной? Ну, хотя в своём убеждении о том, что она — меркантильная и циничная сучка, я не разуверился, эффект от её вмешательства и правда был. Причём как на меня, так и на старейшину.

— Джулия, что ты такое говоришь? — ещё больше насупился Грумо, становясь похожим на нахохлившегося грифа. — Кто умер?

— Бернар.

— Суасон?

— Да.

Судя по лицу Грумо, толстячок тоже был не последним в рядах дворянства.

— И его убил Валентайн?

— Да.

— Ты это сама видела?

— Я и все Посохи, что были на собрании.

— Это правда? — Грумо повысил голос, оглядывая ряды студентов.

И, неожиданно, из толпы выступил сначала один парень с брошкой на пиджаке, потом второй, потом третий... и все они подтвердили слова Джулии. При том, что до того, как она выступила вперёд, они стояли неподвижно как столбы, ребята явно были из той группы подкаблучников, куда деваха хотела затащить и меня.

Не дождётся, естественно. Но то, что после трёх-четырёх подтверждений многие из молчавших Посохов всё-таки тоже начали высказываться, определённо было очень хорошо. Правда, в этих высказываниях всплыли опущенные и мной, и Джулией подробности вроде моих угроз или предложения Валентайну встать передо мной на колени. И это уже было не очень хорошо.

Однако в любом случае у Грумо бы уже точно не получилось обвинить во всём меня, выставив Валентайна... не знаю, жертвой подмешанного мной ему в овсянку яда? Чёрт знает, что этот горбоносый придурок мог придумать, чтобы выставить меня вселенским злом.

— Хорошо, — наконец выдавил он, — обвинение в провокации снимается до дальнейших разбирательств. Так что месяц в исправительной комнате — это, пожалуй, и правда слишком много. Однако угрозы жизни студентов, пусть и в целях самообороны, а также неуважение к старейшине — это всё равно очень серьёзные проступки. А потому сокращаю срок всего на две недели.

Ну, естественно, чего ещё ожидать. У тебя, дорогуша, наверное, зудеть в одном месте будет нестерпимо, если ты мне не подгадишь, да? Ничего, мы с тобой ещё повоюем. Пока что же я, слушая слова Джулии и остальных Посохов уже слишком успокоился, чтобы как-то возмущаться. Даже улыбнуться получилось почти натурально.

— Как будет угодно старейшине, — вежливо поклонился я. — Провожать не надо, я доберусь сам. А вы, пожалуйста, отведите наконец герцога Фериа к специалисту. А то у него недержание мочи и, похоже, начинается эпилептический припадок.

В отличие от предыдущих нескольких раз, когда меня запирали в исправительной комнате, сейчас я мог потратить время с пользой. Усевшись на каменный пол в позе лотоса, я закрыл глаза и на полную мощность запустил Три цикла телесного перерождения.

Первичный эффект этой техники был очень заметен. За считанные дни моё тело стало более подтянутым, распрямилась спина, выросла выносливость, улучшилось общее самочувствие. Однако дальше также быстро дело, к сожалению, уже не будет продвигаться.

Здоровому и хорошо тренированному человека могли понадобиться месяцы, чтобы реально ощутить эффект от применения Трёх циклов. Другое дело, что, в отличие от разнообразных заклинаний телесного усиления эффект этой техники был, во-первых, постоянным, то есть никуда не исчезал со временем, а во-вторых, накопительным. Если бы я продолжил практиковать её даже с теми же тремя кругами, то уже через пару лет стал бы практически непобедим физически.

К сожалению, два года были слишком долгим сроком. Особенно с учётом того, что угроза, о которой говорил Агур в своём послании, похоже, уже просочилась в человеческий мир, более того, в столицу Вирсавской империи, более того, в саму Башню Магии.

Потому что то, что даже со знаниями и опытом Бафомета я был не способен даже примерно определить источник странных изменений Валентайна, было довольно показательным.

Да, я мог ошибаться. И да, за две с лишним тысячи лет заключения Бафомета могли появиться какие-то концептуально новые виды магии, могли быть открыты какие-нибудь особо редкие ядовитые травы, влияющие на ману и психику, или развиваться новые штаммы болезней типа бешенства. Это всё было возможно.

Но через два дня после того, как Агур оказался при смерти? Таких совпадений просто не бывает.

К тому же, как говорится, готовиться всегда нужно было к худшему. А потому стоило принять как факт: дрянь, одолевшая сильнейшего мага в мире, уже была здесь. Вряд ли в той же форме, иначе Грумо бы даже близко не хватило, чтобы подавить Валентайна. Но некая явившаяся из-за Края бяка определённо каким-то образом попала к Валентайну.

А значит, несмотря на возможные риски, мои планы требовалось значительно ускорить. И самым быстрым путём для этого были как раз Три цикла. А вернее комбинирование Трёх циклов с чем-нибудь настолько же мощным.

Я очень не хотел этого делать.

Результат комбинирования не всегда был предсказуем. Я успел это понять во время опытов с Телекинезом, когда два варианта магии объединились вовсе не так, как я предполагал, и я едва не запарол всю цепочку предполагаемых комбинаций. К счастью, вариантов этой магии я знал десятки и смог подобрать другие, нивелировавшие недостатки неудачной попытки.

Но магии, похожей на Три цикла, я не знал. И если что-то пойдёт не так, я не только профукаю один из слотов на бесполезное заклинание, но и потеряю невероятно ценную технику. Однако бой с Валентайном и тот факт, что я едва не умер в итоге, показали, что я больше не мог идти неторопливым и вдумчивым путём Бафомета. Нужно было рисковать.

Мне нужна была новая версия Трёх циклов. И не для того, чтобы нарастить мышцы, а

для того, чтобы максимально увеличить скорость накопления маны. Я был готов стать хоть последним задохликом на планете, если вокруг моего сердца будут вращаться десять кругов маны.

И сейчас, в каменном мешке, у меня было достаточно времени, чтобы без спешки подумать о том, что смогло бы подойти к столь специфичной технике.

Больше трёх часов я сидел, продолжая вращать по телу ману и параллельно перебирая в памяти десятки тысяч заклинаний, известных Злу извращённого разума. И, наконец, смог выбрать два, на мой взгляд достаточно удачных варианта.

Одно заклинание называлось Великой техникой дыхания маны. У того, кто его придумывал, со скромностью определёнno всё было в порядке. Ну, с учётом того, что Великая техника имела S-класс, и не удивительно.

Если её комбинирование с Тремя циклами пойдёт по задуманному мной маршруту, то результат будет ровно тем, что я и хотел — ускорение процесса поглощения маны из окружающего пространства при всех бонусах Трёх циклов.

И я бы выбрал именно Великую технику, не задумываясь, если бы не было второго варианта.

Второе заклинание не имело названия, относилось лишь к E-классу и для его использования требовался всего один круг маны. Бафомет получил его незадолго до поражения из памяти какого-то случайного мага, в тело которого вселился, чтобы скрыться от преследования Агура.

Ни в том маге, ни в созданной им магии не было ничего выдающегося. И в другой ситуации я бы даже не подумал о том, чтобы тратить на такую шваль один из тринадцати слотов своего гримуара. Однако у этого заклинания было совершенно особенное предназначение. В экстренной ситуации, когда у мага кончалась мана, благодаря этому заклинанию он мог быстро восполнить некоторый объём маны за счёт энергии собственного тела.

По идее это было дико опасно. Каждое применение этой магии сулило человеку долгие дни, а то и недели реабилитации, а, немного переборщив, можно было банально сдохнуть. Вот только я ведь не собирался использовать его напрямую. Я хотел объединить это заклинание с Тремя циклами...

Я вообще не представлял, почему вообще сомневаюсь, почему раздумываю над столь странным вариантом. Результат такого объединения мог оказаться как очень удачным, так и совершенно катастрофическим. И он уж точно не был бы лучше, чем объединение с первым заклинанием.

С другой стороны, никто ведь мне не мешал объединить Три цикла с обоими этими заклинаниями?

А с третьей стороны, у меня ведь в запасе ещё было три комбинации...

Целых три. Ну, что же, рискнём.

Применено неизвестное заклинание.

Поиск в Короне Мудрости...

Поиск невозможен.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Открыл было рот, чтобы произнести: “Великая техника дыхания маны”, - как это

закливание называлось изначально. Но потом подумал о том, что всё равно ведь я его сейчас же солью.

— Название: Заготовка один.

Применено неизвестное заклинание.

Поиск в Короне Мудрости...

Поиск невозможен.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

— Название: Заготовка два.

Комбинирование заклинаний доступно.

Осталось [3] комбинации.

С каким заклинанием желаете объединить заклинание [Три цикла телесного перерождения (SS-0)]?

Боги, что я творю?!..

В эту секунду я ощущал себя азартным игроком в казино, подошедшим к однорукому бандиту, скормившим аппарату последние деньги, и дёрнувшем рычаг в надежде сорвать джек-пот. И, надо сказать...

Это было дико приятное чувство.

Объединить с Заготовкой один, Заготовкой два... и Челюстями Алат.

* * *

Как я и думал, две недели в каменном мешке я не просидел. Меня выпустил уже вечером того же дня, и явился за мной лично старейшина Вейс. Одуванчик, похоже, действительно сделал его моей нянькой.

Так что спал я в своей постели, невероятно мягкой по сравнению с лежавшим на полу кладовки матрацем. И мне бы очень хотелось насладиться этой мягкостью подольше. Но с учётом того, что этот день оказался наполнен впечатлениями даже больше, чем предыдущий, хотя казалось бы, я снова отрубился, как только коснулся щекой подушки.

Но, как и вчера, поспать нормально мне не дали. Если так случится и в третий раз, то, пожалуй, не лишним будет попытаться найти в этом какую-то закономерность. Правда, естественно, на этот раз это были не Посохи.

Даже с учётом того, что на собрании Посохов я ничего особо предосудительного не сделал, с учётом всех моих “достижений” за последние три дня, вопросов ко мне у старейшин явно накопилось немало.

Так что меня вызывали на допрос.

— Пожалуйста, Алистер, проходи, садись.

На этот раз не было ни пяти разглядывающих меня старейшин, ни Зала Совета. Небольшая комната с одним столом, парой стульев и большим комодом у стены. Для полноты картины не хватало только большого зеркала на одной из стен, за которым по всем традициям полицейских фильмов должны были стоять Одуванчик и остальные.

Приведший меня Вейс, кивнув напоследок, закрыл за собой дверь и мы остались наедине со... следователем? Худощавый и сторбленный старик в строгом тёмном костюме, судя по энергетике, старейшиной точно не был. Шестой-седьмой круг. Однако, чтобы уметь допрашивать других, магия не всегда была нужна.

— Спасибо, — я опустил на стул напротив старика.

— Позволь представиться, меня зовут Лисан. Итак, ты понимаешь, зачем ты здесь?

— Из-за вчерашнего инцидента на собрании Посохов.

— Верно. Расскажи пожалуйста, как всё было. Начиная с момента как ты проснулся и до того, как ты оказался в исправительной комнате.

— Хорошо. Проснулся я от того, что мне в дверь долбили трое парней из Посохов...

Я говорил всё без утайки, в том числе и те вещи, что меня не особо красили. Во-первых, вчера они уже наверняка успели опросить многих Посохов и врать было бессмысленно, только создавать о себе дурное представление. А во-вторых, на сей раз врать мне не было смысла, ведь я действительно ничего плохого не сделал.

— ... ну а потом я поклонился старейшине Грумо и пошёл исполнять назначенное им наказание. До конца мне его исполнить не удалось, к моему огромному сожалению.

— У тебя со старейшиной Грумо напряжённые отношения?

Лисан выслушал всю историю, ни разу не перебив и не задав дополнительных вопросов. Я даже было подумал о том, что ему банально лень вести этот допрос. Но, похоже, он просто придерживался роли “хорошего копа”.

— Странный вопрос, — пожал я плечами, — как могут быть вообще хоть какие-то отношения у высшего мага, старейшины Башни Магии и парня, который четыре дня назад был обычным уборщиком?

— Я не знаю, могут или не могут. Просто по твоему рассказу было заметно, что ты испытываешь по отношению к старейшине Грумо неприязнь. Это так?

Продолжать играть в евреев, отвечая друг другу вопросами на вопросы, можно было долго. И если бы у меня была цель “выиграть” этот допрос, я бы продолжил. Однако сейчас я хотел добиться снятия с меня любых возможных обвинений и сформировать у старейшин, которым содержание этого допроса определённо будет предоставлено, как можно лучшее о себе мнение. А потому я просто кивнул.

— Да, так. Сложно относиться хорошо к человеку, из-за которого твоя жизнь постоянно становится хуже.

— Поэтому три дня назад в парке ты спровоцировал внука старейшины Грумо на драку?

— Моя неприязнь к старейшине Грумо напрямую никак не связана с моей неприязнью к Карлу. Просто они оба портили мне жизнь. И даже если предположить, что та наша драка случилась из-за моей провокации, вины Карла в этом куда больше. Ведь он мог просто НЕ реагировать на провокацию. Примерно так же, как я сейчас не реагирую на ваши

провокации.

Лисан усмехнулся.

— Ты очень хорошо держишься для того, кому через месяц исполняется лишь шестнадцать. Неужели тоже эффект благословения царя мудрости?

— Нет, это тут ни при чём, — покачал я головой. — Мне пришлось повзрослеть, в том числе и из-за таких людей как старейшина Грумо и Карл.

— И как Валентайн Фериа?

— Да, и из-за таких как он тоже. Как он, кстати?

— До сих пор не пришёл в сознание. А почему ты интересуешься, если Валентайн относится к людям, портящим тебе жизнь?

— Потому что я не идиот и могу связать случившееся с Валентайном и послание царя мудрости в каменном гримуаре.

Лисан приподнял бровь.

— Почему ты считаешь, что это связано?

— Потому что лучший студент академии, председатель собрания Посохов, маг шестого круга и младший герцог, находясь в здравом уме, вряд ли убил бы другого студента, преследовал меня с очевидной целью прикончить и потом обмочился на глазах у кучу народу. То, что дало ему столь огромную мощь, сравнимую с седьмым кругом маны и заставило слететь с катушек... очень похоже на то, о чём предупреждал царь мудрости, вам не кажется?

— Кстати об этом, — моего вопроса он будто не услышал. — Убитый Валентайном студент, Бернар Суасон, имел пятый круг маны и, тем не менее, не смог оказать ни малейшего сопротивления. Каким же образом ты, маг третьего круга, смог не только убежать от Валентайна так долго, но даже нанести ему урон своей огненной магией? И что это такое? — он запустил руку во внутренний карман своего костюма и положил на стол один из моих револьверов.

Ну, вот. Началось. Теперь нужно было постараться. Потому что передо мной разверзлась по-настоящему бездонная пропасть, а вместо моста над ней какой-то придурок положил лезвием вверх огромную бритву. Совершу хоть одну ошибку, дёрнусь, оступлюсь — и всё, прощай, вольготная жизнь, привет, исследовательская лаборатория.

— Ну, во-первых я использовал не только огненную магию.

— Ещё телекинез, который ты использовал также и во время сражения с Гленом Гессом, — кивнул Лисан, явно сделавший домашнее задание на “отлично”. — Его ты тоже получил от царя мудрости?

— Нет, узнал из Короны в обмен на Дыхание саламандры.

— Согласно отчётам наблюдавших за вашим сражением преподавателей и старейшины Вейса, по характеристикам то заклинание телекинеза, что использовал ты, не совпадает ни с одним из имеющихся в Короне.

— Я его модифицировал.

Лисан уже открыл было рот, видимо чтобы произнести заранее заготовленную фразу, но запнулся на вдохе. Потому что этот мой ответ явно был не тем, что он мог ожидать.

Технически, это было возможно. По сути, в большинстве своём именно так и появлялись новые заклинания. Маг брал какое-то из существующих заклинаний, изучал его энергетический контур, а затем путём долгих экспериментов, опытов, провалов и повторений либо создавал на его основе что-то новое, либо “перекодировал” контур, меняя

свойства имеющегося заклинания.

Так что в самой идее того, что я мог улучшить существующее заклинание, не было ничего странного. Вот только обычно процесс модификации заклинаний занимал недели, месяцы и годы.

Возможно, высший маг или архимаг и мог модифицировать какое-нибудь простенькое заклинание G-ранга за сутки. Но я высшим магом не был даже близко, а мой Телекинез имел ранг А.

Возможно, напрямую ранг чужого заклинания никто увидеть не мог, но для опытного наблюдателя это было несложно высчитать. Так что мои слова на первый взгляд звучали как бред. Вот только я уже был на сто процентов был готов доказывать обратное.

— Какое заклинание ты использовал в качестве основы? — наклонившись вперёд, чуть более нетерпеливо, чем требовалось для его амплуа, спросил Лисан.

— Урезанную версию Ровоама для третьего круга.

Названное мной заклинание и правда было одним из тех, что я использовал для создания своего Телекинеза, а также оно зарегистрировано в Короне, это я проверил ещё перед боем с Гленом.

— И что ты в нём изменил?

— Во-первых, укоротил вторую огибающую дугу на двадцать процентов, чтобы ускорить активацию. Во-вторых, заменил руны Наам во внутренних кругах с седьмого по шестнадцатый на более энергоёмкие аналоги. В-третьих...

Возможно, немало из того, что помнил Бафомет, устарело. В библиотечных учебниках я, когда выдавалась свободная минутка, иногда находил такие вещи, о которых Зло извращённого разума, похоже, даже не подозревал. И мои пояснения того, чем телекинез Ровоама отличался от моего Телекинеза, наверняка можно было сократить раза в три-четыре чисто за счёт правильной терминологии и знания некоторых дополнительных принципов.

Однако, как бы магия ни изменилась за две тысячи лет, её основа осталась той же. И мои пояснения, пусть и долгие, нельзя было никак опровергнуть, просто потому что это были чистые факты.

Когда через десять минут я закончил свой рассказ, во взгляде Лисана можно было прочесть шок, восхищение... а ещё недоумение.

— А дальше? — он недоумённо пожаткал губами. — Ты объяснил в лучшем случае половину модификаций.

— Этого вполне достаточно, чтобы вы убедились, что я действительно это сделал, — пожал я плечами. — А выдавать всю проделанную работу просто так я не собираюсь, тут уж прошу прощения.

— Да, уж, парень, удивил. Хорошо, допустим. Вернёмся к нашему разговору. С телекинезом ясно. Но что насчёт этой штуки? Что это?

Я посмотрел на револьвер. Создавая их, я не подозревал, что мне придётся пустить их в ход так рано. Намеревался, воспользовавшись привилегией Посоха, отправиться в путешествие где-нибудь на месяцок и, вернувшись, уже продемонстрировать новое оружие во всей красе. После такого временного промежутка это уже не выглядело бы настолько дико.

Однако сложилось как сложилось, и теперь мне нужно было объяснить, каким образом я смог придумать, разработать и создать концептуально новый вид вооружения. Это определённо было посложнее, чем модификация существующего заклинания.

К счастью, на сей раз у моей “разработки” не было срока годности.

— Эта идея мне уже давно пришла в голову, — пожал я плечами. — Обдумывал долго, в свободное от работы время, разумеется. Однако, понятное дело, раньше не было возможности воплотить нечто похожее в жизнь — а теперь, вот, появилась — решил протестировать.

— Тестирование прошло удачно, как я понимаю, — усмехнулся Лисан. — А что, скажи пожалуйста, тебе известно о Бафомете?

Я едва не вздрогнул. Своё дело старик знал отлично.

Бафомет был главной дырой в моей истории. И, к сожалению, закрыть её также просто, как я объяснил свой Телекинез, было невозможно.

Что произошло в подземелье на самом деле, никто кроме меня точно не знал. Однако медный кувшин, в котором был заточён Бафомет, опустел, с этим ничего нельзя было сделать. И, хотя я постарался сфабриковать последствия взрыва, якобы Зло извращённого разума выбрался из своей темницы сам, так сказать, волевым усилием, не факт, что это сработало.

При этом мой невероятный взлёт прекрасно объяснялся как благословением царя мудрости, так и вмешательством Бафомета. И убедительных контраргументов против того, что Бафомет НЕ находился в моей душе, у меня не было, банально потому что он действительно там находился, пусть всего лишь в виде воспоминаний.

— Запечатанный царём мудрости монстр, — пожал я плечами, стараясь не показать даже крупинки волнения.

— Это правда, — кивнул Лисан. — И это всё?

— А должно быть ещё что-то?

— Для тебя — не должно... — протянул дознаватель.

И я уже подумал, что он мне поверил и на этом всё закончилось, но в следующую секунду в воздухе перед ним тускло вспыхнула сложная фиолетовая печать и я ощутил, как проваливаюсь в сон.

— Что тебе на самом деле известно о Бафомете? — холодным, совершенно не похожим на то, как он общался со мной до сих пор, голосом произнёс Лисан.

— Бафомет — Зло извращённого разума, монстр, запечатанный царём мудрости, наводивший ужас на Вирсавскую империю и её жителей... — протянул я безэмоциональным сонным голосом, ровно таким, какой и должен быть у человека, на котором применили магию контроля сознания.

— Хорошо, — вздохнул Лисан, взмахнув рукой и отозвав своё заклинание.

Почувствовав, как чужая мана покинула мою душу, я вздрогнул и чуть осоловелым взглядом окинул помещение.

— Что... что сейчас произошло?

— Ничего такого, ты, наверное, ещё не до конца отошёл от сражения с Валентайном. Мы закончили. Можешь идти, Алистер. В том, что произошло на собрании Посохов, тебя не обвинят.

Вновь мягкие нотки в голосе, вновь лёгкая полуулыбка, совершенно искренняя на вид. Мастерская игра. К счастью, я со своей ролью справился не хуже.

— Спасибо, — кивнул я, вставая на чуть дрожащие ноги. — Ещё, я хотел спросить...

— Да?

— Я хотел воспользоваться привилегией членства в Посохах Бин, чтобы отправиться на

выполнение миссии за границы Вирсавии. Однако меня, судя по всему, принимать туда не собираются, несмотря на приглашение Глена, тем более после произошедшего. Могу я как-то получить это право без вступления в Посохи?

— Я спрошу старейшин, — кивнул Лисан.

— Спасибо.

— Не за что. Отдохни немного.

— Ага...

Только закрыв за собой дверь в допросную, я позволил себе облегчённо выдохнуть. Лисан и правда был очень хорош. Не использовал на мне промывку мозгов в самом начале, когда я был насторожён и бросался колкостями, а выждал момент, когда я расслаблюсь и проникнусь к нему каким-никаким доверием.

На подавляющем большинстве ментальный контроль сработал бы и так. Но, зная о моих достижениях, он решил подстраховаться. И хотя я успел среагировать и подготовиться к атаке на разум, от провала на этот раз меня спас лишь дух Бафомета, сплавившийся с моей душой, значительно укрепив её и сделав почти невосприимчивой к подобного рода магии.

Однако ментальные заклинания существовали и куда более жёсткие. Не заставляющие говорить правду, а напрямую атаковавшие разум и душу. Пожалуй, мне обязательно нужно будет самому “вспомнить” хотя бы одну ментальную магию, банально чтобы в случае чего иметь возможность контратаки.

Идея о том, какую именно магию выудить из бескрайних закров памяти Бафомета, возникла почти сразу. Вот только она относилась к четвёртому кругу и прямо сейчас использовать её я бы не смог. А это значило, что пришло время опробовать созданное мной в исправительной комнате заклинание.

И раз вопрос с путешествием-миссией пока что оказывался в подвешенном состоянии, я собирался отыскать подопытного для своих экспериментов поближе.

* * *

Во второй раз старейшина Вейс довольно спокойно выписал мне пропуск в город. То ли понял, что я смогу за себя постоять, то ли в прошлый раз дело было в том, что у старейшин ещё были определённые сомнения на мой счёт, которые допрос Лисана развеял.

При этом ирония ситуации была в том, что именно сейчас я собирался одновременно и подвергнуть себя немалому риску, и в каком-то смысле подтвердить эти самые опасения.

Вирсавия была огромным городом с невероятно долгой и невероятно захватывающей историей.

Основана она была лично Агуром и названа в честь его матери, и изначально представляла из себя просто небольшое селение, обслуживавшее построенную им первую Башню Магии. Спустя две с лишним тысячи лет Вирсавия стала крупнейшим городом в мире с более чем десятью миллионами населения, и по праву считалась центром человеческой цивилизации.

И Башню Магии, в гордом одиночестве взирающую на город с вершины Вирсавского холма, столица бы давным-давно поглотила, сделав всего лишь одним из своих районов. Однако Агур лично наказал, что в радиусе не менее двух километров от стен Башни не должно находиться ни одного строения, к Башне не относящегося. А также Вирсавия не

должна была “братъ Башню в кольцо”.

Таким образом царь мудрости хотел подчеркнуть важность Башни и её отстранённость от простого мира. С первым более-менее получилось. А вот со вторым — увы. Уже многие годы старейшины Башни в том числе занимали высокие политические посты и идея Агура о Башне Магии, как о храме знаний и мудрости, была забыта.

Почему Агур ничего с этим не делал? Хороший вопрос, на который ни у меня, ни у Бафомета, ни у кого бы то ни было кроме самого царя мудрости не было ответа. Впрочем, не думаю, чтобы это было прямо-таки плохо.

А вот что было действительно не слишком хорошо — так это то, что из-за установленного Агуром правила Вирсавии приходилось разрастаться по большей части в одном направлении. С высоты птичьего полёта город был похож на лавину, неторопливо сходящую с Вирсавского холма.

Все основные здания: императорский дворец, Зал Заседаний, городская ратуша, все главные храмы богов, а также особняки аристократов и, соответственно, самые богатые районы — всё это находилось повыше, поближе к Башне Магии.

Соответственно, чем дальше от вершины холма — тем беднее были районы, меньше проявлялось влияние властей и сильнее был криминал. Конечно, как столица человеческого мира, Вирсавия старалась держать марку. Устраивались облавы, проводились чистки, устанавливались разнообразные магические артефакты, призванные помочь простым жителям и облегчить работу стражи.

Однако невозможно было поддерживать идеальный порядок на всей территории города с десятью миллионами населения и площадью в несколько тысяч квадратных километров. А потому в “нижних” районах, вне зависимости от любых ограничений, творился самый настоящий беспредел.

Именно в такой район я и отправился, потратив на пересечение всей Вирсавии сначала на общественном транспорте, а потом пешком, больше трёх часов. При этом я постарался избавиться от любого возможного преследования и, когда наконец дотопал до таких улиц, на которых даже при свете дня было жутковато и мерзковато находиться, уже прямо-таки горел желанием встрять в какие-нибудь разборки.

К счастью, долго искать такой возможности не пришлось. Уже спустя минут тридцать бесцельного шатания между обшарпанными деревянными подобиями домов я услышал откуда-то сбоку отчаянный женский вопль. Принцесса в беде — что могло быть лучше для того, кто ищет себе неприятностей на жопу?

Довольно быстро найдя подворотню, из которой и раздавались крики, я увидел вполне ожидаемую картину. Троица каких-то оборотов скрутила девушку на вид чуть постарше меня. Несмотря на отчаянное сопротивление, её юбка уже была задрана на голову, а один из мужиков развязывал шнурки на штанах.

За годы работы уборщиком я повидал немало разной грязи и был к ней привычен. Но вот человеческую грязь я до сих пор на дух не переносил.

Не собираясь тратить время на пафосные возгласы в стиле: “Отпусти даму!” — я на Телекинезе подлетел к одному из державших девушку ублюдков и, прежде чем он вообще понял, что происходит, положил руку ему на спину.

Комбинирование завершено.

Ранг объединённого заклинания: SSS

Круг объединённого заклинания: 3

Такие строки проступили на страницах гримуара после долгих пяти минут ожидания завершения процесса объединения в каменном мешке. Всё-таки комбинирование заклинаний S- и SS-ранга даже для моего во многих смыслах поломанного гримуара, похоже, было затруднительно.

Однако результат этого объединения, который я назвал Техникой тела Аамат, был по-настоящему поразительным.

Техника тела Аамат потеряла полезнейшее свойство Трёх циклов и Великой техники дыхания маны. С её помощью было невозможно увеличить скорость поглощения энергии из окружающего пространства.

Более того, даже не активированная, она влияла на естественный процесс поглощения мной маны, значительно замедляя его. Теперь накапливать энергию старыми-добрыми медитациями было практически бессмысленно. Даже просто восстановление потраченной энергии у меня заняло бы не меньше суток. А на достижение четвёртого круга маны мне бы потребовалось года три-четыре.

И это определённо было очень дерьмово. Однако взамен она даровала мне куда более могущественную, а также жутковатую способность.

Насильник, которого я коснулся, начал было разгибаться, осознав чужое присутствие. Но уже через секунду он замер и затрясся мелкой дрожью, будто при приступе. Он стоял, наклонившись, так что я не видел особо, что с ним происходит. Но судя по выражению лица его напарника, державшего девушку с другой стороны, ничего приятного в этом не было.

И когда ещё через пару секунд моя первая жертва рухнула на землю, перевернувшись на спину, я смог лично в этом убедиться. Мужик посерел, стал буквально цвета старого пергамента, из его глаз, носа, ушей и рта вытекали ручейки крови, а на лице застыло выражение диких боли и ужаса. Это при том, что я использовал Технику тела Аамат даже не на половину мощи.

А затем с небольшим опозданием до меня добрался обратный эффект Техники.

Ощущение было таким, будто я за раз выпил не меньше литра крепкого кофе. Тело стало лёгким как пёрышко, хотелось бегать, прыгать, крутить колёса и стоять на голове, лишь бы

куда-то вышлеснуть всю эту энергию.

Осознание произошедшего было и правда жутковатым. Я ведь буквально выкачал из другого человека его жизненную силу и присвоил её себе.

При этом самое поразительное было в том, что эта энергия не была временным допингом. Я уже через пару секунд почувствовал, как поглощённая жизненная энергия начала циркулировать по организму, впитываясь в ткани и органы.

КПД от неё был, честно говоря, не ахти какой. От силы процентов десять. И это к добавок к тому, что я “отвампирил” ублюдка не до смерти, поглотив от силы треть его жизненных резервов.

Однако что было бы, если бы таких вот “осушенных” будет десять? Или сто? Или тысяча? А если это всё будут маги? Потому что ману Техника тела Амаг по идее тоже должна была поглощать, и едва ли не более охотно, чем жизненную силу.

С учётом всего этого я, фактически, стал энергетическим вампиром. Из-за единственного заклинания. М-да, всё-таки SSS-ранг был чем-то совершенно особенным и было даже интересно, что произойдёт, когда я достигну восьмого круга маны и смогу впервые использовать Лемегетон Агура.

— Ты... ты... ты что сделал?.. — тихо, даже как-то жалобно, выдавил из себя уже готовый пристроиться к девушке насильник, отваливаясь назад и падая на пятую точку. Ноги, похоже, отказались его держать.

Второй оказался менее трусливым. Ему сил хватило на то, чтобы подорваться и броситься бежать. Далеко он, впрочем, не удрал — Телекинез скрутил ему ноги и человеческая грязь рухнула прямо в грязь дорожную, пропахав носом полуметровую борозду.

Отвечать на тупые вопросы я, естественно, не собирался. В два шага оказался перед ублюдком с полуспущенными штанами и, несмотря на его попытки отползти, положил ладонь ему на голову. Через несколько секунд содрогающееся в конвульсиях тело рухнуло навзничь, а я направился к третьему насильнику.

— Пожалуйста! — захныкал он, уже успевший перевернуться на спину и сесть. — Ну, не надо!..

На самом деле я и так собирался оставить его во вменяемом состоянии. Полученной от пары оборванцев энергии было далеко недостаточно, чтобы как-то значительно увеличить мои силы, так что мне нужна была наводка на более крупный крысятник. Желательно такой, в котором будут маги.

Но, когда я уже хотел присесть перед отбросом общества и начать задавать вопросы, сзади послышался отчаянный возглас.

Резко обернувшись, ожидая появления новых противников, я замер, осознав истинную причину крика девушки. Пока я на неё не смотрел, она успела встать на четвереньки, непонятно откуда достать нож и, подползя ко второму осушенному мной насильнику, с истеричным: “ХА!” — всадить ему лезвие прямо в грудь.

Боевая деваха, ничего не скажешь. Сделала то, что я делать не стал бы.

Правда, не потому, что как-то негативно относился к самой идее убийства. За пятнадцать лет жизни практически в аду, когда все вокруг, кроме может быть пары человек, были настроены против меня, я множество раз задумывался о том, чтобы прикончить кого-нибудь из своих обидчиков.

Не в контексте брошенного в сердцах: “Ублюдок, тебе не жить!” — нет, совсем нет. Это были холодные, жуткие, кровожадные помыслы. И останавливал меня в большинстве случаев

не сам по себе общечеловеческий запрет на убийство, а то, что я бы не смог избежать наказания.

Поначалу мой разум, помнивший о земных нормах нравственности и морали, от таких мыслей оказывался едва ли не на краю разрушения. Однако человек — всё-таки существо с невероятной способностью к приспособлению. И после множества надрывов в этой плоскости я стал принимать идею убийства даже с лёгкостью.

Теперь я уже не видел ничего особо предосудительного в том, чтобы лишить другого человека жизни. Да и опыт Бафомета, не раз устраивавшего самый настоящий геноцид, не мог на меня не повлиять в той или иной мере.

Так что, например, тогда, в зале собраний Посохов, я не блефовал — я бы правда начал стрелять на поражение, если бы кто-то ко мне полез. Вопрос с допустимостью убийства был лишь в контексте ситуации.

И, определённо, троица ублюдков, попытавшаяся изнасиловать юную девушку, вполне заслуживала высшей меры наказания. Не хотел я их убивать потому, что банально брезговал. Мне на полном серьёзе казалось, что, если я прикончу их, пусть даже Телекинезом, от моих рук потом всю оставшуюся жизнь будет вонять грязью и гнилью.

А вот девушка, похоже, руки марасть не стеснялась. Потому что после первого насильника она поползла ко второму — и простой кухонный ножичек по рукоять вошёл уже в него, на этот раз в горло. Ну, с другой стороны оно и понятно: претензии к этим ребятам у неё явно были куда бóльшие, чем у меня.

За этим зрелищем я наблюдал без особых эмоций, скорее с любопытством. Троица в моих глазах даже людьми считаться могла с большой натяжкой, так что справедливое отмщение не вызывало ни отвращения, ни негодования.

Однако когда девушка, дождавшись, пока второй мужик испустит дух, будто какой-то терминатор начала ползти в сторону третьего, от которого мне всё ещё нужна была информация, мне уже пришлось вмешаться.

— Так-так, давай-ка остынем... — сделав пару шагов, я наклонился было, чтобы помочь девушке встать.

Но вместо какой-то положительной реакции едва не схлопотал тем же ножичком в икру. Благо у меня к таким вещам был стойкий иммунитет в виде всё того же Телекинеза, заморозившего оружие в сантиметра от моей штанины.

Принц из меня, похоже, такой себе получился.

— Остановись, — с некоторым раздражением проговорил я, выворачивая нож из судорожно сжатых девичьих пальцев и поднимая несостоявшуюся жертву изнасилования на ноги.

При этом, подняв её с земли, я больше не поддерживал её Телекинезом. Так что у неё явно было достаточно сил, чтобы стоять самостоятельно, и достаточно хладнокровия, чтобы не броситься тут же на меня или на третьего насильника.

И на этот раз, похоже, на меня всё-таки обратили внимание не в контексте мешающего мести столба. Деваха сфокусировала на мне взгляд и я на секунду удивился какой-то дикой, первобытной, плещущейся в нём ярости.

Она определённо была о-о-очень зла. И вообще ни разу не было похоже, что произошедшее стало для неё какой-то особенной душевной травмой. Что-то мне подсказывало, что даже без моего вмешательства, вне зависимости от исхода эта троица прожила бы не долго.

В голову пришла закономерная мысль.

Нож, лезвие которого было покрыто густым алым слоем, я взял в руку и поднял к её глазам. Она тут же попыталась выхватить своё оружие, несмотря на то, что хватать пришлось бы за лезвие и она сто процентов исполосовала бы себе пальцы. А когда у неё это не получилось, деваха натурально оскалилась на меня, как какая-нибудь дикая кошка.

— Отдай, это моё! — прошипела она, ещё больше подтверждая сходство с рысью или пумой.

— Отдам, не переживай, — улыбнулся я. — Нет привычки воровать. На пару вопросов только ответь.

Однако прежде чем я смог их задать, её взгляд упал на мои уши.

— Ты, что, эльф? — на её лице отразилась смесь удивления, отвращения и злости.

— Полуэльф, — тяжело вздохнул я. — Полуэльф, спасший тебе жизнь. Так что, будь добра, ответь сначала на МОИ вопросы, а потом задавай свои.

Несколько секунд она с недовольством буравила меня взглядом, но потом всё-таки кивнула.

— Хорошо, говори.

— Знаешь, где тут в окрестностях можно найти рассадник такой вот швали? — я показал на хныкающего насильника, с завидной настойчивостью продолжающего попытки избавиться от сковавшего его ноги нитей Телекинеза.

— Знаю, — кивнула она. — Там и похуже ублюдки есть.

— Отлично! Проведи меня туда — и получишь не только нож обратно, но и кое-какое вознаграждение.

— Их ты тоже... — она на секунду запнулась, видимо пытаясь подобрать слово для определения эффекта Техники тела Амат.

— Да. Возможно и что похуже.

— Тогда договорились, — произнесла это, она протянула руку за своим ножиком.

— Как тебя звать-то? — спросил я напоследок, вкладывая ей в ладонь рукоять.

— Линда, — буркнула она, выхватывая нож и направляясь к последнему насильнику.

Глянув ей вслед, я не смог не обратить внимание на пару округлостей, виднеющихся из-под задранной юбки. В порыве своей праведной ярости Линда, похоже, не слишком озаботилась поддержанием целомудренного облика.

На мой вкус, честно сказать, округлости, как и сама девушка, были слишком тощими. Хотя у меня самого можно было рёбра пересчитать, да и вообще я голую девичью попку не видел, считай, с прошлой жизни. А этому телу так-то было пятнадцать — самый расцвет гормональной бури. Так что тощая — не тощая, а не засмотреться я не смог чисто физически.

И Линда, похоже, это заметила.

— Тебе тоже в горло нож всадить? — нахмурилась она, одёргивая юбку.

— Не будь такой жадной, — улыбнулся я. — Должен же я получить хоть какое-то вознаграждение. К тому же, думаю, ты достаточно умна, чтобы понять, что это у тебя не получится.

— Ты кто такой вообще? — вытерев лезвие о полу рубахи уже мёртвого насильника, она встала и хитро завернула нож в складку платья на талии. — Полуэльф в Вирсавии, ещё и магией пользоваться умеешь...

— Я — рыцарь на белом коне, — отмахнулся я. — Пойдём, показывай, где тут у вас

самый гадюшник. У меня, к сожалению, не так много времени, чтобы на светские беседы его тратить.

— Я знаю о трёх таких местах, — пожалала Линда плечами. — Тебе есть какая-то разница?

— Веди в то, которое ты бы хотела увидеть разрушенным в первую очередь.

— Ладно, — протянула она, явно не до конца понимающая, что происходит.

Впрочем, оно и не удивительно. С её точки зрения я, должно быть, выглядел каким-то поехавшим. И это несмотря на то, что она только что прикончила троих человек и явно не видела в этом ничего особенного.

Выйдя из подворотни, мы быстрым шагом двинулись куда-то по лабиринту улиц. Ни о каких “главных дорогах” в этом районе не шло даже речи. Самая длинная улица была от силы метров тридцать, а в большинстве же местность была похожа на настоящий лабиринт. На самом деле мне очень повезло наткнуться на Линду так быстро.

Без неё я бы точно долго плутал по этим извилам очень долго. Когда настал бы вечер и мне пришлось бы возвращаться в Башню Магии, я, конечно, с помощью того же Телекинеза мог бы подняться до уровня крыш и банально улететь. Но найти какое-то конкретное место в этом человеичке было какой-то дикой задачей. Ориентироваться тут нормально могли только местные.

К счастью, Линда была как раз местной. И, более того, обладала достаточной мотивацией, чтобы мне помогать.

Вообще, девушка мне очень нравилась. И дело было не во внешности. Отсутствие нормальных питания, гигиены и средств по уходу за собой сказывалось. По сравнению с подавляющим большинством тех же студенток академии Линда была даже страшенькой. А с Джулией, выглядевшей как ожившая древнегреческая статуя, её и вовсе было невозможно ставить рядом.

Но мне крайне импонировал её характер. Она и правда походила на кошку, которая, как известно, всегда гуляет сама по себе и не терпит попыток приручить её и к чему-то принудить. Определённо, после того, как я закончу тут свои дела, просто разойтись с ней будет большой потерей.

Впрочем, об этом буду думать уже когда всё закончится. Потому что Линда, наконец, остановилась у перекрёстка, показав мне на противоположный конец улицы. Там, выделяясь на фоне окружающих халуп, стоял большой каменный дом. И, судя по ощущающимся даже за полтора десятка метров отчётливым следам наложенных на стены заклятий, это был далеко не простой притон.

— Вот, — я заметил едва дёрнувшиеся краешки её губ. — Это — база банды Чёрное Безумие. Самые главные мрази района. Каждый из них заслужил смерть по десять раз и я очень хочу, чтобы они все исчезли. Разрушь, если сможешь.

Похоже, то, что я не захотел отвечать на её вопросы, Линду неслабо так задело.

Сам не удержался от усмешки. У меня на Земле в детстве была кошка — так вот она ровно так же гадила, в переносном, а иногда и прямом смысле, если я её как-то обижал. Вот только если настоящую кошку я особо никак наказать не мог, то вот девушка, просто ведущая себя как усатая-полосатая — уже совсем другой вопрос.

— Похоже, ты не слишком-то веришь, что у меня получится, — проговорил я, резко шагнув к ней.

— Не слишком, — с каким-то вызовом в голосе ответила она.

— Знаешь, а ты ведь меня даже не поблагодарила за спасение.

— Я бы и сама справилась.

— Ну, да, конечно, — хмыкнул я, заметив, как дёрнулась её щека. Какой бы сильной ни была девушка, тем более молодая девушка, едва не случившееся насилие — вещь определённо не рядовая и очень травмирующая. — Давай так: если у меня получится, то ты меня по нормальному отблагодаришь.

— И что ты хочешь? — нахмурилась она.

— Если справлюсь с этим твоим Чёрным Безумием, — и кто только такие названия придумывает? — то твоя попка будет моей.

— А ты, похоже, всё-таки спрашиваешься, да? — вновь зашипела она, напрягаясь и уже протягивая руки к поясу и спрятанному ножу.

— Вообще, как мне кажется, это — небольшая плата за избавление района от терроризирующей его банды, — пожал я плечами. — Но, если что, я имел в виду не это. Просто будешь мне помогать время от времени. Я живу в Башне Магии, так что добираться сюда мне далеко, а тут у меня, возможно, ещё будут дела.

— И это всё? — настороженно переспросила она.

— Ну, это минимум. А там посмотрим, как пойдёт. В плане оплаты твоего труда я тебя не обижу, обещаю.

Такое предложение её, похоже, поставило в тупик. Потому что впервые я увидел на её лице такие эмоции как недоумение и сомнение.

— Молчание — знак согласия, так что буду считать, что это — “Да”, - улыбнулся я. — Подожди меня пока тут, я скоро вернусь.

Не собираясь давать ей возможность ответить, я прямым ходом направился к каменному дому, на ходу доставая из кармана зажигалку. Тяжёлую обитую металлом дверь выбил мощный взрыв и я, всё ещё не прекращая улыбаться, шагнул внутрь.

— ЗДРАВСТВУЙТЕ! ЕСТЬ КТО ДОМА?!

Когда-то, очень-очень давно, вероятно, это был придорожный трактир или гостевой дом на пути в тогда ещё куда меньшую Вирсавию. По крайней мере стены из крупных камней явно строились с задумом на долгие десятилетия и века, а внутренняя планировка вполне подходила под такой вариант.

На первом этаже, сразу за выбитыми мной дверями, располагалась обширная зала. Несколько мощных деревянных столов, что-то вроде барной стойки в углу, в другом углу — наваленные как попало мешки и какие-то ящики, а посередине — пустое место. Напротив входа виднелись две лестницы: одна вниз, в подвал, и одна, соответственно, вверх, в жилые помещения.

Пришёл в гости я, похоже, не вовремя. В большой зале было всего пять человек. Они сидели за одним из столов, пили и с большим азартом играли в карты. Когда дверь оказалась выбита взрывом, они тут же повскакивали с мест и похватались за оружие.

Двое были с мечами, ещё двое — с топорами, а перед последним в воздухе, как и передо мной, парил гримуар. Маг. Судя по энергетике — четвёртый круг.

— Пацан?

Один из мечников, видимо приготовившийся к встрече с бугаем типа себя, глянул на меня с недоумением и даже как-то расслабился, встав ровнее и опустив свой клинок.

Однако остальные оказались не такими тупыми и бдительность не снизили. То ли были достаточно опытными, чтобы серьёзно относиться к любому противнику, то ли всё-таки обратили внимание на мой гримуар.

— Он один, на улице никого. Схватите его, желательно живым, — холодно проговорил маг, самый старший и, видимо, главный в пятёрке. — И будьте осторожны, он всё-таки маг.

Трое просто кивнули и двинулись на меня, постепенно расходясь в стороны полукольцом. Тот мечник, что засомневался в моей компетентности, явно замешкался, не понимая, почему его напарники так сосредоточены и серьёзны. Но спрашивать ничего не стал. Тоже принял боевую стойку, оставшись позади, видимо для того, чтобы в случае чего прийти на помощь союзникам.

Стоило отдать главарю Чёрного Безумия должное. В своей банде он явно поддерживал максимально серьёзную и деловую обстановку. Сборищем головорезов, на что я изначально рассчитывал, услышав такое название, тут даже не пахло.

Пятёрка, включая даже самого неопытного бандюгу, была опытными и вымушгрованными воинами. И противостоять таким было, на самом деле, куда сложнее, чем неорганизованной толпе. К тому же от двоих из четверых воинов я отчётливо ощущал колебания маны.

Это были не заклинания. Банальное и максимально примитивное усиление тела энергией. Ни один уважающий себя маг ни за что не использовал бы такой топорный способ применения маны. Но это как минимум ставило этих двоих на ступеньку выше по сравнению с обычными бойцами. В бою воин, освоивший усиление энергией, стоил минимум троих.

М-да.

Я определённо наткнулся на серьёзных ребят. Но от осознания этого я лишь больше воодушевился. И дожидаться, когда они доберутся до меня и атакуют, не стал.

Чиркнув зажигалкой и вызвав завившийся вокруг меня огненный шлейф, я бросился в

атаку на ближайшего ко мне бандита.

Замах топора остановил и отвёл в сторону Телекинезом и тут же атаковал бойца в грудь пламенным рукавом, обратившимся мощным взрывом при соприкосновении с кожаной рубахой. Убивать их я тоже не собирался. По крайней мере до тех пор, пока не вытяну энергию Техникой тела Амаг. Но и давать поблажки, атакуя не всерьёз, было бы глупо.

И в следующую секунду стало понятно, насколько. На меня с флангов, отлично скоординировав движения, набросились второй топорник и мечник, атакуя в грудь и по ногам. И в ту же секунду я ощутил, как каменный пол под ногами вздыбился, готовый вонзить в меня что-то наподобие заострённых сталагмитов. Маг постарался, естественно.

Оттолкнувшись от пола, я взмыл в воздух, поддерживая траекторию движения Телекинезом. Все три атаки просвистели подо мной и, казалось бы, всё отлично. Однако через мгновение я едва не лишился половины ноги, когда со стороны лестницы в меня без какого-либо предупреждения прилетело водяное лезвие.

На шум выбитой двери, похоже, начали подтягиваться другие члены Чёрного Безумия.

Рассеяв водное заклинание взрывом, я бросил взгляд на нового противника. Маг, помоложе первого, и только на третьем круге, как и я, торопливо поднимался по ступенькам из подпола. В другой ситуации я на него бы даже внимания не обратил, но в хаосе боя даже первый круг мог сыграть решающую роль и попортить мне всю малину.

А между тем сверху, со второго этажа, сопровождаемые плохо различимыми недовольными возгласами, слышались ещё чьи-то торопливые шаги. Компания собиралась и, если я не хотел оказаться в полном окружении, действовать нужно было как можно быстрее.

Отправив вертикально вниз, в небольшое пространство между тремя воинами, огненную “гранату”, заключённую в оболочку из Телекинеза, я оттолкнулся от пустоты и рванул к лестницам. Нельзя было встречаться с толпой на открытом пространстве. Пока я не достигну восьмого круга и не смогу создать зону маны, численный перевес будет иметь серьёзное значение в любой битве.

Третий круг, атаковавший меня исподтишка водным лезвием, такого развития событий явно не ожидал. И в ответ на моё стремительное приближение успел скастовать только одно заклинание. Довольно простенькая кипящая сфера — пузырь из разогретой воды, который при соприкосновении с целью должен был взорваться облаком обжигающего пара.

В ответ я просто создал на пути сферы нечто вроде горки из Телекинеза, по которой вражеское заклинание соскользнуло в сторону и лопнуло уже за моей спиной. Да, это оказалось не слишком-то приятно, но также сыграло мне на руку.

Водяной пар на секунду скрыл меня от взглядов остальных бандитов. Благодаря этому я смог довольно просто избежать очередной атаки мага земли, банально чуть сдвинувшись в сторону и пропустив выросшие из пола и потолка каменные пики мимо.

А сам тем временем уже оказался перед магом воды и, остановив его неуклюжий замах Телекинезом, схватил бандита за горло.

При наличии у жертвы маны, Техника тела Амаг сначала поглощала её, а потом уже начинала пожирать резервы самого организма. И, в отличие от жизненной энергии, которой для усвоения нужна была секунда-другая, чужая мана хлынула в меня бурным потоком почти моментально.

Маг оказался довольно талантливым — уже начал формировать четвёртый круг. Для простого человека, не учившегося в академии Башни Магии, достичь такого результата к

третьему десятку было результатом заметно выше среднего.

Вот только теперь вся эта энергия стала была моей. Техника тела Амаг, больше не привязанная к хорошим или плохим поступкам цели, жадно поглощала чужую ману, вливая её в мои круги. Если бы я смог заполучить её всю — с лёгкостью сформировал бы минимум треть следующего круга.

К сожалению, осушить свою жертву полностью я не мог — не было времени. Сзади уже слышались стремительно приближающиеся шаги воинов, да и по лестнице над моей головой топало множество ног.

Так что пришлось оставить мага в покое и продолжить движение. Всё равно он, дезориентированный и, если так можно сказать, контуженный осушением кругов маны, ещё какое-то время будет недееспособен.

Варианта, куда отправиться, было два.

Первый — подвал. Плюс такого выбора был в том, что там скорее всего было мало народу, либо не было вовсе, и мне не придётся думать о том, чтобы сражаться на два фронта. Однако мне максимально не нравилась идея оказаться запертым в каменном мешке без возможности быстрого отступления.

Второй же вариант заключался в том, чтобы броситься вверх по лестнице, навстречу уже почти спустившимся бандитам. Главный минус — я окажусь зажат между теми членами Чёрного Безумия, что уже спустились, и теми, кто по каким-то причинам ещё находился на втором этаже. Однако с улицы я видел на втором этаже несколько окон, так что в случае чего смогу просто выскочить на улицу и дать дёру.

Благородным рыцарем я точно не был и не собирался подыхать ни ради договора с Линдой, ни ради эфемерной “воинской чести”. Так что раздумывать дольше я не стал.

Так как осушенный мной маг стоял на лестнице в подвал, мне пришлось обогнуть разделявшую два пролёта стенку. И, надо сказать, решение я принял очень вовремя. Потому что ещё бы секунда — и я столкнулся бы нос к носу с торопливо спускавшимися бандитами.

А так, заскочив на лестницу, я успел сориентироваться и не попасть под удар меча или топора. Применив уже опробованный во время боя с Гленом стиль, я, будто конькобежец-эквilibрист, по изящной траектории проскользил по потолку над головами не успевших осознать происходящее членов Чёрного Безумия.

Приземлившись за спиной последнего из них, я, не будь дурак, мощным пинком пустил его вниз по лестнице, так что он навалился на спины товарищей и стал первой костяшкой домино. Все семеро бежавших по лестнице бандитов, конечно, не упали. Но мне удалось повалить четверых, а остальные трое оказались не способны быстро возобновить преследование.

Так что топот ног по лестнице я услышал вновь уже когда почти добрался до второго этажа. Как я примерно и предполагал, он был организован в классическом формате отеля. Длинный коридор со множеством дверей в отдельные комнаты расходился от лестницы в обе стороны. С одного конца он заканчивался тупиком, а с другого загибался вправо, к следующим номерам.

И, опять же, как я и думал, бандиты, оставшиеся за моей спиной, были вовсе не единственными в этом здании. Вероятно они, как и игравшая в карты пятёрка, просто были вместе в тот момент, когда раздался взрыв — вот и спускаться начали одновременно.

На втором этаже оставалось ещё много народу. И некоторые уже успели повыскакивать из дверей в проход и теперь на меня с двух сторон смотрело в общем счёте шестеро человек.

Снова необходимо было выбрать и я, недолго думая, выбрал меньшее из зол — в более длинном ответвлении коридора стояло всего двое. Правда, они оба были магами, что было уже не так приятно.

Но, с другой стороны, сейчас маги для меня были как раз самыми лакомыми кусочками, из которых я мог получить так необходимую мне ману. А потому такой выбор был логичным ещё по одной причине.

Когда я рванулся к парочке, в которой один был на третьем, а другой — на четвёртом круге, они меня уже встречали. Заняв всё пространство коридора на меня покатились огненная волна, созданная ими обоими одновременно, а потому по мощи превышавшая даже то, что было доступно четвёртому кругу.

К счастью, они не учли особенностей архитектуры собственной базы. Чтобы избежать большей части урона, мне оказалось достаточно просто заскочить в одну из боковых дверей, заблокировав пространство за собой Телекинезом.

Даже так защита от мощи объединённой магии изрядно просадила мои резервы маны. Но это определённо было не критично, тем более что в ближайшие секунды я собирался эти резервы восполнить.

Правда, не стоило забывать, что мы с этой парочкой были не наедине.

Выскочив обратно в коридор, я едва увернулся от направленной в плечо каменной стрелы. Так что отправил за спину красочную огненную вспышку, практически безвредную, но при этом достаточно яркую, чтобы на секунду скрыть себя от взглядов бандитов.

А сам тем временем рванул к парочке магов, уже кастовавших новое заклинание. К огромному сожалению, мои револьверы были конфискованы на время расследования и я не стал дожидаться, когда мне их вернут.

Потом я обязательно стрясу со старейшин всё, что мне причитается за изобретение первого в этом мире огнестрела. И это определённо будет стоить намного больше, чем Дыхание саламандры. Однако сейчас столь великолепного оружия, способного изменить расстановку сил почти любого сражения, со мной не было.

А вот пули — были. Так как оставшиеся десять обойм были совершенно одинаковыми, взяли для изучения у меня только три штуки. И, отправляясь в Вирсавию, я захватил парочку, так, на всякий случай.

Сооружённый из Телекинеза ствол невидимого револьвера был куда ненадёжнее стального. Пока что моя магия не была на том уровне, чтобы иметь прочность настоящей стали. Но для того, чтобы детонировать огненную спираль и направить траекторию пули этого было вполне достаточно.

Скорость полёта снаряда стала раза в два меньше, а сам он довольно быстро потерял бы стабильность. Но на дистанции в три метра это было вообще не важно.

Два огненных бутона расцвели у правого плеча и левого бедра двух магов. Да, они успели выставить защиту, так что урон оказался куда меньше, чем мог бы. Но заклинания, что они готовили, сорвались, и парочка оказалась практически беззащитна передо мной, уже приготовившегося пеленать их Телекинезом.

И на этот раз отпускать доставшихся мне жертв я не собирался. Схватив обоих за шеи, я, не останавливаясь, бросился дальше по коридору, на ходу ощущая, как напитываются маной круги. И так как один из магов имел четвёртый круг, количество втекавшей в моё сердце энергии оказалось почти на грани моих возможностей.

К счастью, благодаря Великой технике дыхания маны, использованной при получении

Техники тела Амаг, теперь я мог куда спокойнее поглощать чужую энергию. Риск нестабильности был сведён практически к минимуму, а скорость усвоения по сравнению с обычными Челюстями Амаг выросла в разы. На фоне этого уменьшившаяся почти до нуля естественная способность к поглощению маны уже даже не казалась какой-то особой потерей.

Четвёртый круг, очухавшись после попадания пули в плечо, попытался было дать отпор, вновь начав кастовать какую-то магию. Но я просто надавил Телекинезом ему на рану — и мужик тут же скуксился, застонав от боли. Третий же круг, хоть и выглядел куда более стойким с учётом значительно бóльших повреждений бедра, противостоять мне был не способен технически.

А потому, продолжая поглощать их ману, я устремился дальше по коридору.

После правого поворота впереди показался ещё один, снова правый, коридор изгибался буквой П. И тут вновь меня встречали, хотя на этот раз всего двое бандитов. Похоже, в длинной части коридора было меньше жилых помещений, а может все местные жители уже остались у меня за спиной — чёрт знает.

Парочка, уже торопившаяся мне навстречу, не сговариваясь выхватила клинки и явно вознамерилась порубить меня вместе со своими товарищами. Однако я не собирался терять столь ценные источники маны, и тем более не собирался давать себя резать.

Так что в парочку мечников отправилось сразу по две пули, чтобы наверняка. И так как у них не было даже минимальной возможности защититься, даже с помощью той же энергии, угодившие в цель снаряды оказали по-настоящему разрушительное воздействие.

Взрывами бандитов откинуло к стенам и я спокойно пролетел мимо дрожащих в конвульсиях тел. Одному серьёзно разворотило грудь и живот и опалило лицо, до гибели ему оставались считанные минуты, если не секунды.

Второму повезло больше — нестабильно летящие пули угодили ему в левую руку и правое бедро, так что он бы скорее всего выжил. Вот только пользоваться конечностями уже вряд ли смог бы.

М-да. Впервые я видел реальные последствия попадания созданных мной пуль в обычного, не способного защититься от магии человека.

При этом из револьверов пули летели раза в два быстрее, а значит и их проникающая способность была куда выше. А это значит, что после выстрела из револьвера взрыв произошёл бы непосредственно внутри человеческого тела, разворотив его к чертям. Моя кустарная работа, сооружённая буквально за вечер на коленке, оказалась по-настоящему жутким оружием.

Однако задумываться об этом сейчас было некогда.

Потому что, когда я преодолевал второй поворот, дверь слева от меня взорвалась веером щепы, едва не превратившей меня в дикобраза. Лишь в последнюю секунду я успел выставить защиту. А вот моим живым контейнерам с маной пришлось хуже — их истыкало порядочно.

— Гадёныш, что ты устроил в моём жилище?! — пророкотал, выступая в коридор, высокий и мускулистый мужик с густой копной смоляно-чёрных волос и всклокоченной чёрной же бородой.

Я машинально оценил его силу. Пятый круг. Старший маг.

И на этот раз, в отличие от боя с Гленом, это будет не спарринг, а бой на смерть.

Отбросив почти полностью осушенного мага третьего круга, я взял в освободившуюся

руку зажигалку.
Сразимся.

В среде криминалитета огненная магия вполне заслуженно пользовалась наибольшей популярностью. И со времён Бафомета, из памяти которого я вычленил такие сведения, вряд ли что-то изменилось.

Максимальный разрушительный потенциал, большая опасность, а также зрелищность, что для вселения страха во врага тоже очень важно.

Однако глава Чёрного Безумия, а это скорее всего был именно он, решил пойти по другому пути. Повинуясь его воле, в меня, вырванный из стены мощным заклинанием, полетел здоровенный булыжник размером с мою голову. Это был не телекинез, как у меня, а магия камня, и внутри каменного дома сражаться с таким врагом было, мягко говоря, невыгодно. Тем более со старшим магом.

Я успел поставить на его пути защиту из Телекинеза, которая была должна отклонить траекторию полёта булыжника в сторону. Но скорость и вес каменюки были такими, что моё заклинание в какой-то момент не выдержало и лопнуло.

Моё плечо булыжник задел самым краешком, но этого было достаточно, чтобы сорвать к чёрту мне кожу вместе с куском мяса. Боль была просто дикой, такой, что на мгновение у меня помутнело в глазах и я едва не выронил зажигалку — единственный на данный момент источник пламени для моей магии.

Благо, остатки поглощённой жизненной энергии парочки насильников всё ещё курсировали по телу. И уже через пару секунд я почувствовал, как боль отступает. Всё-таки заклинание максимального ранга было чем-то невероятным.

К счастью, глава Чёрного Безумия не стал дальше творить никакой неожиданной чертовщины вроде обрушения на меня потолка. Вместо этого, увидев, что атака магической катапульты неплохо на мне сработала, он решил продолжить использовать ту же тактику. А это дало мне возможность сориентироваться.

От следующих четырёх булыжников я успешно увернулся, уже не просто меняя их траекторию, но и уворачиваясь в стороны по уже неплохо освоенным лентам Телекинеза.

Моему вынужденному пленнику, которого я продолжал держать, несмотря на максимальное неудобство, однако, повезло куда меньше. Из-за того, что я не контролировал всё его тело, а просто удерживал его на весу магией, его мотающиеся из стороны в сторону руки дважды попадали под удары камней.

И так как попадания на этот раз были прямыми, его левое плечо превратилось в месиво, забрызгав мне лицо кровью и ошмётками мышц и сухожилий, а правая рука от локтя и ниже и вовсе пропала. Представлять, что будет со мной, если такой камешек угодит в живот или грудь, максимально не хотелось.

Впрочем, беззащитным я, естественно, не был. И ответ главе Чёрного Безумия уже был готов.

Узкий коридор полностью утонул в ярко-жёлтом пламени. И, в отличие от старой версии Дыхания саламандры, новое заклинание, созданное во время бегства от Валентайна и названное Взрывным дыханием, имело куда больший разрушительный потенциал.

Пока я контролировал его с помощью огненного элементаля, это было вполне обычное магическое пламя. Именно в таком виде я использовал его против других членов банды. Но стоило отпустить контроль над заклинанием — и каждая частичка пламени взрывалась как

маленькая огненная граната.

Из семи слоёв телекинетического щита, что я выставил перед собой, чтобы самому не пострадать от взрыва, четыре лопнули в ту же секунду. Ещё один не выдержал и сломался с опозданием в несколько мгновений, видимо от остаточной ударной волны.

При этом, даже несмотря на барьеры, меня хорошенько так тряхнуло. В замкнутом пространстве, куда более тесном, чем коридоры Башни Магии, взрыв определённо был крайне эффективен.

И, что было по-настоящему чудесно, несмотря на то, что я истратил на него кучу маны, благодаря живому контейнеру с энергией в моей правой руке, мои запасы не только не уменьшились, но и наоборот, продолжили расти.

Вот только старший маг, тем более опытный маг, определённо куда опытнее Глена — это всё-таки был не просто титул.

Несмотря на то, что я подготавливал своё заклинание максимально незаметно, а взрыв произошёл буквально за долю секунды, я продолжал ощущать его ауру. И судя по всему, какими-то серьёзными повреждениями там и не пахло.

Пламя взрыва пропало довольно быстро, это был побочный эффект мгновенной детонации, и я встретился взглядами с главой Чёрного Безумия. Он смотрел на меня сквозь прореху в каменной стене, выросшей, очевидно благодаря его магии, прямо посреди коридора. И в его глазах теперь кроме недовольства и злобы отчётливо читалось напряжение. И не просто так.

Каменные стены базы были укреплены заклинаниями и должны были выдержать очень многое. Но три метра коридора между нами сейчас походило на бутылку колы, вздувшуюся от брошенного внутрь ментоса. Камень обуглился, пошёл глубокими трещинами, на полу лежал слой каменной крошки, а сами пол, стены и потолок выгнулись наружу.

Если бы не то самое защитное зачарование на здании — скорее всего этот кусок коридора и вовсе исчез бы. Перекрытия проломилась бы и образовалась бы натуральная дыра от первого этажа до чердака. Видя это, глава Чёрного Безумия наверняка не мог не понимать, что было бы с его телом, не поставь он защитный барьер.

Однако он его поставил, а это значило что мой противник ни капли не пострадал и при этом стал относиться ко мне с куда большей серьёзностью и настороженностью.

Крайне неприятно.

Как минимум потому, что теперь он уже не побрезгует полностью порушить собственную штаб-квартиру, лишь бы от меня избавиться. И я не собирался дожидаться, когда стены вокруг меня начнут сжиматься, а из пола вырастут загибающиеся руки, готовые схватить меня за ляшечки.

К счастью, перед встречей с главой Чёрного Безумия я успел проскочить дальше по коридору и теперь позади меня не было врагов. Так что, подхватив себя Телекинезом, я устремился в конец коридора, до которого оставалось метров пять.

Там, по левую руку, меня уже ждала хлипенькая на вид деревянная дверь, в которую я собирался заскочить, а после вылететь из здания через ближайшее окно.

Совсем ретироваться я, естественно, не собирался. Не для того нападали на это место, чтобы отступить при первом же признаке опасности. Тем более что мана старшего мага была для меня максимально лакомым кусочком.

Но вот перевести сражение с главой Чёрного Безумия на улицу, где его магия камня станет куда менее опасна, было бы полезно. В том, что он последует за мной, я не

сомневался ни секунды.

И верно. С рёвом: “СТОЯТЬ!” — он убрал каменную стену, его защищавшую, и бросился вдогонку.

При этом по стенам, полу и потолку коридора от него ко мне устремились четыре “волны”, оставлявшие между собой в середине коридора лишь узенький просвет для выхода воздуха. И если бы эти волны догнали меня раньше, чем я бы нырнул в дверь, я, вместе со своей ношей, оказался бы просто-напросто выдавлен сквозь этот просвет как фарш в аппарате по формированию сосисок.

К счастью, я оказался быстрее и успел, выбив дверь телекинезом, влететь внутрь помещения за секунду до того, как каменная фаршедавилка докатилась до дальней стены коридора. А вот моему живому контейнеру с маной вновь повезло меньше.

Так как я держал его в правой руке и заскакивал в левую дверь, он остался развиваться за моей спиной как флаг на ветру. И настал черёд уже его ног пострадать от магии его же босса.

С отвратительным хрустом, как будто кто-то не закрывая рта старательно пережёвывал дубовый сухарь, обе его ступни, попав в каменный пресс, превратились в тонкие блинчики с малиновым вареньем. И, что самое неприятное, они оказались зажаты в каменных тисках, так что я не смог бы двинуться дальше, не бросив своей ноши.

Вот только у мага четвёртого круга, уже окончательно потерявшего сознание от болевого шока и выкачиваемой маны, ещё было, чем поживиться. Я, вынужденный бóльшую часть внимания сосредоточить на сражении, значительно замедлил поглощение его энергии, и даже теперь у него осталась ещё добрая треть маны.

Так что бросать его сейчас было как выкинуть в мусорку недопитую бутылочку с вкуснейшим соком или каким-нибудь йогуртом. То есть настоящим кощунством.

А потому, долго не раздумывая, я перерубил его ноги посередине икр ножом из Телекинеза, после чего прижёл раны Взрывным дыханием, чтобы моя драгоценная бутылочка с вкусняшкой не умерла раньше времени от кровопотери.

От таких манипуляций к горлу подступил плохо сдерживаемый ком рвоты. Убить человека я был готов, мысленно уже свыкся с этой идеей. Но вот так копаться в окровавленной плоти, пусть и заклинанием, а после чують запах горелого мяса было всё-таки немного чересчур.

Впрочем, рвотный рефлекс был тут же подавлен. Как говорится: “Отставить сопли, кадет!”

Если бы такое смогло выбить меня из колеи, то лучше было вообще не начинать всю эту авантюру с нападением на банду в нижнем городе. Можно было просто остаться в Башне Магии, продолжая неторопливо накапливать ману и “вспоминать” заклинания...

А потом сдохнуть, когда неведомая чертовщина, сумевшая забороть Агура, доберётся до Вирсавии.

Тем более что меня по пятам преследовал разъярённый старший маг и для всей этой хрени было вообще не время и не место.

Пристальным взглядом я охватил помещение, в котором оказался.

Где-то десять на двадцать метров площади, с несколькими стеллажами, на которых были вразнобой расставлены крупные деревянные ящики. Больше на складе ровным счётом ничего не было. Кроме пары окон в противоположной от входа стене.

К ним-то я и рванул...

Вот только поздно.

Практически прямо перед моим носом на окно будто бы опустились каменные жалюзи, дополнительно ошестинившиеся каменными же шипами. Видимо, чтобы мне было не повадно пытаться пробить препятствующее бегству препятствие собственным телом.

— Куда это ты собрался?! — пророкотал глава Чёрного Безумия, с широкой улыбкой переступая порог склада.

— Воздухом подышать, — ответил я, бросив взгляд на второе окно, уже тоже начавшее зарастать камнем.

Проламывать стены было если не бесполезно, то максимально нерационально. Даже в узком коридоре мощнейший взрыв не разрушил укреплённый зачарованием камень, а ведь внешние стены здания должны были быть куда толще и прочнее. К тому же действовать на два фронта было тем более нереально. Оставался только один вариант: прикончить противника перед собой — и потом уже думать о вариантах.

Однако, в отличие от злодеев из книжек и фильмов, глава Чёрного Безумия не собирался давать мне время на подготовку плана.

Из пола под моими ногами выстрелили каменные пики, едва не превратившие меня в шашлык, потолок начал опускаться, лишая меня места для манёвра, а со стороны мага камня в меня вновь полетели каменные ядра.

Возможно, у главы банды был меньший арсенал заклинаний по сравнению с тем же Гленом. Но те, что у него были, он использовал с умом и максимально грамотно, из-за чего становился противником даже более неприятным.

Я устремился в сторону, уходя с траектории полёта бульжников, отправляя в главу Чёрного Безумия остаток пуль, а следом отправляя мощную огненную волну. Деревянные стеллажи и ящики тут же вспыхнули, однако не было похоже, чтобы это как-то его взволновало. То ли содержимое этих коробок было не так важно, то ли...

Подхватив один из ящиков Телекинезом, я запустил его в дальнюю стену и на пол вместе с поломанными досками посыпались металлически наручи. Полтора десятка стальных перчаток с лязгом разлетелись по сторонам и, окинув взглядом склад ещё раз, я на секунду ощутил настоящий шок.

Полсотни ящиков с доспехами и, вероятно, оружием? Эти ребята, что, к войне готовились? На кой чёрт им столько?!

Вероятно, именно из-за этого замешательства я и не заметил очередную каменную пику, выросшую из пола и пробившую мне насквозь правую ступню.

Потеряв равновесие, я рухнул вперёд, практически прямо на рассыпанные латные перчатки, лишь в последний момент успев замедлить падение и не расшибить нос. Я уже хотел обломать каменный шип, но тут второй такой же пронзил мне правое плечо, а третий — левое бедро. Четвёртый, раздвинув ворох стальных рукавиц, остановился в нескольких сантиметрах от моего глаза.

— Не рывайся, — угрожающе произнёс глава Чёрного Безумия, неторопливо приближаясь ко мне.

Походя он затушил горящие ящики, накрыв их каменными коробами и перекрыв доступ кислорода. И когда рядом с моей головой остановились кожаные сапоги, пожар уже прекратился.

— Кто ты такой? — спросил он, наступая на мою левую руку и выдавливая из пальцев зажигалку.

Я не отвечал. Стиснув зубы от боли в пронзённых ногах и плече, я сосредоточился на Технике тела Алат, на максимальной скорости выкачивая из своей ноши последние крупницы маны.

Определённо, двигаться с таким грузом было в разы сложнее, а оставшаяся в моём пленнике энергия уже не стоила того, чтобы ради неё стараться. Если бы я выбросил семьдесят килограммов лишнего веса — наверняка смог бы увернуться от каменной пики.

Однако я продолжал таскать этот груз за собой не просто так и не из чувства ностальгии. Мне нужна была его энергия, чтобы завершить формирование своего четвёртого круга маны.

Девяносто девять процентов... девяносто девять с половиной... девяносто девять и девять...

— Что?!..

Мощная волна энергии прошла по всему моему телу, я ощутил невероятный, ни с чем не сравнимый прилив сил, будто искупался в источнике с живой водой. А в следующую секунду то место, где только что должна была быть моя голова, пронзил ещё один шип.

Но было уже поздно. Длинный и гибкий стальной клинок, в которые превратилась пара латных перчаток, перерубил пришилившие меня к полу каменные кольца и я сдёргнул себя с места Телекинезом. Мой донор маны остался лежать, теперь таскать его за собой было теперь совершенно бессмысленно.

— Сука, СТОЙ! — взревел глава Чёрного Безумия, вновь обрушивая на меня совсем уж дикий шквал самых разнообразных атак.

Вот только четвёртый круг — не третий.

Я всё ещё был в процессе прорыва и применение заклинаний давалось с большими болями и трудом. Но при этом разница в силе между нами не выросла, она уменьшилась.

Используя Телекинез, я чиркнул колёсиком зажигалки, всё ещё лежавшей под ногами главы Чёрного Безумия, и огненный шар откинул его в сторону, прямо на рухнувшие стеллажи. Взрывное дыхание, имевшее свойства роста, после моего прорыва также перешло на четвёртый ранг. Разрушительная мощь и скорость детонации стали больше, и на этот раз защититься полностью он уже не смог.

И давать ему очухаться после взрыва я не собирался.

Подхватив с пола ещё одну перчатку, я превратил её в средней длины кинжал и, налетев на главу Чёрного Безумия, вонзил лезвие мужчине в бок и резко провернул. Точнее прицелиться было сложно, потому как в моих ногах застряли каменные пики и нормальная координация движения в таких условиях была невозможна.

Зарывав от боли, он замахнулся на меня кулаком, параллельно атакуя всё теми же каменными пиками. Но боль в повреждённых потрохах не давала нормально использовать ману. Так что на этот раз я позволил себе даже не уворачиваться, выставив на пути пик барьер из Телекинеза.

Следом я притянул к себе ещё одну перчатку и новый клинок вонзился главе Чёрного Безумия уже в плечо. Параллельно телекинетический пресс превратил в блинчики пару его пальцев. Его рёв, в котором уже почти не было ярости, одна только боль, эхом отдавался от стен склада.

Действовать надо было быстро, ведь на базе осталось ещё немало бойцов и магов, сейчас наверняка спешивших сюда.

А потому, когда третий кинжал пробил его второе плечо, а удар Телекинеза в пах

заставил проступить на его глазах слёзы, я положил ладонь ему на лоб и вытянул из памяти Бафомета новую магию.

Сон Морфея.

Глава Чёрного Безумия тут же обмяк, его мышцы расслабились, а взгляд потерял фокус. Я сделал шаг назад и тяжело вздохнул.

Теперь, пока я не отменю заклинание, либо пока его не разбудит какая-нибудь другая ментальная магия, он перестал представлять для меня опасность. Неторопливо я развернулся к дверям склада и, поддерживая себя в воздухе Телекинезом, двинулся навстречу торопливо приближающимся шагам.

Ещё через десять минут всё было кончено. Все бойцы на базе были либо мертвы, либо погружены в магический сон. А ещё через полчаса я, выкачав из нескольких жизненную энергию, смог более-менее исцелить раны от каменных пик.

После чего, пусть и прихрамывая, но уже на своих двоих, вернулся к главе банды. Он успел встать со сломанного стеллажа, но только затем, чтобы тут же лечь на пол и громко захрапеть. Побочный эффект Сна Морфея.

Пару раз хлопнув его по щекам, приведя его в чувства и усадив поровнее, чтобы было проще общаться, я уселся напротив.

Изначально моей целью было просто атаковать какую-нибудь группировку нижнего города и за счёт её членов пробиться на следующий круг маны, после чего просто вернуться в Башню Магии. Но увиденное мной здесь было слишком странным, чтобы просто уходить, не выяснив деталей. Слишком уж много было странностей за последние несколько дней.

— Ну, дорогуша, — произнёс я, глядя на мужчину, — расскажи мне, откуда у банды из нижнего города взялось оружие и доспехи на пару сотен человек?

Под эффектом Сна Морфея разум человека становился максимально расслабленным и податливым, лгать в таком состоянии просто не представлялось возможным. А потому истории главы Чёрного Безумия вполне можно было верить, по крайней мере он сам свято верил в сказанное.

А послушать действительно было что. И тот факт, что рассказ из-за побочных эффектов заклинания в виде медленной речи и долгих пауз растянулся раза в три, этого не отменил.

Вообще, мне изначально показалось немного странным, что в нижних районах, погрязших в бедности и разрухе, вдруг появился качественно выстроенный дом со стенами, укрепленными зачарованием. Современных цен на подобный архитектурный проект я не особо представлял. Но не сложно было догадаться, что это стоило просто кучу денег, которые очень сложно заработать на крышевании простых лавочников.

И из рассказа моего вынужденного информатора выходило, что они, действительно, не сами отгрохали такую домину. У Чёрного Безумия был спонсор. И когда я услышал, кем именно был этот спонсор, мне захотелось пробить себе рукой лицо.

Эльфы. Моих новых знакомых поддерживали остроухие.

Твою-то мать...

Вообще, благодаря тому, как часто мне припоминали отгремевшую шестнадцать лет назад войну с эльфами, я волей-неволей стал большим экспертом по этой теме. И на самом деле мог немало рассказать про события этих лет.

Вот только раньше я всегда старался избегать этого вопроса, даже в мыслях. Медвежья услуга, что мне оказали остроухие, передав половину своей крови, заставляла меня сжимать кулаки от ярости каждый раз, когда я думал об этой войне.

Но теперь, похоже, от этого было не отвертеться. Потому что эльфам, похоже, было мало. И, на самом деле, в этом не было полностью их вины.

Огромный континент, на котором произошло моё второе рождение, внешне походил на карточную трефовую масть или на клевер. Четыре части суши, разделённые четырьмя внутренними морями, с трёх сторон окружал великий Мировой океан. С четвёртой же стороны, вплотную к самому небольшому необитаемому “лепесточку”, называемому Пограничными землями, располагался Край — неизведанная и, по всем историям, жуткая земля, куда не так давно отправился Агур.

Человечество, во главе с Вирсавской империей, занимало противоположный от Края “лепесток”, называвшийся Иль в честь верховного бога этого мира. А потому для людей Край представлял довольно условную угрозу. Подавляющее их большинство ни разу не приближалось к границе Края меньше чем на несколько тысяч километров.

А вот эльфам повезло значительно меньше. Их “лепесток”, находящийся южнее Иля, был меньше и, что хуже, ближе к Краю. Фактически, юго-восточную часть эльфийского континента — Халлы, на некоторых картах даже окрашивали в мрачные тёмные цвета, так же как и Край.

При этом Край не был непонятным чем-то, куда боялись соваться просто “потому что”. Из-за Края то и дело накатывали волны довольно жутких существ, в общем и целом называвшихся Серыми. И это были не тупые орды чудовищ, а вполне себе организованные войска, сражения с которыми уже многие века терзали эльфийские страны.

Отбиваться эльфы умудрялись каждый раз лишь благодаря помощи богов. Боги, очевидно не любившие Край и всё что там находится, исправно благословлявших остроухих на победу.

Вот только не важно, имело ли место божественное благословение или нет, каждое нападение Серых забирало десятки и сотни тысяч эльфийских жизней. И не было ничего удивительного в том, что остроухие желали оказаться как можно дальше от этой угрозы.

Много раз на протяжении истории эльфы пытались договориться с обитателями Иля — людьми, либо же с жителями последнего, самого северного и самого большого “лепестка” — Вари, населённого где-то десятком разных рас от гномов до орков. Пустите, мол, нас к себе жить.

Несколько раз это даже срабатывало. Входящие в положение эльфов правители соглашались принять их на своих землях в обмен на разнообразные плюшки. Вот только каждый раз эта хорошая и гуманная инициатива оборачивалась проблемами.

С одной стороны, эльфы в сознании других рас и народов уже давно получили клеймо проклятых за свою близость к Краю. Люди на полном серьёзе считали что, если позволят остроухим остаться на своих землях подольше — то Край сдвинется и Серые начнут атаковать уже Иль. И лишь в последние пятьдесят — сто лет подобные идеи начали пропадать в глобальных масштабах.

А потому эльфы, даже если они сидели тише воды ниже травы, постоянно находились по гнётом общественного недовольства и гнева.

С другой же стороны, виноваты были сами эльфы. Как и в знакомых мне земных книгах, они действительно в среднем превосходили людей по большинству физических параметров, а главное жили куда дольше — в среднем лет по триста.

Однако на этом сходства заканчивались. Халла, несмотря на близость к Краю, была самым плодородным и жарким “лепестком”. Не в последнюю очередь именно благодаря этому эльфы, которым не нужно было особо заботиться вопросами добычи пищи или постройки каких-то защищающих от холода замков, в принципе смогли выжить, сосредоточившись на противостоянии Серым.

Но в итоге за многие века войн эльфы стали невероятно воинственной и довольно жестокой расой. Ни о каких благородстве, изяществе и возвышенном духе не шло даже речи. И проклятыми себя остроухие уж точно не считали. Наоборот, в их видении они были единственными, кто вообще защищает весь остальной мир от угрозы Края.

В итоге, даже когда они сами просились на чужие земли, довольно быстро многие остроухие начинали вести себя максимально высокомерно и нагло, что никак не соответствовало образу беженцев. А если учесть, что на одну мирную попытку договориться обычно приходилось два-три вооружённых конфликта с целью отхапать кусок чужих территорий, за эльфами прочно закрепилась репутация вторых после орков забияк.

Вот только орки с их максимально примитивной магией максимум что могли — это грабить вражеские деревни и, в редких случаях, штурмовать крупные замки. А эльфы, и к магии имевшие немалую предрасположенность, даже небольшим отрядом магов могли устроить в рядах противника настоящий хаос.

Так что ничего удивительного, что в конце концов правителям большинства стран Иля и Вари попросту надоело наступать на одни и те же грабли. В связи с чем последнее добровольное приглашение эльфов на свои территории случилось уже больше ста пятидесяти лет назад.

И война, начавшаяся девятнадцать лет назад, сама масштабная война в истории этого мира, только подтвердила, что такой выбор был правильным. Вот только осознание собственной правоты мало помогает, когда твои граждане сотнями тысяч гибнут в битвах с эльфами.

У остроухих, похоже, просто кончилось терпение и они решили напасть на людей всеми имевшимися у них силами, но заполучить свои вожаемые земли подальше от Края.

И в каком-то смысле их можно понять. Лучше уж положить голову на сражение за светлое будущее, чем сидеть на месте и ждать смерти от рук Серых.

Вот только то, что их действия были объяснимы, не делало их “правильными”. В конце концов, только в детских сказках злодеи творят зло просто ПОТОМУ ЧТО. Я ни на секунду не исключал, что даже у Серых, какими бы безэмоциональными чудовищами их ни пытались выставить, тоже были свои вполне логичные мотивы.

К счастью для человечества, оно всё-таки победило. Агур и на этот раз решил остаться в стороне. Но Башня Магии смогла доказать, что несмотря на долгие годы политических игр, дворцовых интриг и накапливания богатств, она не утратила титула главного наследия царя мудрости. В конце концов эльфам пришлось подписать мирное соглашение, выплатить человеческим странам огромные репарации и убраться восвояси.

Но вот, прошло всего шестнадцать лет, и остроухие, похоже, снова взялись за своё.

Перерыв, на самом деле, казался каким-то совсем уж крошечным, с учётом тех потерь, что понесли сами эльфы. Сейчас, вероятно, у них едва были силы, чтобы обороняться от Серых, не то что снова планировать какие-то другие войны.

Вот только если вспомнить о произошедших за последние несколько дней событиях, такая ненормальная спешка уже не казалась странной.

Что-то назревало, там, за границей Края. Что-то глобальное, чего не видел ещё ни один человек, эльф, гном, орк или русал в истории. Что-то, подтолкнувшее эльфов истратить последние ресурсы на вторую за двадцать лет попытку убраться от Края подальше. Что-то, проникшее настолько глубоко в человеческое общество, что даже младший герцог Валентайн Фериа оказался заражён неведомой дрянью, из-за которой до сих пор лежал в коме. Что-то настолько могущественное, что справиться с этим не смог даже Величайший из великих, царь мудрости Агур, сильнейший маг мира.

И мне это максимально не нравилось.

В моём сердце сейчас вращалось четыре круга маны, при том что меньше недели назад был всего один. Но это была не половина, не десятая и даже не сотая силы, которой было бы достаточно хотя бы для выживания. Что уж говорить о просьбе Агура защитить и спасти этот мир.

Мне нужна была сила, и нужна она была немедленно. Иначе, когда собирающаяся гроза всё-таки грянет, я окажусь убит на месте первой же молнией.

Вздыхнув, я поднялся с пола и, подойдя к главе Чёрного Безумия, положил руку ему на лоб. Я уже узнал всё, что мог об источниках оружия, хранилищах группировки, тайниках и связях. И теперь единственное, чем он мог быть мне полезен — это его мана и жизненная сила.

Изначально я собирался, осушить его и остальных бандитов где-то на две трети, отправить их ближайшее отделение стражи, чтобы они сдались с поличным.

Не столько из соображений гуманности, сколько ради конспирации. Я приказал бы им забыть о своём появлении с помощью Сна Морфея, подчистил бы улики вроде следов своей

крови и просто испарился бы. Единственным следом моего существования стал бы устроенный погром. Но из этого мало что можно было понять кроме типов используемой магии.

Однако теперь, узнав про эльфов и ещё раз убедившись в том, что время поджигает, я уже не мог вести себя настолько расточительно. Мне нужно было взять всё что только можно, без остатка.

К тому же, хотя в правительстве уже наверняка знали о поползновениях эльфов, мне не слишком-то хотелось лишний раз напоминать людям о том, почему они меня ненавидят. В конце концов, я собирался остаться в Вирсавии ещё надолго.

А потому ещё где-то через час база Чёрного Безумия погрузилась в полнейшую тишину. Оборвать собственными руками больше двадцати жизней оказалось неожиданно просто. Они уже не нападали на меня, просто лежали на полу в разных позах, сладко посапывая. Так что ни о каком боевом мандраже, адреналине и состоянии аффекта не могло идти и речи.

Но, во-первых, я прекрасно помнил их лица, когда они бросались на меня с очевидным намерением убить. Может быть глобальный геноцид в стиле Бафомета и был мне отвратителен, но я совершенно точно не собирался прощать такое потому, что они сейчас были беззащитны. Даже несмотря на то, что это я вроде как на них напал.

Во-вторых, судя по рассказу главы банды, хорошими делами они не занимались даже близко. Как и говорила Линда, тут было всё от рэкета и вымогательств до убийств и обращения в долговое рабство. Так что от этих двадцати смертей мир станет только чище.

А в-третьих, я сейчас не мог быть привередливым и разводить пространные рассуждения о морали. Я у себя был один. Я хотел выжить. Чтобы выжить, мне нужна была сила. Чтобы я получил силу, они должны были умереть. Вот и вся арифметика.

На первых двух-трёх меня ещё колбасило, раз даже не вырвало. Но потом я привык к бьющим умирающих судорогам и закатывающимся глазам. И последнего осушил уже походя, особо даже не глядя и занимаясь другими делами. М-да, всё-таки человеческая психика могла привыкнуть к чему угодно.

Выжатые досуха тела я сложил в дальнем углу подвала и настолько тщательно, насколько это позволяла огненная магия четвёртого круга, выжег остатки до состояния пепла.

Затем стащил на нижний этаж ящики из-под доспехов и разный найденный по дому хлам. Сами доспехи при этом, чтобы их не смогли опознать, превратил в огромную железную лужу, разлитую по полу подвала. Не забыл прикарманить около двадцати килограммов эльфийской стали и золото из сейфа главы банды.

А потом поджог импровизированный костёр на первом этаже, поднялся на второй и покинул дом через окно, выходящее на противоположную от улицы сторону. За моей спиной уже слышался треск разгорающихся досок. Следы моего пребывания здесь пожар скроет отлично.

В общем счёте с того момента, как я выбил дверь базы Чёрного Безумия, прошло около двух с половиной часов и небо над Вирсавией уже начало темнеть. Однако, когда я, сделав широкий крюк, ради интереса добрался до того места, где мы расстались с Линдой, к моему огромному удивлению оказалось, что девушка никуда не ушла.

Она, конечно, спряталась, забравшись в один из заброшенных домов по соседству, однако, похоже, внимательно наблюдала за происходящим. Потому что, после того как я

только появился на улице, прогулочным шагом выйдя из-за угла, она тут же выскочила из своего укрытия и бросилась ко мне.

— Это ты сделал?! — её шипящий шёпот, то ли злой, то ли удивлённый, в очередной раз подтвердил её сходство с кошкой.

Со стороны базы уже слышались чьи-то крики: “Пожар!” и “Несите воду!”, - и вообще явно намечалась глобальная движуха. Это при том, что, когда изнутри базы раздавались отчётливые взрывы и потом, когда не доносилось вообще ни звука, никаких даже намёком на других жителей района не было.

Впрочем, чему я удивляюсь? Вмешиваться в дела Чёрного Безумия было для обычного человека себе дороже и не важно, что там на базе происходит. А вот пожар, способный с лёгкостью перекинуться на деревянные постройки и в итоге спалить нахрен несколько кварталов — вопрос уже совсем другой.

— Если я скажу, мне придётся тебя убить, — натянуто улыбнулся я.

Несмотря на то, что благодаря Технике тела Амаг во мне сейчас бурлила энергия, я чувствовал огромную усталость, прежде всего психологическую. Допрос в Башне Магии, произошедший сегодня утром, казалось, случился месяц назад.

— В таком случае я отказываюсь тебе помогать! — Линда недовольно сложила ручки на груди.

— Ну да, ну да, — кивнул я. — Именно поэтому ты проторчала тут почти три часа. В общем сделаем так. Вот тебе деньги, — я снял с пояса меньший из трёх кошелёчков и протянул девушке. Та, немного подумав и посверлив меня глазами, всё-таки взяла его и спрятала в кармане платья. — Помойся, нормально поешь, одежду себе купи удобную. Не юбку, а что-нибудь попрacticalнее, в идеале — мужские штаны, если найдёшь. Ещё купи хорошую дорожную сумку и всё необходимое для путешествия где-то дней на десять-четырнадцать. Котелки там, продукты, палатку, огниво — в общем ты поняла. Встретимся послезавтра на этом же месте, часов в десять утра. Деньги, которые останутся, можешь оставить себе, это будет плата за твои услуги. А теперь я пойду, хочу принять ванну и лечь.

Из ступора она вышла уже когда я развернулся и сделал пару шагов прочь.

— погоди! — мне на плечо легла её ладошка. — Что всё это значит? Я не понимаю! Путешествие? Деньги? Чёрное Безумие? Ты кто вообще такой?

— Слишком много вопросов, — я поднял палец и приложил к её губкам. — А я устал. Скажу так: я хочу кое-что сделать и для этого мне нужна помощь доверенного человека. Ты, как мне кажется, вполне на эту роль подходишь. Как минимум не стала плевать мне в лицо или обзывать остроухим. Если я ошибся — оставь деньги себе и просто не приходи на встречу. Никаких обид. А если всё-таки интересны ответы на все эти вопросы — то жду тебя послезавтра, на этом же месте, в десять утра. Мы поняли друг друга?

Она так и осталась стоять с чуть приоткрытым ротиком.

— Приму молчание за согласие, — кивнул я, разворачиваясь. — Увидимся послезавтра. Нас ждёт незабываемое приключение!

В древнюю эпоху Бафомет был известен не только тем, что наравне с Агуром признавался одним из двух гениев поколения. Также, и этот титул, пожалуй, был даже важнее, он был первооткрывателем такой ветви магии, как алхимия.

Земные средневековые алхимики стремились к созданию философского камня, благодаря которому собирались обрести бессмертие и научиться превращать свинец в золото. Естественно, у них ничего не вышло, хотя бы потому, что в моём прошлом мире магии и сверхъестественного не существовало.

В этом же мире, где магия была частью повседневности, алхимия тоже стала куда приземлённее и разностороннее. Смысл её, если максимально обобщать, был в превращении чего-то одного во что-то иное. Свинец в золото в том числе, но помимо этого — вообще любые варианты трансформаций. Хоть камень в воду, хоть стекло в сталь, хоть плоть в дерево.

К сожалению, чтобы хотя бы попытаться практиковать алхимию, нужно было достигнуть восьмого круга маны и стать высшим магом. В противном случае даже на самое элементарное алхимическое превращение банально не хватит энергии. Так что для меня сегодняшнего алхимия, одна из козырных карт Бафомета, была вроде как закрыта.

“Вроде как”, потому что на свете существовал способ обойти это ограничение.

Перед тем, как его пленил Агур, Бафомет, уже побеждённый и ослабленный, был вынужден спасаться бегством. И так как он очень не любил ни с кем делиться результатами своих исследований, он спрятал по всему миру пять артефактов, во многом ставших фундаментом его могущества.

Двумя артефактами из пяти было оружие Бафомета — пара коротких посохов. Правая длань, Жезл Разложения, и левая длань, Жезл Воссоздания.

Комбинируя силы двух этих посохов, Бафомет мог в считанные секунды формировать сложнейшие алхимические заклинания почти без ограничений. Благодаря им алхимия, изначально бывшая “лабораторной магией”, становилась одним из страшнейших оружий в мире.

Для получения Жезл Разложения мне нужно было отправиться на Варию, в земли гномов, а также обладать силой как минимум шестого-седьмого круга. Так что на данный момент это было невозможно. А вот Жезл Воссоздания Бафомет спрятал совсем недалеко от Вирсавии, и для его получения не требовалось прикладывать особых усилий.

За ним, собственно, я и собирался отправиться.

За полтора дня, что я дал Линде на подготовку, я сам успел сделать немало.

Во-первых, вернул свои револьверы, для чего пришлось выслушать от старейшины Вейса небольшую лекцию по личной безопасности. Не знаю что случилось за эти несколько дней, но полненький старейшина, изначально выдававший в час по несколько слов, вдруг начал вести себя как курица-наседка, раз за разом напоминая о том, чтобы я был осторожен и не ввязывался в неприятности. Хотя, нельзя было не признать, такая забота была очень приятной.

Во-вторых, получил официальное подтверждение того, что все обвинения в связи с инцидентом на собрании Посохов и разрушении кругов маны парочки прихлебателей Карла с меня сняты. Совершенно не факт, что эти обвинения впоследствии не повесят на меня

снова, но пока что я, если так можно выразиться, стал свободным человеком, что не могло не радовать.

В-третьих, в Посохи меня-таки не пустили. Пока я уничтожал Чёрное Безумие было проведено голосование среди всех Посохов. И с перевесом семьдесят восемь голосов против семи, было принято решение о том, что приглашение Глена было “слишком поспешным, не взвешенным и не соответствующим правилам клуба Посохов Бин”.

Семь голосов “против” такого решения принадлежали, собственно, самому Глену, а также Джулии и пяти её приближённым. И если такой выбор Глена был мне совершенно понятен, то вот с девушкой всё было сложнее.

Честно говоря, я всё меньше понимал, что вообще у неё в голове творится. Было очевидно, в каком ключе настроены другие Посохи и не было сомнений, что меня не возьмут. Но при этом она всё равно проголосовала в мою пользу.

Максимально странно. При этом я встретился с ней ещё раз у дверей канцелярии Башни Магии и перекинулся парой слов. И лишь ещё больше убедился в том, что какой-то искренней заботой или сочувствием там даже не пахнет. А потому, вопреки её очевидным попыткам втереться ко мне в доверие, я начал подозревать какой-то подвох ещё больше.

Так или иначе, позиция Посоха от меня ускользнула. Однако я не особо печалился. Потому что, как я и ожидал, мне даже без членства в клубе позволили пользоваться главным преимуществом этого членства: свободным перемещением.

Правда, не навсегда, а до начала занятий следующего семестра, то есть ещё два с половиной месяца. Потом я должен был приступить к учёбе уже в качестве официального студента академии Башни Магии. И эта привилегия аннулировалась бы до тех пор, пока я не показал бы выдающихся результатов. Впрочем, двух с половиной месяцев мне было более чем достаточно.

Утром через полтора дня после пожара на базе Чёрного Безумия, когда я неторопливым шагом подошёл к назначенному месту, Линда уже была на месте. И мои указания она, похоже, восприняла максимально серьёзно.

Удобный даже на вид походный костюм с мужскими штанами, коротко, до плечей, стриженные волосы, уже не серо-бурого, а приятного пшеничного цвета, и объёмный походный рюкзак за плечами.

— Ты не надорвёшься такое нести? Привет.

— Я сильнее, чем выгляжу, — при виде меня она тут же нахмурилась. — А это кто?

— Знакомься, это Глен Гесс. Он — студент академии Башни Магии и мой хороший знакомый. Глен, это — Линда, моя наёмная работница.

— Приятно познакомиться, я Глен.

Молодой маг вежливо кивнул Линде.

— Лидна, — бросила она, явно разозлённая моей характеристикой, но довольно быстро поняла, что студент академии Башни Магии, тем более имеющий фамилию, не может быть простым человеком и сменила пластинку. — Вы... пойдёте с нами?

— Можно на “ты”, - улыбнулся Глен. — Да, я напросился в попугачики Алистеру, так что пойдём втроём.

— Алистер? Так вот, как тебя зовут, — с вызовом глянула на меня Линда.

— Ну, ты не спрашивала, — пожал я плечами. — Что, ты готова?

— Готова. И теперь ты просто обязан обо всём рассказать. Я бросила работу в пекарне, и если это была просто глупая шутка — то это совершенно не смешно.

— Не шутка, не переживай, — улыбнулся я. Внешне она по-прежнему была совершенно не в моём вкусе, но от чего-то при взгляде на неё краешки губ сами собой ползли вверх. — Остальное расскажу по дороге, а сейчас скажу, что мы отправляемся в экспедицию с целью заполучить одно из легендарных сокровищ древней эпохи.

Они оба уставились на меня как на сумасшедшего.

— Это ты тоже узнал из благословения царя мудрости? — с легко читаемым скепсисом в голосе поинтересовался Глен.

— Чего?! — Линда тут же забыла о моих словах. — Царь мудрости?! Тот самый царь мудрости? И ты получил его благословение?!

— Что тебя так сильно удивляет?

— Но ты же... ты же...

— Полуэльф? Простолюдин? Мелкий пацан?

— Наглый и несносный...

Она силилась подобрать слова, но, видимо, придумать что-то такое, чтобы отразить её эмоции и при этом меня не обидеть, у девушки не получилось. А потому в конце концов она, уже казалось, готовая лопнуть от того, как надолго она задержала дыхание, просто выдохнула и махнула рукой.

— Ладно, чёрт с тобой. После того, что тогда случилось, я готова поверить даже в благословение царя мудрости.

— А что случилось? — с интересом переспросил Глен.

— Да так, ничего особенного, — отмахнулся я. — Линда у нас просто слишком впечатлительная. Любую магию считает настоящим чудом. Давайте, отправляемся, нам за сегодня надо километров сто сорок преодолеть.

— Сколько?!

— Вот, видишь, я же говорил, что впечатлительная. Не переживай, моя дорогая, не пешком, не пешком.

* * *

Глен, и правда, увязался за мной сам, я его не звал. Когда он заглянул ко мне в комнату, чтобы обсудить мою “отмену” Посохами, я как раз собирал походный рюкзак. Он поинтересовался, куда я, собственно, намылился, и когда услышал, что в небольшую экспедицию в западный район, начал настойчиво предлагать свою помощь.

Раньше я бы отказал, даже не раздумывая. Нельзя было допустить, чтобы о Жезле Воссоздания узнал посторонний, даже если в лояльности этого постороннего не было особых сомнений.

Однако теперь у меня были четвёртый круг маны и Сон Морфея. В случае чего одолеть Глена, тем более если он не будет ожидать подвоха, будет несложно. А потом можно будет убрать из его памяти лишние воспоминания.

В принципе, таких сложностей можно было бы и вовсе избежать, если бы я твёрдо заявил, что пойду один. Проблема была в том, что для поиска хранилища посоха мне могла понадобиться помощь.

В Башне Магии я заявил двухнедельный отпуск, это был максимальный срок, на который меня могли опустить без сопровождающего. И по-хорошему нужно было вернуться

вовремя. Пока я ещё был слабым “ребёнком”, не стоило заставлять взрослых думать, что мне и моим словам нельзя доверять.

А поиск входа в хранилище мог затянуться очень надолго, если бы я отправился один. Собственно, отчасти именно поэтому я решил взять с собой Линду.

В итоге, пару раз отказав Глену и всё равно вновь услышав о его желании пойти со мной, я согласился. Парню видимо было неловко, что он не смог исполнить данное мне обещание, несмотря на мою победу в поединке, и таким образом он решил мне компенсировать.

Ну, на самом деле я и не был против компании. Всё-таки я не был таким же психопатом и социопатом как Бафомет, и мне очень не хватало нормального человеческого общения.

Да, я научился обходиться без этого. Более того, после пятнадцати лет непрекращающихся издевательств и конфликтов со всеми подряд мне было крайне сложно убедить себя, что с людьми можно разговаривать, не ожидая каждую секунду подвоха.

Но Глен явно не имел никаких подлых мотивов и искренне хотел искупить свою вину, несмотря на то, что по сути виноват он ни в чём не был. И я не хотел портить с ним отношения просто из-за каких-то своих тараканов.

Время от времени я ловил себя на том, что продолжаю непроизвольно поглядывать на него и на Линду, пытаюсь уловить фальшь в поведении или голосе. Вероятно, от этой привычки я избавлюсь ещё очень нескоро, если вообще смогу это в себе перебороть.

Но я по-честному старался относиться к ним обоим согласно золотому правилу нравственности: “Поступай с человеком так, как хочешь, чтобы он поступал с тобой”. Ведь, что бы там ни было, эти двое имели все шансы стать моими первыми в этой жизни друзьями и я не хотел собственными руками испортить эту возможность.

И мне действительно очень хотелось на это надеяться, что использовать Сон Морфея мне не придётся.

* * *

Покинув границу Вирсавии пешком и отойдя ещё на пару километров, оказавшись уже посреди окружавших город полей, мы наконец-то переключились на более быстрый режим движения.

Глен активировал свою магию ветра, а я — Телекинез, подхватив заодно ещё и Линду. Ощувив мою энергию и определив, что на третий круг я уже явно не похожу, Глен с удивлением поднял бровь. Однако сказать — ничего не сказал, видимо решив уже ничему не удивляться.

Улыбнувшись, я поднялся над землёй и устремился на запад. Скорость я поддерживал в районе тридцати километров в час — раз в пять-шесть больше, чем мог на постоянной основе выдавать идущий прогулочным шагом человек. Так что даже с довольно длительными остановками до вечера добраться до намеченного места ночёвки должно было быть несложно.

Даже после того, как я осушил всех на базе Чёрного Безумия мой пятый магический круг сложился лишь примерно на четверть. К сожалению так будет происходить каждый раз, когда я буду подходить к стенам между уровнями. Формирование пятого, восьмого и десятого кругов маны зависело не столько от энергии, сколько от времени и усилий. Уже

было поразительно, что Техника тела Амагт смогла так далеко меня продвинуть.

Однако, так или иначе, объёмы моей энергии значительно выросли и сейчас с Гленом у нас была разница максимум раза в два с половиной. А потому, несмотря на очень медленный процесс естественного поглощения маны из воздуха, поддерживать такую скорость, ещё и таща за собой пассажира, было несложно.

Минут через десять я и вовсе забыл думать о контроле Телекинеза. Просто нёсся вперёд над бескрайними лесами пшеницы, ржи, овса, проса и прочих сельскохозяйственных культур, погружённый в мысли о будущем.

Естественно, учиться в академии Башни Магии на полном серьёзе я не собирался. Возможно, полученные от Бафомета знания в каких-то аспектах и устарели, и в идеале было бы неплохо восполнить пробелы. Но это было бы актуально, если бы мне не нужно было никуда торопиться. А за последние несколько дней мне уже не единожды напомнили, что времени до начала катастрофы остаётся всё меньше и меньше.

Конечно, вряд ли стоило ожидать какого-то глобального пещера уже через месяц или два. Скорее всего у меня в запасе было ещё несколько лет.

Вот только любой адекватный человек поднял бы на смех даже идею о том, чтобы за эти несколько лет подняться с четвёртого круга хотя бы до девятого. Даже у самого царя мудрости, насколько я знал по воспоминаниям Бафомета, на это ушло больше десятилетия.

А у меня вдобавок к этому было ещё три пункта в “обязательном”.

Во-первых, заполучить как минимум три из пяти артефактов Бафомета: оба посоха, а также Солнце и Луну — его магический щит. Во-вторых, разграбить несколько сокровищниц самого Агура, где, насколько я знал, тоже лежало кое-что очень полезное. А в-третьих, если удастся, отыскать парочку древних заклинаний, в своё время не давших Бафомету по тем или иным причинам.

По сути, я должен был года за два-три исколесить все три континента, параллельно ударными темпами наращивая силу и обрастая средствами выживания как ёж — иголками. И от понимания этого становилось крайне не по себе.

Как минимум потому, что некоторые шаги плана были подвязаны друг на друга и, не добившись одного, выполнить другое будет совершенно нереально. А ещё потому что я отчётливо осознавал: по сравнению с тем, что меня ожидает, сражение на базе Чёрного Безумия покажется детской вознёй в песочнице.

Тем не менее, если я реально собирался противостоять хрени, одолевшей Агура, мне нужно было сделать всё это и скорее всего даже больше. А ещё обзавестись надёжными союзниками, потому что, в отличие от Бафомета, я прекрасно понимал: далеко не всего в этом мире можно добиться в одиночку.

И, как бы странно это ни звучало, парочку таких союзников я уже вроде как заполучил. Да, сложно было представить Глена и тем более Линду, сражающихся с пришедшими из-за Края ордами Серых. Но это только пока.

Это была ещё одна причина взять их с собой в этот поход. Я хотел проверить, можно ли им доверять, хотел понять, смогу ли в критической ситуации без опаски позволить им прикрывать мою спину. Для меня сейчас это было куда важнее, чем количество заклинаний в гримуаре или кругов маны в сердце.

А сила?

Ну, сила — это дело наживное. У меня в запасе было несколько вариантов того, как помочь им поскорее вырасти. К сожалению, для меня самого эти варианты были либо

неприемлемы, либо недоступны. Но это вовсе не значило, что они были плохи.

Так что всё упиралось в то, будут ли они достойны моих стараний. И уже совсем скоро я смогу это проверить.

* * *

Четыре дня пути, к счастью, прошли спокойно. Никто к нам не пытался прибадываться, никаких намёков на таинственное нечто из-за Края не было и во помине, да и между нами тремя всё было в порядке.

Совсем без конфликтов, конечно, не обошлось. Линда, в силу своего, фактически, отсутствующего образования, часто не понимала, о чём мы с Гленом разговариваем и из-за этого каждый раз злилась. Глен, в котором, похоже, до сих пор не угас дух соперничества, то и дело пытался спровоцировать меня на новый спарринг. А я своей не слишком приветливой манерой общения несколько раз умудрился сильно задеть их обоих, что тоже атмосферу в коллективе, очевидно, не улучшило.

Но в общем и целом всё складывалось более чем удачно. Ближе к полудню четвёртого дня мы, наконец, добрались до нужного места: ничем на первый взгляд непримечательного куска обычного лесного массива. Ни один адекватный человек не подумал бы искать тут тайник Зла извращённого разума. Ну, на то и был расчёт.

Мне это место отыскать помогли воспоминания Бафомета, а также заклинание Вегвизира, использованное впервые и пришедшееся как нельзя кстати. Однако даже с его помощью я мог сузить круг поисков лишь до примерно одного квадратного километра. Определить точнее не давала защищавшая тайник магия.

Так что, остановившись посреди, фактически, ничего, я сбросил со спины рюкзак и повернулся к Глену с Линдой.

— А теперь, ребята, самое интересное. В этом лесу мы с вами должны отыскать... дерево.

Бафомет не был бы Бафометом, если бы не относился ко всему с максимальными вниманием и сосредоточенностью. Ну, ко всему, что его интересовало.

И, разумеется, свои собственные тайники он постарался спрятать настолько хорошо, насколько это возможно. При этом, чтобы не возникла ситуация, при которой разгадавший секрет одного хранилища вор смог бы уже без труда вскрыть второе, каждый схрон Бафомета кардинально отличался от других.

Тайник, в котором был спрятан Жезл Воссоздания, был скрыт целой комбинацией разнообразных сложнейших заклинаний. Даже архимаг, стоя на моём месте, не смог бы ничего ощутить. Даже Агур, если бы не имел точной наводки на хранилище, не смог бы определить его местоположение. Да что там, даже я, получивший воспоминания самого Бафомета, находясь здесь, не имел точного понимания, где находится схрон.

Однако кое-что у меня всё-таки было: знание о принципе поиска тайника.

— Осматривайте каждое дерево максимально внимательно, ощупывайте, облизывайте, если хотите. Ищите любые странности: отличающийся цвет коры, слишком большой нарост на стволе, иная форма листьев — что угодно. Под самую крону, к счастью, можете не лезть, странность должна быть на высоте примерно от метра до двух, плюс-минус немножко. Если решите, что дерево самое обычное — нарисуйте на стволе красную метку, — краску и кисточки я заблаговременно прикупил в одном из городов по пути. — Если что-то покажется подозрительным — то рисуйте синюю. И лучше перебдеть, чем недобдеть, так что не бойтесь пользоваться синей краской.

— Ты вообще понимаешь, какую чушь несёшь? Пятьсот метров от этого места? Это сколько? Несколько тысяч деревьев?!

Даже после того, как Глен в красках рассказал ей о нашем с ним поединке и о том, как я успешно сбежал от Валентайна, Линда не стала общаться со мной хоть капельку уважительнее. При том что с Гленом она разговаривала совсем по-другому. Видимо, первое впечатление всё-таки действительно было самым важным.

— Наверное что-нибудь в этом духе, — кивнул я. — так или иначе, но нам придётся это сделать, если мы хотим отыскать тайник.

— Тайник древних времён, — передразнила она мой голос. — Ну, да, разумеется. Ты, между прочим, так и не объяснил, что это за артефакт, который ты хочешь найти. Продолжаешь отмалчиваться. Может быть хотя бы теперь скажешь? А то я ведь могу просто уйти!

— Вперёд — тебя никто не держит, — пожал я плечами, прекрасно зная, что она этого никогда не сделает. — А если закончила с недовольством, то банки краски в руки, кисточки в зубы — и вперёд, изучать деревья. У нас на всё максимум дней пять, так что рассусоливаться не стоит.

Глен, пожав плечами и так ничего и не сказав, просто взял два ведёрка и потопал в случайном направлении. На него моя вечная и максимально удобная отмазка о благословении царя мудрости работала куда лучше, чем на Линду и убеждать его по несколько раз в одном и том же не приходилось.

Девушка, немного подувшись для проформы, тоже пошагала в свою сторону, не забыв краску. Я, проводив их взглядом, тоже занялся делом.

К сожалению, я не мог объяснить им всех тонкостей. Одно перечисление вариантов нужных “странностей” затянулось бы минимум на час. Бафомет действительно подходил к делу с максимальной тщательностью.

Скрывающую тайник магию можно было разрушить лишь найдя один-единственный “замочек” и вставив в него правильный ключик.

При этом Бафомет прекрасно понимал, что после создания тайника, так как внешне он никак не выделялся на фоне окружающего ландшафта, могли и поле разбить, и город отстроить, и реку прокопать. И потому “замочек” не был зафиксирован в каком-то конкретном месте, а перемещался с места на место, к тому же таким образом, чтобы оставаться максимально незаметным.

Первым местом, где его стоило искать в лесу, были стволы деревьев, в реке он появился бы на гальке, в городе — на камне мостовой. И в зависимости от десятков параметров внешний вид этого замочка мог быть самым разным. Пятно, выступ, кусочек поверхности с иной текстурой — что угодно. Однако при этом у замочка были определённые отличительные черты, которые я и взялся искать.

Поиски обещали занять ОЧЕНЬ много времени, однако поделаться было ничего нельзя. Никаким иным образом найти, а тем более вскрыть тайник, было невозможно. А потому оставалось только, как идиотам, обнимать деревья.

Так прошло ещё два дня. Кусок леса где-то наполовину покрылся красными и синими отметинами. Где-то раз в час я обходил отмеченные Гленом и Линдой деревья и перепроверял их подозрения, однако пока что ничего дельного найти не удавалось.

Деревья походили на деревья, кора — на кору, а листья — на листья, и у меня уже в глазах начинало рябить от калейдоскопа коричнево-чёрных и зелёных оттенков. Сколько бы это заняло, если бы я маялся один — даже как-то думать не хотелось.

Однако, как говорится, дорогу осилит идущий и на утро третьего дня, буквально через пару часов после начала поисков, я услышал голос Линды:

— Ал, подойди-ка сюда!

За эти дни я всё-таки успел более-менее объяснить им, на что обращать внимание, и такая её реакция была многообещающей. Подбежав к тому дереву, у которого стояла девушка, я уставился туда, куда она показывала.

— Вот тут.

На старой, уже наполовину гнилой берёзе, рос большой гриб. А на нижней стороне этого гриба виднелась небольшая, размером примерно в монетку, светлая область в форме квадрата с будто бы размытыми границами. Приложив к пятну палец и ощутив более твёрдую и гладкую, чем остальной гриб, поверхность, я почти на сто процентов убедился, что это оно.

— Ну-ка ну-ка, — протянул я, протягивая ладонь и зажигая над ней символ пятиконечной звезды, вписанной в пару кругов.

Как и Печать Соломона, которую я использовал, чтобы активировать гримуар Агура, этот символ не был заклинанием, а просто особым образом скомпонованной энергией. И, как и в случае с Печатью Соломона, важность этого символа нельзя было недооценивать.

Сигил Бафомета — фирменный знак Зла извращённого разума, ключ к большинству его тайников. К счастью, в отличие от Печати, Сигил был известен очень немногим и Глен, уже тоже подошедший, чтобы узнать в чём дело, не узнал символ.

А между тем Сигил, уменьшившись до размеров той же монетки, подлетел над моей

ладонью и соприкоснулся с пятном. Шанс того, что это — просто совпадение и замка мы не нашли, был, пусть и небольшой. Так что я непроизвольно затаил дыхание, ожидая реакции защитного заклинания.

Однако всё сработало. Спустя несколько секунд после того, как Сигил исчез внутри гриба, весь участок леса, на котором мы находились, несильно трянуло и откуда-то сбоку я услышал тихий гул. И, поспешив на звук, я увидел, как сам по себе прокапывается в лесной почве, круто уходя под землю, длинный и узкий коридор. Вдоль стенок ещё через пару секунд начали зажигаться магические светильники, а в полу — продавливаться ступени.

— Ничего себе!.. — выдохнул Глен, вставший рядом со мной и глядящий на тоннель.

У Линды, похоже, не осталось никаких слов, девушка стояла с открытым от удивления ртом и глазами по пять копеек. Похоже, только теперь она по-настоящему поверила в то, что я говорил правду о сокровищнице с артефактом древних времён. Лишь спустя почти минуту, когда гул из глубины тоннеля почти стих, она всё-таки открыла рот и выдавила:

— А это я нашла...

— Ты-ты, — улыбнулся я. — Давайте за рюкзаками, нам надо спускаться.

— Мы... нам точно надо туда идти?

— Конечно. Не просто же так мы две дня играли в древолюбов. Давай, пошевеливайся, через час проход закроется и всё придётся начинать сначала.

Спустя двадцать минут, сходяв до разбитого неподалёку лагеря и вернувшись, я сделал шаг на первую ступеньку. За мной шла Линда, Глен остался последним, так сказать прикрывал тыл.

Спускались мы долго. Ступени я перестал считать на тысячной, что равнялось примерно двумстам метрам. К счастью, сейчас моё тело уже было несравнимо с тем, что было во время знакомства с Бафометом, иначе я бы быстро выдохся от таких нагрузок.

Но вот, наконец, впереди вместо очередного магического светильника показался выход. Шагнув на плоский пол, что после стольких ступенек уже показалось каким-то странным, я через пару метров вышел на обширное пространство, внешне напоминающее какой-нибудь тренировочный зал или небольшой ангар.

Довольно высокий потолок, отсутствие какой-либо мебели и только один проход помимо того, через который мы вошли — на противоположной стороне зала. Единственным объектом в помещении, кроме вмурованных в стены и потолок светильников, закрытых чуть мутными стёклами, была стоящая ровно посередине зала высокая статуя, изображающая коленапреклонённого воина, облокотившегося на меч.

Возможно, в другой ситуации я бы даже поразился мастерству исполнения. Вот только была одна большая проблема.

Я не помнил ни это помещение, ни эту статую.

По воспоминаниям Бафомета лестница должна была привести в длинный коридор, а он — к нескольким внутренним помещениям, в том числе небольшой жилой зоне, лаборатории и, собственно, хранилищу. Никакой залы и никакого воина.

Вариант того, что кто-то мог залезть в этот тайник до нас и перестроить тайник Бафомета, был просто абсурден. А значит ответ мог быть только один. Бафомет сам стёр из своей памяти эти воспоминания.

Зачем?

Я точно знал ответ на этот вопрос. Бафомет, помимо прочего, оказался диким перестраховщиком. Видимо, он сделал это на тот случай, если бы Агур сумел каким-то

образом залезть ему в разум и вызнать местоположение тайника. В таком случае это место должно было стать “сюрпризом” для царя мудрости, к которому невозможно подготовиться и заранее подобрать контрмеры.

— Стой!..

Договорить я не успел. Линда, засмотревшаяся по сторонам, налетела на меня, развернувшегося, чтобы предупредить их об опасности, и Глен уже тоже вошёл под своды залы.

В следующую секунду проход, через который мы вошли, с громким хлопком пропал, оставив после себя только ровную стену, а из-за моей спины послышался скрежет вытаскиваемого из камня клинка. Как в классических фильмах про безответственных исследователей и археологов, статуя ожила.

И сразу же я ощутил, как круги маны в моём сердце сдавливают некая невидимая сила. Вскинув голову и внимательнее присмотревшись к магическим светильникам, я нахмурился, недовольный собственным недосмотром.

Удивлённый несоответствием воспоминаний Бафомета и реальности, я не обратил на это внимание, но теперь заметил: свет где-то трети фонарей чуть-чуть отличался. Потому что это были не просто фонари, а артефакты подавления маны. В этом зале использовать заклинания смог бы только архимаг, и то с огромной натяжкой.

А между тем статуя уже встала в полный рост, оказавшись ни много ни мало метров пять, и приняла боевую стойку. Договориться с ней, очевидно, у нас бы не получилось.

— Уйдите в угол! — бросил я Глену с Линдой, сдёргивая с пояса один из револьверов.

Шанс на то, что мой огнестрел будет работать, был небольшой, но не проверить его было бы идиотизмом. И — о чудо! Когда я спустил курок, рукоять хорошенько стукнула по ладони, а через мгновение на груди каменного воина расцвел огненный цветок. Похоже, созданные Бафометом артефакты-подаватели были рассчитаны именно на подавление кругов вокруг сердца мага, а не заклинаний и маны в принципе.

Вот только успехом этот выстрел можно было назвать с большой натяжкой. Потому что, когда огонь взрыва опал, стало понятно, что статуя ни капли не пострадала. Она даже не отшатнулась. На броне у неё на груди я смог разглядеть лишь небольшую вмятинку.

Такими темпами мне понадобилось бы не меньше тысячи выстрелов, чтобы нанести ей серьёзный урон. А у меня, хоть я и наделал ещё несколько обойм, используя усиленное Взрывное дыхание и более продвинутую версию зачарования, было в запасе всего сто двадцать патронов.

Плохо. Очень плохо.

Но, по крайней мере, выстрел явно привлёк внимание каменного воина и он, вскинув свой клинок, бросился именно на меня, полностью игнорируя Глена и Линду.

Вот только как мне его валить? Телекинеза нет. Взрывного дыхания нет. Кузницы Огуна нет. Есть только пистолет со ста девятнадцатью патронами в запасе, и... моё тело.

Хмыкнув, я сбросил с плеч лямки рюкзака, откинув его подальше — и припустил бегом вдоль стены. Для начала нужно было отвести статую подальше от Глена с Линдой, переведя наше противостояние на другую половину зала. А потом можно будет и сразиться.

Десятый круг маны в буквальном смысле поднимал мага над обычными людьми и приближал его к божественному. Максимальный, десятый, опять же, ранг заклинаний — SSS, так же отчасти превосходил человеческие пределы и ломал человеческие нормы. Даже у самого Бафомета в арсенале было всего пять заклинаний SSS-ранга, что прекрасн

отражало их редкость и силу.

И моя Техника тела Амаг, как я успел убедиться за эти дни, была по-настоящему невероятной магией. Способность поглощать чужую ману без каких-либо ограничений уже была нечестной. Но едва ли не больше меня поразили последствия осушения двух с половиной десятков бойцов Чёрного Безумия.

В отличие от маны, жизненная энергия прижилась в моём теле не сразу и этот процесс даже близко не закончился. Усвоилась от силы треть. Но всё равно, моё тело не просто стало сильнее — я уже превзошёл лимиты человеческого организма. Сила, скорость, гибкость, выносливость, даже скорость регенерации ран. Я едва успевал привыкать к собственным возможностям.

Три техники телесного перерождения должны были вывести меня на сверхчеловеческий уровень года через два. Техника тела Амаг справилась за неделю. И я чувствовал, что скорость поглощения моим организмом жизненной энергии только ускорялась. Правда, со временем эффект от одного осушенного человека будет становиться всё меньше и меньше. Но всё равно, это было что-то нереальное.

И хотя я не думал, что возможность испытать мои новые силы появится так скоро, отказываться я не собирался. Вот только мне всё-таки нужна была магия, хотя бы немного.

Несмотря на то, что каждый шаг статуи был втрое шире моих, я всё ещё был быстрее. И смог, даже двигаясь по более широкой дуге, сильно опередить её и первым добраться до противоположной стороны зала, как можно дальше от Глена с Линдой. После чего, выпустив в статую ещё пару пуль, чтобы она не переключилась на них, я поднял дуло револьвера к потолку.

Огненная вспышка на секунду перекрыла свечение окружающих магических светильников. А когда пламя опало, я заметил на стекле, закрывавшем сияющий подавитель маны, небольшую трещину. Вдогонку за первым выстрелом полетел второй, за ним — третий.

И только тогда стекло, наконец, разбилось и свет подавителя потух. Я ощутил, как вздрогнули и попытались двинуться магические круги. Но подавителей осталось слишком много и попытка создать даже самое слабенькое заклинание провалилось.

Однако тенденция была хорошей. Из примерно полутора сотен светильников треть, то есть штук пятьдесят, были замаскированными подавителями. Допустим, по три пули на каждый, плюс оставить десятка три на уничтожение самой статуи — и того я смогу уничтожить около тридцати. После этого, хотелось надеяться, мои четыре круга всё-таки смогут провернуться раз-другой, а большего мне было не нужно.

Следующие пять минут, то и дело постреливая в статую, чтобы привлечь её внимание, я занимался именно этим. Нормальный, даже хорошо тренированный человек на такое точно не был бы способен. Банально потому, что статуя явно не знала усталости и довольно быстро бегала. Однако моё тело, несмотря на то, что под конец я уже тоже начал ощущать подступающую усталость, выдержало.

И когда во взрыве сломался двадцать седьмой подавитель я, наконец, смог ощутить вернувшуюся магию. Если бы я был высшим, или хотя бы старшим магом, это произошло бы куда раньше и я бы сэкономил штук пятнадцать-двадцать патронов. Но имеем, как говорится, что имеем.

Тем более что всё равно сила доступных заклинаний даже с десятком подавителей не превышала бы первый круг. Навредить статуе с таким арсеналом было нереально, я даже

поднять себя над землёй Телекинезом сейчас был не способен. Однако это не значило, что мой арсенал не вырос. Наоборот, теперь я точно знал, как свалить эту статую.

Ну, что, каменюка? Ты долго меня ждал. Пришла пора тебя валить.

В очередной раз ускользнув из-под ног каменного истукана, я бросился в один из углов зала. Здесь было удобнее всего держать оборону: из-за своих размеров нормально атаковать человека, прижавшегося к стенкам, для статуи было проблематично, даже с мечом.

Однако отсиживаться я не собирался, в этом не было никакого смысла. Вряд ли это было какое-то испытание от Бафомета, статуя действительно не успокоилась бы, пока не убила нас троих. А потому мне нужно было как-то уничтожить её первым.

И угол мне был нужен не для того, чтобы спрятаться, а для того, чтобы забраться повыше.

Ещё совсем недавно без использования магии такой манёвр показался бы мне невозможным. Но вот я, с силой отталкиваясь от шершавых стен зала, сначала от одной, потом от другой, в три прыжка поднялся на высоту метров семи. После чего, с силой оттолкнувшись от камня и поддержав себя Телекинезом настолько, насколько это было возможно, взмыл в воздух над головой подоспевшей статуи.

Меч рассёк пустоту в полуметре от моего живота, однако достать меня, несмотря на рост, каменный воин всё-таки не смог. А я, впервые увидев его шею сверху, отправил за шиворот статуи сразу четыре выстрела из двух пистолетов.

Проследить, что именно произошло с каменным исполином, уже не представлялось возможным. Пол стремительно приближался, и я был вынужден переключить внимание на это. Падение с высоты третьего-четвёртого этажа, тем более при неплохой набранной скорости даже для меня теперешнего было чревато переломами. А бандитов, из которых можно было вытянуть жизненную энергию для исцеления, поблизости не предвиделось.

К сожалению, несмотря на возросшие силу и ловкость, навыки контроля своего организма у меня хромали. Так что, хотя я и смог, приземлившись, тут же уйти в перекат, гася импульс столкновения, этого оказалось недостаточно, чтобы полностью избежать последствий.

Я довольно сильно стукнулся пятками, а потом ещё и плечами и спиной. Боль на секунду выбила из меня дух, а встать ровно после переката и вовсе не получилось, будто у меня вырос горб. К счастью, я всё-таки ничего себе не сломал, а первая самая резкая боль от ушиба должна была пройти довольно быстро, так что на мою боеспособность это никак не влияло.

Однако то, что я всё ещё был в строю, не значило, что ситуация была радужной. Статуя уже неслась на меня, и хотя её каменное, во всех смыслах, лицо не выражало никаких эмоций, почему-то мне показалось, что последняя моя атака изрядно взбесила защитника тайника Бафомета.

И не удивительно. Хотя особо серьёзных повреждений мои выстрелы снова не нанесли, я, пока разворачивался, чтобы броситься бежать, успел увидеть на шее статуи тоненькую трещинку, идущую от затылка. Похоже, выстрелы практически в упор, к тому же в такое узкое место, были действительно намного эффективнее попаданий просто в грудь.

Путь к уничтожению каменюки начал вырисовываться. Вот только проблема была в том, что у меня снова почти не осталось патронов. После уничтожения двадцати семи подавителей и выстрелов по статуе, у меня осталось всего три обоймы по пять пуль в каждой. Пользоваться той же тактикой, чтобы раз за разом бить в ворот каменного воина

было слишком рискованно, мне могло не хватить выстрелов.

Нужно было по максимуму увеличить КПД каждого патрона. И по этому поводу у меня уже была идея.

— Глен! Ты должен вывести его из равновесия на несколько секунд! Подай сигнал как будешь готов!

— Принял! — раздался из-за спины голос парня.

Мысленно кивнув, я продолжил свои салочки с огромным каменным истуканом. И вот теперь, после сложного эквилибристического трюка и ушиба спины, я наконец почувствовал, каково это — ощущать пожирающее лёгкие пламя.

Чуть прихрамывая из-за ушибленных ног, я бежал, стараясь лишний раз не оборачиваться, чтобы не сбивать дыхание ещё больше.

Ещё хуже было то, что оборачиваться всё-таки было нужно. Потому что, хоть статуя и оставалась пока что медленнее меня в целом, на прямых дистанциях ни о каком превосходстве уже не шло и речи. Так что мне приходилось постоянно петлять как зайцу, уворачиваясь от взмахов гигантского меча и норовящих раздавить меня каменных стоп.

Пот тёк по спине ручьём, нос втягивал воздух со свистом, я ощущал дикую боль в груди, ногах, спине... несмотря на то, что я до сих пор не получил ни одного удара, этот бой был едва ли не сложнее, чем схватка с Чёрным Безумием. Чисто из-за того, что мой противник не знал усталости и эмоций, просто продолжая переть вперёд с единственной целью: прикончить противника.

И ведь мне нужно было не только убегать. Держа один пистолет над другим, я вкладывал всю доступную энергию в заклинание Кузницы Огуна. Я должен был успеть подготовиться, прежде чем Глен даст отмашку. И вот, по истечению где-то трёх минут, показавшихся мне часом, сигнал был подан.

— Готов! Веди сюда!

Отлично, как раз вовремя. Я тоже закончил.

Повернувшись к парню, я увидел уже знакомое мне заклинание штормового доспеха. На этот раз оно было куда менее впечатляющим из-за подавителей. Но для того, что было необходимо сделать, этого, я надеялся, должно было хватить.

Развернувшись, я устремился к Глену, на всякий случай пустив в статую ещё пару пуль, чтобы она наверняка погналась именно на мной и не переключилась на него. А затем, подбежав почти вплотную к парню, я повернул на девяносто градусов и рванул в сторону, заставляя каменного воина также развернуться и подставить Глену бок.

Из-за спины мощно дохнуло магией и я услышал столь желанный грохот камня о камень: статуя, получив удар заклинанием сбоку в ногу, запнулась и замерла, сию секунду сохранив равновесие.

Защитника своего тайника Бафомет создал хорошего. Несмотря на столь нестандартную ситуацию каменный воин не упал, лишь покачнулся и тяжело опёрся на меч. Но, к счастью, это всё-таки была далеко не лучшая работа Бафомета, явно сделанная второпях и на скорую руку. В противном случае интеллект каменного воина был бы куда выше, что, скорее всего, привело бы к нашей неминуемой смерти.

А так, пока статуя пыталась вновь принять устойчивое положение, я уже оказался у неё за спиной и в два прыжка заскочил ей на спину. Держась одной рукой, другой я приложил наспех модифицированный револьвер к шее каменного воина, после чего раскрыл что-то вроде капкана, прочно вцепившегося в край доспеха.

Это была очередная моя авантюра. Превратить второй револьвер в нечто наподобие замка, который бы не позволил отдаче и движениям статуи изменить точку атаки, а также помог бы мне самому удержаться на спине статуи.

И эта авантюра удалась. Пусть и не идеально, но “челюсти” капкана защёлкнулись на каменном воротае и я тут же, не собираясь терять ни мгновения, нажал на курок, отправляя в шею каменного воина первый выстрел с расстояния всего в пару сантиметров.

Свои руки и лицо я закрыл слоём Телекинеза, настолько прочным, насколько только был способен. Но если обычный сформированный мной щит с лёгкостью выдержал бы хоть десяток подобных взрывов, то теперь лопнул после первого же применения.

Я ощутил дыхнувший в лицо жар, однако терять время было нельзя. На скорую руку соорудив второй барьер, я выстрелил ещё раз, а потом ещё.

С каждым выстрелом защита из Телекинеза держалась всё хуже. После третьего нажатия на курок в носу уже стоял запах палёного волоса, я, похоже, к чертям сжёг себе часть шевелюры, а вместе с тем брови и ресницы, а ладони и вовсе уже покрылись волдырями. Однако этого всё равно было мало.

Статуя, будто бы контуженная первыми выстрелами, уже почти встала ровно и дважды мне приходилось пригибаться, чтобы избежать участи быть схваченным её свободной рукой. А потому, достав из кармана последнюю обойму, я заложил её между дулом револьвера и уже пошедшей широкими трещинами каменной шеей и, с максимальной силой оттолкнувшись ногами от спины статуи, я взлетел в воздух, в последнюю секунду нажав курок Телекинезом.

Взрыв шести пуль разом был по-настоящему мощным. Каменного воина будто бы кто-то толкнул вперёд, и вот на этот раз он уже на самом деле упал. По крайней мере, на это намекал могучий грохот, эхом разнёсшийся под сводами залы.

Сам я этого уже не видел. Прыгнув спиной вперёд, я не смог нормально сгруппироваться в воздухе и с силой врезался в пол плечом, скорее всего заработав вывих, а также мощно приложился головой. Перед глазами всё поплыло, в ушах зазвенели гигантские комары, мысли будто бы закинули в блендер, а когда я попытался подняться с пола, меня вырвало сегодняшним завтраком.

— Эй, Ал, ты там как? — раздался откуда-то сбоку голос Глена.

Осторожно повернувшись на звук, я увидел парня, лежащего, раскинув руки и глядя в потолок.

Он, понятное дело, не просто отдыхал. Даже с учётом того, что он был старшим магом, под эффектом подавителей собрать энергию для сложного и довольно мощного заклинания было на грани возможностей любого мага, тем более ещё не слишком опытного студента. Вообще чудом было, что он остался в сознании и ещё мог что-то сказать после такого перенапряжения кругов маны.

Отвечать ему я не стал, лишь ещё раз блеванул, на этот раз уже по большей части желчью. Разум отказывался работать нормально, но из памяти всплыли слова: “Сотрясение головного мозга”.

Хорошо, по крайней мере, что каменюку мне удалось...

Дерущий уши скрип едва не вызвал очередной приступ рвоты. Чуть затуманенным взглядом я уставился на грудь камня — и действительно. Неспешно, будто бы каменный воин устал с нами сражаться, но он всё-таки поднимался.

Хорошо было то, что движения статуи определённо значительно замедлились и стали

какими-то неуклюжими. Когда она попыталась отжаться от пола, продемонстрировав мне гигантскую дыру на затылке, её левая рука соскользнула и махина вновь рухнула на живот, создав ещё одно небольшое землетрясение. Похоже, созданный мной взрыв всё-таки изрядно потрепал каменного воина.

Но то, что он был повреждён, не значило, то он “устал”. И, если бы мы ничего не предприняли, прикончить он нас бы прикончил. К счастью, нас в этой экспедиции всё-таки было не двое, а трое.

— Линда! — перебарывая рвотные позывы, крикнул я. — Найди мой револьвер!

Спустя несколько секунд со стороны послышались торопливые шажочки, а потом я краем глаза увидел девушку, бегущую куда-то мне за спину. Хотел повернуться и посмотреть, куда она намылилась, но голова тут же закружилась настолько, что я едва не потерял сознание. Оставалось только надеяться, что она поняла меня правильно.

К счастью, несмотря на отсутствие школьного образования, Линда всё-таки была очень умной девушкой. И, несмотря на то, что я при ней не разу не говорил, как называется моё оружие, она, похоже, смогла сориентироваться.

Уже секунд через двадцать её фигурка вновь показалась в поле зрения, на этот раз уже с револьвером в руках. Фокус зрения более-менее вернулся и я мог разглядеть, насколько пострадало моё оружие. “капкан” с него сорвало а металл обуглился и в некоторых местах даже оплавился. К счастью, дуло выглядело более-менее целым, так что взорваться у Линды в руках револьвер не должен был.

Подойдя к статуе со стороны головы, девушка посмотрела на меня полными страха глазами.

— Направь на дыру и нажми на крючок! — справившись с очередным приступом рвоты, проинструктировал её я.

Она сделала как я попросил: навела дуло револьвера на уже раскуроченную шею статуи, однако выстрела не последовало. То ли спусковой крючок заело, то ли в дрожащих руках девушки в принципе не было столько сил. Она вновь глянула на меня, уже, похоже, едва сдерживая слёзы.

— Давай! Сильней! — воскликнул я. — У тебя получится!

— Нажимай! — присоединился ко мне Глен. — Ты справишься!

Линда вновь повернулась к каменному воину, в очередной раз плюхнувшемуся на живот после попытки подняться. Однако я заметил, что на этот раз у каменного воина почти получилось. В следующий раз, скорее всего, он уже сможет подняться и тогда рано или поздно нам всем настанет конец.

К счастью, наши подбадривания девушку, похоже, вдохновили. Потому что, проведя рукавом по глазам, она всё-таки взяла револьвер обеими руками и, наставив на статую, изо всех надавила на курок.

Выстрел громыхнул, выбив револьвер у Линды из рук, однако это уже было не важно. С хрустом, похожим на тысячу одновременно раскусываемых печений, голова каменного воина отделилась от шеи и замерла, откатившись на пару метров. Тело статуи больше не шевелилось.

— Ты ж моя умница... — выдохнул я, падая навзничь и проваливаясь в глубокий сон.

В отличие от всяких компьютерных игр, в тайнике Бафомета, после того, как мы завалили “босса”, проход дальше не появился. Камень, закрывший вход в зал и выход из него, не исчез, и подавители продолжили работу. Однако без врага, угрожающего нас убить, это уже было не так важно.

Благодаря Технике тела Амаг я, пусть и очнулся с дикой головной болью, блевать уже не хотел и двигаться мог более-менее нормально. А потому занялся восстановлением своего арсенала.

За часа полтора починил револьвер. Из-за того, что часть металла разметало по залу и мне сейчас было откровенно лень его собирать по крупичкам, я решил просто починить одно оружие с использованием другого. После чего вытащил из рюкзака пару слитков свинца и латуни, взялся за изготовление пуль.

Процесс шёл медленно, но всё-таки шёл. И с каждой созданной обоймой, что я тут же разряжал в притаившиеся на потолке подавители, он только ускорялся. Ещё часа через два последний подаватель был уничтожен и к нам с Гленом вернулись полные силы.

А ещё где-то через часок мы совместными усилиями смогли разрушить стену, закрывавшую путь вглубь тайника. После чего разбили лагерь и с чувством выполненного долга завалились спать. Зная Бафомета, шансы на то, что он поставит ещё какую-нибудь подлянку, были малы, но исключать их не стоило, а значит нужно было подготовиться и восстановить силы.

К тому же нам троим в любом случае не помешал бы отдых. И больше всех, как, на самом деле, не удивительно, Линде.

В нижних районах Вирсавии девушка явно успела пережить всякое. То, что у неё были яйца больше, чем у многих мужиков, стало понятно ещё в тот момент, когда она без жалости и сомнений прикончила троицу насильников обычным кухонным ножиком.

Но желающая прикончить тебя огромная каменная статуя с двухметровым мечом наперевес — это всё-таки немного другое дело. И Линда успела перепугаться до чёртиков, пока я, а после и Глен, валили каменного воина. То, что у неё хватило духа собраться, подойти вплотную к статуе и закончить этот бой, без шуток заслуживало лишь аплодисментов.

Да и, на самом деле, нам с Гленом тоже не помешало бы перевести дыхание. Так что мы остались на месте для отдыха столько, сколько было нужно.

А потом, собрав лагерь, всё-таки двинулись дальше. Линда взяла с меня обещание, что, если появится хоть намёк на повторение подобного — мы тут же развернёмся и без вопросов отправимся домой. Но, к счастью, как я и думал, каменный воин был единственной несостыковкой между реальностью и имевшимися у меня воспоминаниями. Через минуту после того, как мы покинули зал, коридор впереди стал ровно таким, каким он должен был быть.

И, поравнявшись с первым слева поворотом, я остановился и, широко улыбнувшись, повернулся к Глену с Линдой.

— Давайте туда. Берите самое дорогое и то, что сможете унести. За остальным вернёмся как-нибудь в другой раз.

— А что там? — не поняла девушка.

— Сокровищница, разумеется. Когда закончите — возвращайтесь и идите в дверь в самом конце коридора. Я буду там.

— Хорошо, — кивнул Глен, беря ошарашенную Линду под локоть и утягивая в проход.

Проводив их взглядом, я сделал несколько шагов вперёд по коридору и остановился перед, казалось бы, пустой стеной. На ладони вновь зажёгся Сигил Бафомета. С тихим скрежетом открылась ранее невидимая ниша и передо мной на небольшом стенде появилось то, зачем я вообще всё это организовал.

Левая длань Бафомета. Жезл Воссоздания. Выглядел он довольно странно. Сам жезл был вполне обычным — металлическая палка длиной сантиметров тридцать с узором в виде обвивающего её змея. Однако то место, за которое предполагалось этот жезл держать...

Хотя этот тезис в древние времена многими ставился под сомнение, но я не сомневался: у Бафомета было чувство юмора. Потому что “Левой дланью” этот артефакт назывался не просто так. Основная часть жезла плавно переходила в отлитую из металла очень натуралистичную человеческую кисть. И когда я взял Жезл Воссоздания с постамента, стальные пальцы крепко сжали мою руку.

Я знал, для чего это было сделано. Так как сражения архимагов проходили на невероятных скоростях, а к занятым телам других магов Бафомет относился наплевательски, такая “конфигурация” банально не давала выронить жезл в горячке боя. Однако это определённо можно было сделать менее экстравагантно, и Бафомет, выбирая именно такую форму, явно руководствовался не только эргономичностью.

Но, вне зависимости от внешнего вида, Жезл Воссоздания по праву считался одним из двух величайших алхимических артефактов в истории. С моими текущими способностями я не смог бы использовать и сотой доли его истинной силы. Однако даже так, возможность применения алхимии на уровне младшего мага была самым настоящим чудом.

И давать Глену и Линде знать о том, что это такое, я пока что не хотел. К счастью, в главном хранилище этого тайника, насколько я помнил, ещё было немало такого, на что любой маг в мире будет пускать слюни. Именно туда, прикарманив Жезл Воссоздания, я отправился дожидаться Глена и Линду.

До истечения двухнедельного отпуска у меня ещё было дней шесть-семь, то есть с выдвигением в обратный путь можно было повременить.

А значит у меня появлялось время, чтобы дать им силу, достаточную для выживания в грядущей катастрофе.

К сожалению, не стоило ожидать, что Бафомет оставил в своём тайнике горы великих артефактов и тома невероятных заклинаний. В конце концов, этот схрон был построен в спешке, уже сильно раненным и ослабленным беглецом.

Да, конечно, на первый взгляд он таким не выглядел. Но на своём пике Бафомет мог создавать целые города. Так что этот тайник, где главным и самым сложным элементом была ловушка со статуей, для его уровня и правда был чем-то очень простым.

Однако в главном хранилище, которое я так же отворил Сигилом, всё-таки было чем поживиться.

В сокровищнице, куда я отправил Глена с Линдой, хранились именно что золото и драгоценности. То, что можно было продать и выручить побольше. Здесь же Бафомет оставил то, что помогло бы ему быстрее вернуть силы, когда он бы выбрался из заточения и добрался сюда.

Несколько ящиков с материалами, максимально подходящими для использования в алхимии; разнообразные полезные артефакты вроде пространственной сумы — мешочка, который, как и небезызвестная будка, был внутри больше, чем снаружи; колбы с восстанавливающими эликсирами, правда, по большей части скорее всего протухшими...

Да и вообще, Бафомет, похоже, не думал, что проведёт в заточении целых две с хвостиком тысячи лет. Потому что больше половины оставленных им вещей от времени пришли в полную негодность.

Та же пространственная сума потеряла все свои магические свойства и превратилась просто в рассыпающуюся в руках тряпочку. А нагрудная броня, на которую когда-то было наложено зачарование прочности, проржавела насквозь и теперь не защищала, а только пачкала одежду.

За суму было особенно обидно, она бы мне крайне пригодилась. Однако горевать, разумеется, смысла особого не было, тем более что кое-что здесь всё-таки осталось. И когда Глен с Линдой явно куда более тяжёлым шагом вошли в хранилище, я уже разложил на высеченном из камня столе несколько слитков магических металлов и колб с алхимическими реагентами.

— Там столько золота! — Линда, казалось, до сих пор не могла поверить в то, что увидела. — Просто горы! Мы забрали едва ли десятую часть, и всё равно этого нам хватит на десять жизней!

— Смотря как жить, — пожал я плечами, возвращаясь к сортировке. — Может не хватить и на пару месяцев.

— Это что же нужно такого купить, чтобы истратить ВСЁ это за месяц? — фыркнула Линда.

— Землю где-нибудь в глуши, укреплённый замок на ней, алхимическую лабораторию в замке, дворянский титул, а ещё армию, но это опционально.

До девушки, похоже, не сразу дошло, что я не шутил.

— Ты... ты к войне готовишься, что ли?

Вы посмотрите, прямо в корень зрит!

— Да, и будет эта война уже совсем скоро.

— Ал, с этого момент, пожалуйста, поподробнее, — подал голос Глен, до сих пор с

улыбкой наблюдавший за нашей с Линдой небольшой перепалкой.

Он, как аристократ, явно не испытывал по поводу найденного золота прямо огромных восторгов.

— Знаешь, что случилось с Валентайном, когда они позвали меня на собрание?..

* * *

Рассказ о моих подозрениях, хоть я и опустил кое-какие подробности вроде возможной смерти Агура, всё равно занял где-то четверть часа. И к его концу с лиц Глена и Линды пропал даже намёк на улыбку. А сложенное в рюкзаки золото теперь, наверное, уже казалось им не свалившимся на голову кладом, а неприкосновенным запасом на случай неминуемой катастрофы.

— Почему ты ничего не рассказал старейшинам? — без претензии, просто уточняя, спросил Глен.

— Думаешь, они не знают? Да за эти дни они Валентайна наверняка с лупой осмотрели с ног до головы. Даже если они не в курсе, что это за дрянь, то по крайней мере должны понять, откуда она взялась. А про эльфийские доспехи... ну, тут я уже меньше уверен, известно ли об этом правительству. Но я не мог допустить, чтобы о моём визите в Чёрное Безумие стало известно. Так что пришлось заметать следы. Если представится возможность оставить для стражи улики, не привлекая к себе излишнее внимание, то я её, естественно, не упущу.

— М-да... — Глен почмокал губами. — Задал ты мне задачку, конечно. Мне ведь надо это всё как-то семье сообщить, и дядя наверняка захочет узнать, откуда у меня такая информация. Надо подумать, что сказать, чтобы звучало правдоподобно.

Семью Гесс, насколько я успел узнать, сейчас возглавлял младший брат отца Глена, погибшего на войне с эльфами. И от того столь лояльное отношение парня к остроухой расе казалось лишь более странным. И ещё более ценным было то, что он, даже без моих слов, уже думал о том, как скрыть от своей семьи источник плохих новостей.

— Подумаешь об этом, когда мы вернёмся, — остановил я его поток мыслей. — Сейчас мне нужно, чтобы вы внимательно меня послушали.

— Есть что-то ещё хуже?! — воскликнула Линда, явно по-настоящему шокированная знанием о грядущей глобальной войне.

— Нет, я не о том. В этом хранилище есть несколько вещей, с помощью которых я могу помочь вам стать сильнее. Достаточно сильными, чтобы по крайней мере быть уверенными в своём выживании. Однако, если я решу потратить на вас драгоценные ресурсы и своё время, то я должен буду понимать, что делаю это не напрасно. Что бы там ни было, я собираюсь противостоять угрозе из-за Края всеми своими силами. И вы должны здесь и сейчас решить: будете ли вы сражаться вместе со мной, или же нет.

— Сражаться?! С Серыми? С эльфами? Это ведь... — Линда задрожала всем телом будто от озноба, оперев взгляд куда-то в пустоту.

А вот на лице Глена отразилась лишь решимость.

— Я буду сражаться вместе с тобой, — произнёс он твёрдо. — Моего отца убили эльфы, но причина этой войны так или иначе лежит за Краем. И если ты знаешь, как победить, или хотя бы как суметь противостоять этой заразе, если сможешь помочь мне отомстить за отца

— я буду твоим вечным должником.

Уголки моих губ против воли поползли вверх. Ещё оставалась крошечная вероятность, что Глен просто блефовал и все эти красивые слова в итоге обернутся пшиком. И об этом не следовало забывать.

Но мне чисто по-человечески не хотелось сомневаться в нём. Именно такими и должны были быть настоящие друзья, за которых ты будешь готов отдать жизнь, и которые будут готовы отдать жизнь за тебя.

Я подошёл к Глену и протянул ему руку. Он, широко улыбнувшись мне в ответ, крепко её пожал. Всё правильно. Лучше я поверю и потом столкнусь с последствиями, чем останусь холоден и одинок, как тот же Бафомет.

Повернулся к девушке.

— Линда? Если ты откажешься — я пойму. Никаких обид. Даже если ты была мне что-то должна, ты уже с лихвой окупилась свой долг.

— Да, задницы наши ты спасла красиво, — усмехнулся Глен, после чего сбросил с плеча рюкзак и, получив моё молчаливое одобрение, отправился на небольшую экскурсию по хранилищу.

— Нет, — она замотала головой. — Дело не в этом. Просто, понимаешь, единственное, что я получила от этой страны — это боль и унижения. Я хотела накопить денег, чтобы уехать отсюда куда-нибудь к морю и больше никогда не видеть трущоб нижнего города. И когда ты сказал про артефакты древних времён, и когда мы спускались сюда по этой бесконечной лестнице, и когда я вошла в ту сокровищницу — всё это время я думала, что всё так и будет. Что всю оставшуюся жизнь я смогу прожить в мире и покое, не беспокоясь ни о чём. Но оказалось, что этим планам не суждено сбыться. У меня нет причин сражаться за Вирсавию, не за кого мстить, нет того, что можно было бы защищать. Так что я не смогу поддержать твоё благородное стремление. Даже наоборот. После этой недели, увидев столько чудес, узнав, как можно жить, я больше не хочу, чтобы моя жизнь зависела от кого-то ещё. И, если бы я и хотела заполучить силу, то только для того, чтобы не чувствовать себя слабой, чтобы самой решать свою жизнь. Однако я понимаю, что этого эгоистичного желания недостаточно.

Я усмехнулся. С момента, когда сидящий в кувшине Бафомет спросил меня, хочу ли я решать свою судьбу, прошло меньше трёх недель. И вот, совершенно неожиданно, ситуация развернулась на сто восемьдесят градусов. Теперь уже я был тем джинном из лампы, что мог дать Линде возможность самой распоряжаться своей судьбой.

И, в отличие от Бафомета, я не собирался пользоваться чужой слабостью.

— Поверь, я — никакой не патриот и благородства во мне ни на грош. Если ты не забыла, я — полуэльф, так что для меня это тоже была не самая приятная жизнь. Да, я хочу воспользоваться чудом полученными знаниями, чтобы защитить Вирсавию и этот мир в целом. Но только потому, что, если я этого не сделаю, то не останется никого, кого я бы смог ткнуть носом и сказать: “Теперь понимаете, кого вы столько лет унижали?” Так что не переживай. Твоего желания, если оно искренно, более чем достаточно.

Глен, с любопытством смотревший на просвет одну из колб с реактивами, хмыкнул.

— Правда? — на меня поднялись полные слёг глазки.

Ну, скажем так, это одна из правд.

— Конечно, правда. А теперь давайте займёмся делом. У нас не так много времени до возвращения.

— Что будем делать? — поинтересовался Глен, подходя к нам.

— Ждать, — обойдя его, я вернулся к столу и вновь зарылся в ящик с материалами для алхимии. — Мне нужно подготовиться.

Алхимия была по-настоящему чудесной по той причине, что, в отличие от почти любой другой магии, её сфера применения была не ограничена ровным счётом ничем. Лишь бы были знания и достаточно энергии.

С первым у меня не было проблем, память Бафомета в помощь. Со вторым — уже сложнее, но тут мне должен был помочь Жезл Воссоздания. Без Жезла Разложения, правда, его функционал уменьшался, считай, на порядок.

Но этого должно было быть вполне достаточно, чтобы создать подходящие реактивы для мага пятого круга и вообще не владеющей магией девушки. Тем более с учётом того, что в хранилище сохранилось немало ценных реагентов.

И следующие часов пятнадцать с перерывами на отдых, я потратил на то, чтобы приготовить для Линды и Глена “эликсиры”.

К моему удовольствию, алхимия сама по себе не была каким-то конкретным заклинанием или набором заклинаний, это было лишь искусство манипуляции маной. Так что слотов в гримуаре, которых и так осталось всего четыре, занято не было.

Однако от того это было куда сложнее, чем просто вызывать из гримуара контуры заклинаний. Да, у меня были воспоминания Бафомета и потому всё, что я делал, давалось мне в тысячу раз проще, чем если бы я пытался научиться алхимии с нуля.

Но необходимость в определённых навыках и мастерстве никто не отменял. А потому поначалу я дико лажал, выстраивая с помощью Жезла сложные энергетические структуры с кучей ошибок и недочётов.

К счастью, сверяясь с памятью Бафомета, я мог быстро понимать, что и где сделал не так. Для более тонких и продвинутых манипуляций мне придётся ещё долго тренироваться. Но для того, чтобы по крайней мере запустить в них двоих процессы изменений, этого было достаточно.

Первым на очереди стал Глен.

— Иди сюда, — поманил я его пальцем.

Парень, уже успевший и вздремнуть, и поотжиматься, и обсудить с Линдой перспективы возможной войны и теперь явно скучавший, подскочил ко мне тут же.

— У тебя получилось... что бы ты ни делал?

— Да. Призови свой гримуар.

— Хорошо.

Перед Гленом в воздухе зависла толстая, с красивой обложкой, куда больше похожая на настоящий магический гримуар, чем мой блокнотик, книга. Я взял со стола небольшую пробирку с ярко-жёлтой чуть мутноватой жидкостью, после чего откупорил пробку и вылил содержимое прямо на гримуар.

Гримуары не были иллюзией, они были вполне реальны и осязаемы. Но, чтобы коснуться магической книги, нужно было использовать что-то, в чём имелась мана. Напитать энергией пальцы, использовать какой-то артефакт или заклинание. Гримуар можно было даже уничтожить, лишив противника девяноста процентов боевой мощи. Правда, для этого нужно было обладать минимум уровнем высшего мага, чтобы суметь разорвать магические контуры, из которых гримуар состоял.

А потому не было ничего удивительного в том, что напитанный энергией реагент не

протёк на пол сквозь книгу, а растёкся по поверхности. Удивительным было то, что жидкость почти сразу начала впитываться в гримуар Глена и уже через несколько секунд на красно-зелёной обложке не осталось ни единого жёлтого пятна.

— Сколько в твоём гримуаре страниц? — спросил я Глена, ошарашенно разглядывавшего свою магическую книгу.

— Триста семнадцать.

Буржуй, блин. Впрочем, у моего гримуара были свои прелести, которые я даже на три тысячи триста страниц бы не променял. Тем более что вскоре...

— Будет меньше. Где-то раз в минуту у тебя из гримуара будет пропадать страница. А энергия, которая в ней содержалась, будет перенаправлена в твои круги маны. Тебе решать, сколько страниц оставить. Но, думаю, если рассеешь где-нибудь сто — сто двадцать страниц, сможешь достигнуть шестого круга. Когда захочешь остановиться — просто примени любое заклинание. Потом, когда у меня появится больше возможностей — сможем вернуть тебе потерянные страницы. Всё понял?

— Да, — кивнул Глен.

После чего с немного отсутствующим взглядом, молча отошёл в сторону и сел у стенки хранилища прямо на пол, продолжая перелистывать страницы своего гримуара.

— Теперь ты, — я позвал Линду.

Она явно нервничала, но всё-таки подошла и после секундного замешательства пристально взглянула мне прямо в глаза.

— Что будет?

— У тебя гримуара нет, и магии тебя обучать некогда, к сожалению, — вздохнул я. — Так что пойти придётся по иному пути. Вот, держи, — я протянул ей небольшую ступку, в которой перекачивался густо-красный, будто вылепленный из артериальной крови, шарик размером со среднюю пуговицу. — Это надо проглотить. Хочу предупредить сразу, это будет мучительно больно. Твоё тело перестроится на самом базовом уровне, такое не происходит безболезненно. Однако это — единственный способ для тебя быстро стать сильнее.

— Я понимаю, — кивнула Линда.

Взяв из ступки пилюлю, она секунд двадцать смотрела на неё, будто пыталась загипнотизировать, а затем, зажмурившись, закинула кровавый шарик себе в рот и глубоко сглотнула.

— Пойдём, — вздохнул я, — тебя нужно уложить в спальник и связать, чтобы ты себя не покалечила.

Линда, ничего не говоря, видимо уже смирившись с любым исходом, пошагала за мной в угол хранилища, где мы оставили вещи. Парой захваченных верёвок я привязал её руки к телу и связал между собой ноги, а затем ещё и обмотал верёвкой поверх спальника. Спустя десять минут она стала похожей на завернутую в кокон гусеничку. А ещё через пять минут из этого кокона донёсся её первый стон.

К сожалению, других путей действительно не было. По крайней мере не с моим текущим навыком в алхимии, а ждать мы не могли. Однако, как бы больно сейчас ни было Линде, меня в ближайшие часы ждала куда бóльшая боль.

Использовать на себе тот метод, что я применил на Глене, я не мог по очевидным причинам. Хотя страница моего гримуара и содержала куда больше энергии, чем страница его гримуара, я не мог себе позволить потерять даже одну из всего лишь тринадцати страниц.

Пиллюля, которую я создал для Линды, на меня бы не подействовала, так как моё тело уже подверглось перестройке через Технику тела Алат. Два эффекта, столкнувшись, скорее навредили бы мне, а не усилили действие друг друга.

Но, с учётом обширного арсенала реагентов, оставшихся в хранилище даже после тщательной ревизии и проверки на пригодность, я смог отыскать и для себя подходящий путь к силе.

Техника тела Алат, помимо прочего, обладала и ещё одним свойством. Благодаря ей можно было в критической ситуации перевести часть своей жизненной энергии в ману и использовать, когда собственная мана уже кончилась.

Однако обычно это было чревато жесточайшими побочными эффектами. Вот только в коллекции Бафомета нашлась одна штучка, которая должна была помочь мне временно обойти эти побочки.

Засушенный кусок сердца имуги — монстра, колоссального змея, родственника драконов. Бафомет добыл его, лично убив чудище, и этот кусочек весом от силы грамм триста был всем, что осталось от когда-то целой туши имуги весом в десятки тонн.

Тем не менее, для меня даже этого засушенного серого огрызка могло оказаться слишком много. Я собирался сделать по-настоящему сумасшедшую вещь: вытянуть из куска сердца всю оставшуюся в нём жизненную энергию, поглотить её и тут же напрямую перевести в ману.

В идеале это было великолепной идеей. Вот только идеально сделать я всё в любом случае бы не смог. А значит пока в меня будет втекать энергия сердца имуги, моё тело будет бесконечно умирать и восстанавливаться, и это определённо будет, мягко говоря, неприятно.

Но мне нужна была мана. Как можно больше маны. Четвёртый круг — это было мало, слишком мало. А значит я не мог позволить себе думать о боли.

Когда все приготовления были завершены, я присел в углу хранилища и вставил в зубы деревянную ложку, которой размешивал реагенты. Расстегнул рубаху и запустил циркуляцию Техники тела Алат. А потом, пару раз гулко втянув носом воздух, вылил себе прямо на грудь в район сердца густую, похожую на желе, чернильно-чёрную с зелёным отсветом жидкость, обжегшую кожу будто калёное железо.

Разум затопила агония. Несмотря на то, что я приготовился к тому, что это будет адски больно, я всё равно едва не отключился. И это было бы фатально, потому что без контроля Техники тела Алат жизненная сила имуги просто разорвала бы моё тело в лоскуты.

Однако мне всё-таки удалось преодолеть первый кризис и, преодолевая боль, я начал процесс перевода энергии в ману. И теперь я понял, что испытывали те осушенные мной бандиты. Смерть тела, каждого его органа, каждой мышцы и каждой клеточки... это было не просто больно.

На земле, во время исследований в больнице мне несколько раз делали гастроскопию. Вставляли в горло длиннющий шланг и смотрели желудок. Самым отвратительным в этой процедуре для меня было чувство, когда этот шланг начинали доставать. И вот сейчас это чувство вернулось в миллион раз сильнее, из меня буквально вытягивали жизнь.

Я прикладывал все силы, чтобы оставаться в сознании, я просто не мог отключиться, если хотел выжить. И главным стимулом для меня было ощущение наполняющегося пятого круга маны, на поразительной скорости формирующегося вокруг сердца.

Сорок процентов... шестьдесят... семьдесят... восемьдесят... восемьдесят пять... девяносто...

Стена между четвёртым и пятым кругами, останавливавшая даже самых гениальных магов на год-два, была не в силах устоять перед диким напором маны, выливающейся из сердца имуги.

Девяносто три... девяносто шесть... девяносто восемь... девяносто девять...

Но, когда я уже приготовился к прорыву, который должен был быть в десять раз сложнее предыдущего, боль и в целом ощущение собственного тела куда-то пропали. А перед глазами вместо тьмы всё залило молочно-белое сияние.

И я бы подумал, что провалился и умер. Но благодаря воспоминаниям Бафомета и содержащимся в них историям Агура, я точно знал, что произошло.

Со мной на связь вышли боги.

Несмотря на то, что высшие сущности почти не вмешивались в жизнь простых смертных, ни у кого в этом мире не было сомнений в существовании богов. Потому что ключевым словом было “почти”.

Боги проявляли себя в те моменты, когда цивилизациям, человеческой и не только, реально грозила смерть.

Где-то за тысячу лет до рождения Бафомета боги помогли справиться с невиданным потоком. Тогда все три континента: Иль, Вария и Халла — оказались на девяносто процентов затоплены водами Мирового океана, из которых, к тому же, на сушу лезли орды морских монстров.

Во времена самого Бафомета с севера из-за горизонта на три континента явилась неведомая армия крылатых существ, полулюдей-полуптиц. И только благодаря богам и благословлённому ими избранному — Агуру, их нападение удалось отразить.

Что это была за армия и откуда они явились, никто, кстати, так и не понял. Ни одна из будущих экспедиций, отправлявшихся на север от берегов Вари, не находила ничего, кроме бескрайних вод.

А где-то девятьсот лет назад на три континента обрушилась жуткая засуха, выжегшая поля и леса, убившая почти весь скот и сократившая население более чем на треть. И, опять же, лишь благодаря вмешательству богов, пославших на землю долгожданные дожди, удалось избежать бóльших жертв.

С высоты своего земного опыта мне, честно говоря, довольно сложно было в такое поверить. Тем более что верующие были склонны приписывать собственные успехи и поражения милости или немилости высших сущностей.

Но слишком уж много было доказательств того, что боги этого мира были не выдуманными. Десятки летописей и хроник, и не каких-то расплывчатых мифов, а довольно подробных и полных, повествующих о деталях нисхождения богов. Внешность, силы, даже характер богов местного пантеона — всё это было описано, и при этом во всех прочитанных мной источниках эти описания были одинаковыми.

К тому же, хотя лично боги являлись в мир, считай, лишь каждый миллениум, в их храмах можно было получить вполне реальное, пусть и небольшое, благословение. Искренняя молитва могла исцелить раны, временно наделить большой силой или даровать удачу в каком-либо начинании. И таких примеров было слишком много, чтобы счесть это просто совпадением или заблуждением масс.

Но только теперь, оказавшись в неведомом пространстве и ощущая на себе взгляд невидимой силы, я окончательно убедился в реальности божественных сущностей.

— **Здравствуй, дитя,** — раздался будто бы прямо в голове голос, полный могущества и благости. — **Мы — Ардиб, говорим с тобой от лица всех богов Хейха.**

Ардиб, насколько я помнил, был богом истины и пламени, одним из шести старших богов пантеона. Мне определённо была оказана большая честь. Однако, несмотря на внутренний трепет, что я ощущал от звуков его голоса, какого-то особенного восторга или невероятной благодарности за то, что на меня обратили внимания боги, я не чувствовал.

Возможно, причиной был всё тот же земной опыт с привитым им скепсисом. Возможно то, что мой разум до сих пор не понял до конца, с кем именно я разговаривал. А возможно

то, что меня скорее всего вызвали на аудиенцию не потому, что я такой хороший, а потому, что богам от меня было что-то нужно.

Однако, естественно, сходу проявлять неуважение к богу я не собирался. Это было бы максимально тупо — без особых причин портить отношения с высшей сущностью, покровительствующей всему этому миру много тысяч лет.

— Приветствую уважаемого Ардиба.

Своё тело я не ощущал, так что поклониться не смог, но каким-то образом произнести приветствие у меня-таки получилось, и я постарался вложить в него как можно больше почтения. Однако, похоже, было глупо рассчитывать на то, что у меня получится скрыть от бога своё к нему истинное отношение.

— **Ты, похоже, не слишком впечатлён нашим разговором,** — в голосе Ардиба послышалось недовольство.

Твою мать, и вот как мне на это следовало отвечать? Ох...

Ладно, если они сами меня выдернули, значит в каком-то смысле у меня есть фора. Слишком далеко заходить, естественно, не стоило, но и забывать о том, что это богам что-то от меня надо, а не наоборот, тоже было лишним.

— Дело не в том, что я отношусь к Вам без почтения, уважаемый Ардиб. Просто мне сложно осмыслить эту ситуацию и по-настоящему поверить в то, что я могу вот так разговаривать с Вами.

— **Понимаем,** — похоже, такое объяснение его более-менее удовлетворило, голос Ардиба стал мягче. — **В твоём прошлом мире подобное было бы совершенно невозможно.**

Мне показалось, что у меня в голове взорвалась бомба.

— Вы знаете, что я не из этого мира?!

— **Разумеется, знаем!** — Ардиб зашёлся громким смехом. — **Думаешь, титул бога — это просто шутка? Мы знаем про тебя то, что ты сам, возможно про себя не знаешь. И, разумеется, знаем, что ты поглотил дух Бафомета, давнего противника нашего избранного.**

— А вы знаете, почему меня перенесло в этот мир после смерти?

— **Это — вопрос к богу твоего мира. Он немало заплатил за то, чтобы мы позволили твоей душе переродиться в Хейха без прохождения через забвение. О причинах такого его поступка нам неизвестно, хотя мы знаем, что таким же образом он раскидал ещё несколько тысяч душ по другим мирам.**

Я почти что услышал, как рвутся в голове все шаблоны.

— Несколько тысяч таких же попаданцев, как я? Хотя нет, несколько тысяч миров?!

— **Миров, таких как Хейха или Терра, куда больше, чем несколько тысяч. Впрочем, это не то знание, что будет для тебя ценно. Пока что ты — лишь малыш, невероятно далёкий от шанса на Осмысление. А ведь в грядущем катаклизме ты можешь лишиться даже этого эфемерного шанса. И мы сейчас говорим с тобой, потому что хотим помочь пережить этот катаклизм.**

Красиво говорите, господин бог. И то, что вы общаетесь со мной будто бы на равных, определённо добавляет очков к вашей убедительности. Вот только я ни на секунду не поверю, что боги всерьёз озабочены моим благополучием.

Даже если бог Земли действительно заплатил им за моё перерождение, дальше,

насколько я понял, ни о какой поддержке речь не шла. По крайней мере этой поддержки я за все пятнадцать лет ни разу не видел.

— **И снова в твоих мыслях мы не видим ни намёка на искреннюю почтительность,** — на этот раз в голосе Ардиба уже вполне легко было услышать нотки гнева.

А я, пожалуй, мог бы догадаться, что боги могли читать мысли. Впрочем, это бы всё равно ничего не изменило, контролировать свои истинные чувства было невозможно. А потому и оправдываться смысла я не видел.

— Это так, уважаемый Ардиб. Я действительно благодарен за возможность прожить вторую жизнь. Но это ведь был просто бизнес. А значит, если я и должен кого благодарить за моё перерождение — то это бога моего мира, заплатившего вам за это. И сейчас, уверен, происходит ровно то же самое. Как бы мне ни хотелось верить во всеблагих богов, я уверен, что Вашего уровня невозможно достичь на одних только альтруизме и благородстве. Агур сейчас либо мёртв, либо при смерти, и я понимаю, что Вам нужен если не новый избранный, то хотя бы тот, кто сможет его временно заменить. А мне нужна сила. Так что, при всём моём уважении к Вам, давайте всё же называть вещи своими именами.

Если бы в этом пространстве у меня было тело, меня бы точно начало мутить от собственной наглости. Я не с каким-то торгашом, желавшим выбить из меня денег побольше, говорил, и даже не с архимагом вроде Одуванчика. Я, сука, разговаривал с **БОГОМ!**

Однако, раз Ардиб мог читать мои мысли, то все эти слова он уже прочитал, просто не в такой конкретной форме. И мне оставалось только надеяться, что он, как бог истины, сделает скидку хотя бы на то, что я был с ним честен.

Несколько секунд в белоснежном пространстве царила гробовая тишина. И я уже приготовился к тому, что меня сейчас поразит небесное пламя, но в конце концов Ардиб всё-таки заговорил.

— **Ещё ни один смертный не осмеливался разговаривать с нами так. Как минимум, тебе стоит поаплодировать за храбрость. Однако, подобное неуважение к нам... будь ситуация иной, мы бы не задумывались ни секунды, вынося тебе обвинительный приговор. К твоему счастью, ситуация в Хейхе действительно критическая. Край — это шрам на лице Хейхи от древней войны, случившейся задолго до нашего прихода в этот мир. Поэтому, к сожалению, у нас нет там власти, мы даже не можем заглянуть за Край. Однако мы уверены, что копящаяся там угроза страшнее, чем всё, с чем Хейха когда-либо сталкивалась. И, ты прав, хотя наш избранный ещё не погиб, он находится за Краем, и уже очень долго мы не можем ощутить его жизненную силу. То, что смогло одолеть его, сможет покорить Хейху, даже если мы лично снизойдём в мир. А потому нам и правда нужна твоя помощь.**

— Неужели за Краем может быть что-то сильнее Вас?

— **Нет, разумеется. Но, спускаясь в смертный мир, мы не можем использовать всю свою мощь. Так что рассчитывать можно только на смертного, который сможет стать сильнее неведомой угрозы. К счастью, можно быть уверенными, что разница между ней и Агуром не является критичной. В противном случае неведомый враг уже сам не смог бы считать смертным.**

— И, что вы хотите поставить на меня, рассчитывая, что я смогу эту тварь одолеть?

— Не только на тебя. Как среди человечества, так и среди других рас есть те, кто, с некоторой помощью, сможет попытаться дать отпор неведомой угрозе. На данный момент мы даровали свои благословения десяти смертным. Ты — последний, с кем мы разговариваем, и самый слабый из всех. Однако благодаря стечению обстоятельств ты получил право удостоиться нашего внимания.

Прозвучало, надо сказать, довольно обидно. Всё равно как если бы другу нужно было помочь передвинуть диван, и он позвонил тебе самым последним, предварительно получив отказ от всех остальных.

С другой стороны, слова Ардиба означали, что я вошёл в число одиннадцати, скажем так, квази-избранных — самых перспективных представителей всех рас этого мира. К тому же то, что я стал последним в очереди, вполне могло быть обосновано моей силой. В конце концов, действительно, двигать диван сначала звали самых сильных, а к малохольному астматику обратились бы в самую последнюю очередь.

В любом случае, кидать богам претензии за такую чепуху я не собирался.

— Ну, я согласен поучаствовать в сражении с этой неведомой угрозой, всё равно собирался.

— Такое намерение похвально, но этого мало. Мы должны быть уверены, что дарованное нами благословение не будет использовано против нас или против Хейхи, а также что ты не отступишь в критический момент.

— Я должен дать клятву?

— Именно. Произнеси клятву верности, и мы даруем тебе благословение.

Я, уже готовый признать требования Ардиба вполне логичными и здравыми, запнулся о собственные мысли.

— Верности?

— Да. Поклянись в верности богам Хейхи — и получишь силу, которая тебе так необходима.

— Эм... нет, спасибо. Я готов поклясться в том, что Вы говорили: не отступать перед лицом угрозы и не оборачивать полученную силу против этого мира и Вас — это совершенно нормальные требования. Но в верности клясться я точно не буду.

— Мы думали, ты будешь благоразумнее, — несмотря на то, что голос Ардиба до сих пор оставался спокоен, обрушившееся на меня давление, кажется, даже лишило меня сознания на мгновение. — Как можем мы давать силу тому, в чьей верности не можем быть уверены? Подумай ещё раз, это последний твой шанс изменить своё решение и присягнуть нам на верность.

— Неужели все десять других ребят без вопросов это сделали?

— Разумеется! Для любого жителя Хейхи быть избранным нами, стать нашим помазанником, получить наше благословение — это величайшая честь!

Мысленно я глубоко вздохнул. Вообще, в каком-то смысле это и правда могло выглядеть заманчиво. Ардиб показался мне вполне адекватным богом.

Не без закидонов вроде обращения к себе в третьем лице, но он, чёрт возьми, был богом! Ему было простительно и не такое.

При этом даже в ответ на мои крайне наглые заявления он не начинал давить авторитетом и продолжал взрослый разговор. Так что стать вассалом такого сюзерена было

бы вполне неплохо, особенно в обмен на то самое благословение.

Однако к мысли о том, чтобы всерьёз признать его, да и хоть кого угодно иного, своим господином, я испытывал острое, почти физическое отвращение.

Возможно, это было из-за того, что я только недавно перестал быть слугой и мне претила мысль вновь вернуться в этот подчиняющийся статус. Возможно, сказывалось всё тот же земной опыт, где подобные отношения давным-давно себя изжили и в мозгу человека двадцать первого века казались чем-то почти равным рабству. А, возможно, дело было в том, что какое-то неявное предчувствие говорило мне, что такое требование боги выдвигают далеко не только из-за нежелания делиться благословением с посторонними.

А потому, как бы ни была заманчива мысль о получении божественной силы, и как бы жутки ни были ожидания возможного возмездия за неподчинение, менять своего мнения я не собирался.

— Ну, возможно, для жителя Хейхи это и правда честь. Но дело в том, что я — не житель Хейхи. Я готов принести ту клятву, о которой говорил. Но пообещать свою верность Вам, уважаемый Ардиб, не смогу. Вне зависимости от того, насколько велика награда и насколько ужасно наказание.

— **Что же, дитя, мы поняли твой выбор. Не пожалей о нём в будущем.**

Ощущение чужого присутствия пропало, белизна вокруг начала тускнеть, а спустя несколько секунд я ощутил возвращающуюся боль. За всеми этими препирательствами с высшими сущностями я успел почти забыть, что находился в процессе прорыва на пятый круг маны. По крайней мере хорошо, что общение с Ардибом в реальном мире заняло всего мгновение, и ситуация не успела выйти из-под контроля.

О том, какое наказание мне выписали боги, можно было подумать и потом. А пока что у меня была задача поважнее.

Младшие, старшие, высшие маги и архимаги были разделены именно так не для красоты. Между этими уровнями была ощутимая и совершенно конкретная разница, и выражалась она далеко не только в объёме маны, необходимой для прорыва.

Конкретно старшие маги отличались от младших тем, что могли использовать технику, называемую накачкой.

Пяти кругов маны становилось достаточно, чтобы стало возможно передавать энергию между кругами так, чтобы вся структура не теряла стабильности. И с помощью накачки можно было временно увеличить один или несколько кругов за счёт энергии остальных.

Заклинание первого круга в исполнении мага с одним кругом маны мало чем отличалось от того же заклинания, созданного магом с четырьмя кругами. Однако старший маг мог с помощью накачки временно передать почти всю ману на один-единственный круг и, создав то же заклинание с его помощью, увеличить его мощь в несколько раз.

С учётом того, что далеко не все могли, как я, постоянно оптимизировать свой арсенал под текущий уровень, это было максимально полезным навыком.

А также старшие маги, благодаря всё той же стабильности структуры кругов, были куда чувствительнее к окружающей мане, меньше страдали от отдачи заклинаний, с большей лёгкостью использовали магию под разнообразными ослабляющими эффектами...

В общем, пятый круг был не просто очередным +1. И потому его создание требовало от мага не только накопления маны, но и накопления определённого опыта и знаний.

Опыта и знаний, полученных от Бафомета, мне хватало с лихвой. И маны, благодаря сердцу имуги, тоже было в избытке.

А потому, несмотря на боль и превышающую все мыслимые пределы скорость формирования пятого круга, сам процесс прорыва прошёл довольно гладко.

Самое сложное было уже позади. Поток энергии из сердца имуги начал иссякать, его хватило всего на десять процентов шестого круга. Вместе с ним уходила и боль. Спустя минут пятнадцать после прорыва, более-менее придя в себя, я открыл глаза и чуть мутным взглядом осмотрел хранилище Бафомета. Из противоположного угла доносились стоны Линды, её перестройка ещё не закончилась.

Надо мной, пристально взглядываясь в моё лицо, навис Глен. Заметив, что я открыл глаза, он присел передо мной и осторожно положил руку мне на плечо.

— Ты как? Всё в порядке? Я боялся тебя трогать, пока ты прорывался.

Вытащив зубы из деревянной ложки, в которой остались глубокие отпечатки, я, ощущая, как трётся о сухое нёбо шершавый, похожий на наждачку язык, ответил:

— Жить буду. Дай попить.

— Да, сейчас! — он подорвался, сбегал до наших рюкзаков и вернулся с флягой. — Вот, держи.

— Спасибо.

Я припал к горлышку и почувствовал, как течёт в горло живительная влага.

— Ну, могу тебя поздравить с пятым кругом? — довольно усмехнулся Глен.

— Да, — кивнул я. — Ты как?

— Процесс идёт, — пожал он плечами. — пока что рассеялось семьдесят четыре станции.

Значит я провёл в процессе поглощения энергии сердца где-то полтора часа. Быстрее, чем я думал.

Я — старший маг. Усмехнувшись, вызвал свой гримуар. Хотелось проверить, вырос ли автоматически ранг Техники тела Амаг, как это было в прошлый раз при переходе с третьего на четвёртый круг.

Вот только моё прекрасное настроение, вызванное прорывом, испарилось в секунду, стоило мне увидеть оглавление списка заклинаний.

Техника тела Амаг действительно теперь имела пятый круг. Вот только в списке заклинаний над ней и даже над Лемегетоном Агура значилось новое заклинание, которое я точно не “вспоминал”.

[Воля Ардиба (SSS-10)]

На странице заклинания в гримуаре кроме названия могло быть ещё много чего. Маг мог записать описание заклинания, свои размышления, какие-то наработки, мысли, что появлялись в процессе применения. Часто такие вот краткие заметочки в гримуаре в итоге выливались в полноценные труды по магии на многие сотни листов.

Я, правда, не видел в этом особого смысла. Во-первых, это слишком долго, а во-вторых очень велик был шанс, что я использую заклинание для комбинирования и всё, что я напишу, просто пропадёт. Так что из моих заклинаний подобное описание имели только три: Лемегетон, Вегвизир и Идеальный блеск — те, что я получил не из воспоминаний Бафомета.

И вот, теперь было ещё одно. Вот только это описание кардинальным образом отличалось от обычного.

“Дитя, мы были готовы закрыть глаза на твои непочтительность и наглость, помня, что ты — не из этого мира. Однако неподчинение терпеть мы не собираемся. Где бы ни была рождена твоя душа, сейчас ты — житель Хейхи, а значит наш подданный. И отрицание этого, отказ принести клятву верности — богохульство.

Смерть была бы справедливой карой для тебя. Но, подумав, мы решили, что дадим тебе последний шанс. То, что бог Терры отправил в Хейху именно тебя, и то, что именно ты смог заполучить наследие Бафомета, видится нам знаком судьбы. И мы не можем не думать о том, что ты можешь сыграть критическую роль в войне с неведомой угрозой.

А потому мы налагаем на тебя отпечаток нашей воли. У тебя есть три года. По истечение этого срока, если ты не раскаешься и не принесёшь клятву верности нам, тебя будет ждать смерть.

Также смертный приговор будет отменён в случае уничтожения неведомой угрозы. Мы — не зло, и не станем принуждать тебя, если Хейха переживёт этот кризис и положение перестанет быть критическим. Однако даже самые оптимистичные наши провидения не сулят конца войне с Краем в ближайшее десятилетие.

А потому подумай и поступи так, как и полагается истинному жителю Хейхи”.

Просто.

Сука.

Замечательно.

Бог этого мира подсадил в меня бомбу замедленного действия. Либо подчинение, либо смерть. Можно, конечно, избежать незавидной участи, если кто-то грохнет того, кто победил Агура. Но сделать это за три года?

У меня для самого себя была примерно такая же временная планка. Но я собирался за три года получить силу такую, чтобы выжить в грядущей катастрофе, а не чтобы замочить главгада. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, насколько разные это были уровни возможностей. Тут не хватит ни пика уровня архимага, ни всех пяти собранных артефактов Бафомета.

Однако я не собирался вот так просто сдаваться Ардибу на милость. Отказался служить я, понимая, к чему это может привести. И после появления Воли Ардиба в моём гримуаре ничего в этом плане не изменилось. А значит нужно было не жалеть себя и не думать, какой этот бог нехороший, а действовать.

Прикрыв глаза, не обращая внимания на вопросы Глена, я выудил из гримуара контур

нового заклинания и углубился в её изучение. Раз эта бомба стала заклинанием, значит её так или иначе можно было использовать. И то, что я не мог этого сделать сейчас со своим пятым кругом, не означало, что я не мог понять, как это сделать.

Сложность контура Воли Ардиба превышала все разумные пределы. Божественная воля, что поделать. Просто на то, чтобы более-менее разобраться в его структуре, у меня ушло целых четыре часа. А ведь это был даже не процент от всей работы, что ещё нужно было проделать. Всё равно как на первом курсе архитектурного института осознать, что дома состоят из фундамента, стен и крыши.

Прежде чем я смогу полностью расшифровать конструкт божественного заклинания, пройдут недели и месяцы. Ну, главное было уложиться до того момента, пока я не стану архимагом. Потому что в любом случае сейчас что-либо сделать с этой магией я не был способен и даже мой гримуар не показывал, что Волю Ардиба можно скомбинировать.

Вздыхнув, я открыл глаза и аккуратно встал. После поглощения жизненной энергии сердца имуги, хотя я и превратил бóльшую часть в ману, какая-то часть наверняка успела просочиться в тело. И нужно было быть осторожным, чтобы с непривычки не переборщить с силой.

Пока я разбирался с подарочком богов, боль, вызванная насильным прорывом, окончательно улеглась. И, хотя тело и затекло от нескольких часов сидения в одной позе, в целом я чувствовал себя вполне неплохо. А ещё мир вокруг как будто бы стал другим.

Нет, дело было не в том, что я теперь был старшим магом и куда острее воспринимал окружающую ману. Мир изменился физически, однако я никак не мог понять, что именно было не так, пока Глен, до того сидевший рядом с Линдой и поивший девушку из фляги, встал и подошёл ко мне.

— Слушай, а ты вырос! — с удивлением произнёс парень, — и не только рост, вообще в целом...

Теперь я, наконец, осознал произошедшее изменение.

Я смотрел на всё с другого ракурса. Буквально: мои глаза теперь находились сантиметров на семь-восемь выше, и столь резкая перемена воспринималась мозгом как нечто непривычное.

При этом я всё ещё был ниже Глена, но уже совсем ненамного. А ещё теперь я осознал, почему мне так неудобно двигаться. Не только мой рост, но и пропорции тела в целом изменились. Я стал крупнее, и хотя прямо мышц на мне неросло, этого всё равно оказалось достаточно, чтобы одежда начала жать где только можно.

Причину такой трансформации можно было долго не искать. Сердце имуги. Из-за втекавшей в моё тело энергии, в процессе бесконечных умирания и восстановления оно смогло развиваться так, будто прошли многие месяцы.

Правда, это также означало, что физически мне уже было не пятнадцать. Для моего организма будто включили ускоренную в тысячи раз перемотку. Так что это было не какое-то чудесное перерождение. Я буквально вырос, за полтора часа повзрослев на год или два.

Ну, не то, чтобы это было плохо. Всё равно моему разуму в совокупности уже шёл пятый десяток. А если я смогу достигнуть успехов в магии, то и триста лет, как у Одуванчика, не станут пределом. И это уж точно была соразмерная плата за столь быстрый прорыв через стену между четвёртым и пятым кругами.

Кстати об этом. Я повернулся к Глену. От него отчётливо ощущалась аура шестого круга, причём не только-только сформированного, а уже укрепившегося и даже с намёком на

седьмой.

— Ты сколько страниц оставил? — настороженно поинтересовался я.

— Пятьдесят, — он смущённо потёр затылок. — Думал оставить меньше, но потом понял, что от ещё десяти-двадцати страниц особого эффекта не будет. Так что просто довёл до ровного числа.

Пятьдесят страниц в гримуаре на самом деле было довольно маленьким количеством. В отличие от меня, вынужденного обдумывать каждое заклинание, большинство магов просто вписывали в свои гримуары вообще всё подряд, вплоть до банальнейшей бытовой магии. Всё равно их гримуары давали им возможность в любой момент стереть ненужное заклинание.

Количество страниц, что оставил для себя Глен, конечно, всё ещё предполагало довольно обширный арсенал боевой магии. Но при этом мест для небоевых заклинаний оставалось очень мало, и таким выбором он лишал себя многих удобств, к которым наверняка привык.

Уже одно это показывало, насколько серьёзно он относился к предстоящей войне и тому, какую роль в ней должен был сыграть вместе со мной. Так что я получил лишь ещё одно подтверждение того, что сделал правильный выбор, доверившись ему и рассказав обо всём, что знал.

Улыбнувшись Глену и кивнув, я подошёл и присел рядом со спальником Линды. Парень её уже развязал и пила она из его рук не потому, что была спелёната как лялечка, а потому что общая слабость в теле не позволяла ей даже голову самостоятельно повернуть.

Это было нормально. Её тело прошло через фундаментальную перестройку. Было бы странно, если бы после такого она смогла прыгать и скакать как лань. И такое положение по идее должно было продлиться ещё день-два. Только потом организм девушки привыкнет сам к себе и к ней начнут возвращаться силы.

— Как себя чувствуешь? — улыбнувшись и подмигнув ей, я положил руку на мокрый от пота лоб девушки.

Улыбка тут же исчезла.

— Холодно... — прошептала она пересохшими губами.

И верно, она была обжигающе горячей. Я не умел точно определять температуру просто прикосновением, но это тянуло минимум на сорок градусов, если не больше. Вообще было чудом, что она до сих пор находилась в сознании.

Так быть не должно было. Сейчас по идее наоборот, её температура должна была быть пониженной из-за слабости. При том что сам процесс перестройки определённо прошёл успешно. Это можно было понять хотя бы по лицу девушки, с которого пропали все прыщики, шрамики и оспинки, стёртые полным обновлением организма.

— Глен! — услышав напряжение в моём голосе, парень в секунду оказался рядом. — Давно она температурит?

— Считай, с того момента как перестала стонать и трястись, — немного подумав, ответил он. — Я думал, это нормально. Всё-таки по твоему описанию это была не простая пилюля.

Я покачал головой.

— Нет, не нормально. Что-то пошло не так.

В глазах Линды отразился дикий ужас. И я её прекрасно понимал.

Однако в памяти Бафомета не было информации о подобном. Телесная перестройка была редкой практикой, так как необходимые для её проведения реагенты были очень

дороги. Но сама по себе она, хоть и приносила дикую боль, была практически безопасна.

Да, смерти случались. Но либо от той самой боли, когда, к примеру, не выдерживало сердце, либо от, грубо говоря, “аллергии” на реагенты, либо если человек обманывал и ранее пытался практиковать магию. Даже крупица маны в теле при перестройке была чревата фатальными последствиями.

Но если процесс завершился — то никаких осложнений быть не должно было. Тем более у молодого и здорового организма.

— Ты уже нашёл бассейн? — бросил я за спину Глену.

Бафомет, хотя и относился довольно наплевательски к телам, которые занимал, был педантом, перфекционистом и чистюлей. А потому не забыл организовать в жилой зоне тайника небольшой бассейн для помывки.

— Ага.

— Давай её туда, срочно. Одежду долой, чтобы ничего не давило, и сиди с ней, следи, чтобы не отключалась. Если потеряет сознание — зови меня немедленно. Я постараюсь выяснить, что пошло не так.

— Понял, — кивнул парень, поднимая спальник с Линдой на руки и устремляясь к выходу из хранилища.

Чертыхаясь, я бросился к столу, за которым работал над нашими “элексирами”, в процессе оступившись и едва не впечатавшись в него носом. Из-за резко изменившегося роста и возросшей силы, к тому же в такой стрессовой ситуации, сложно было нормально рассчитывать движения.

Первым делом перебрал все реагенты, что использовал для пилюли Линды. Нормально. Ни один не был испорчен и рецепт, что я выудил из памяти Бафомета, я соблюл вплоть до грамма. Если бы тело Линды имело непереносимость какого-то из реагентов, она бы не пережила перестройки. Также перестройке было всё равно на возраст, пол, рост и вес, заболевания и прочее, так что я не мог напутать с дозировкой или что-то в этом роде.

Единственное, что имело действительно большое значение для правильного приготовления пилюли перестройки тела, это...

Сорвавшись с места, я бросился в коридор, налево, в жилую зону, а потом ещё раз налево. Выбив ногой дверь к бассейну, я, наплевав на всё, прыгнул в воду прямо в одежде и уже через пару секунд оказался рядом с Гленом, бережно поддерживающим голову Линды над водой.

— Ты знаешь, кто твои родители? — я навис над Линдой, поймав пристальный взгляд её заплаканных глаз.

— Они... погибли... давно...

— Плевать! Кто они? Люди? Оба?

На её лице отразилось недоумение.

— Конечно...

— Бабушки? Дедушки? Прадеды? Прабабки? Знаешь что-нибудь о них?

— Почти... ничего...

— Ну, давай, вспоминай! Любые мелочи! Истории, какие-то старые рассказы, возможно картины. Кто они были, откуда? Вспоминай!

С учётом того, насколько сейчас Линде было плохо, я, наверное, был слишком уж резок и напорист. Но, положив руку ей на лоб, я почувствовал, что, несмотря на довольно прохладную воду, Линда продолжала гореть. Времени было катастрофически мало, ведь мне

ещё нужно было придумать, как исправить ситуацию.

Секунды тянулись медленно-медленно, пока девушка перебирала неповоротливые из-за слабости и горячки мысли. Я ждал, весь дрожа от нетерпения, но теперь уже не решаясь её подгонять. И она всё-таки вспомнила.

— Моя прапрабабушка... она была... с Варии... с северного... побережья...

Так же стремительно, как нёсся сюда, я выскочил из воды и поспешил обратно в хранилище.

Перестройка могла пойти не по плану в единственном случае. Если человек, который принимал пилюлю, не был человеком. Оба родителя Линды были людьми, по крайней мере никто не смог заподозрить в них иное. А значит дело было в ещё более старших поколениях.

Прапрабабка — это пятое поколение семьи, всего лишь одна шестнадцатая доля нечеловеческой крови, если не меньше. Но для перестройки даже это было важно. Я просто не подумал о том, что у девушки, всю жизнь прожившей в нижних районах Вирсавии, в предках могли оказаться нелюди.

Конечно, эта наводка от Линды могла оказаться и ложной. Однако это, похоже, была единственная зацепка, что она могла дать. И времени на раздумья не было. Либо мне удастся исправить ситуацию, либо Линда через пару часов впадёт в кому, из которой уже не выйдет.

Второй вариант, впрочем, не рассматривался вовсе. Я не имел права ошибиться. Не после того, как затянул девушку в свои похождения и пообещал ей лучшую судьбу. А потому незамедлительно приступил к изготовлению “корректора”, который должен был исправить эффект пилюли.

Куда проще было бы, если бы прабабка Линды оказалась с Халлы. Тогда не было бы почти никаких сомнений: она была бы эльфом. Однако девушка сказала: “Вария”, а на этом огромном континенте обитало больше десятка разных разумных рас.

Допустим, кое-какие расы, слишком отличающиеся от людей физиологически и потому не способные заводить общее потомство, можно было отбросить. Но оставалось всё равно семь или восемь народов.

Однако была ещё одна наводка: северное побережье. И, хотя я не мог ни за что ручаться, в этой азартной игре я был готов поставить на то, что, как говорится, прапрабабка Линды согрешила с водолазом. То есть была, полностью или частично, русалкой.

Процесс создания “корректора” занял почти час. И, когда я уже был почти готов приступить к финальному синтезу, дверь в хранилище хлопнула, едва не сбив мою концентрацию и не похерив весь процесс. Я знал, что Глен собирался сказать. Линда потеряла сознание.

К счастью, через пять минут у меня уже всё было готово. Вдвоём мы поспешили обратно и, склонившись над девушкой, которую Глен вытащил на “берег”, я вложил пилюлю ей в губы, протолкнув Телекинезом дальше. Теперь оставалось только ждать.

Прошёл час, второй. Температура не спадала, но и расти вроде как перестала, что было хорошим знаком. А когда ещё через три часа Линда наконец-то открыла глаза, стало понятно, что моя ставка сыграла.

— Я?... — она с неверием и радостью во взгляде посмотрела на меня, потом на Глена.

Мы уже перенесли её обратно в хранилище, снова уложив в спальник. К сожалению, кровать в жилой зоне уже давным-давно превратилась в труху.

— Всё будет хорошо, — кивнул я. — Напугала ты нас, конечно. Чего не сказала, что бабка была русалкой?

— Что?!.. — она сама явно была шокирована этой новостью.

Ну, и не удивительно, русалки были не только очень малочисленной, но и очень замкнутой расой. Даже те, кто специально отправлялся на Варию, чтобы отыскать русалок, мог ни разу на них не наткнуться. Что уж говорить о том, чтобы завести с русалкой семью и родить ребёнка. Однако то, что мой “корректор” сработал, говорило само за себя.

— Да, вот так вот. Ну, главное что выяснили.

— А это... никак... не повлияло?..

— На перестройку? Нет. К тому же, вероятно, кровь русалок даст тебе дополнительные преимущества. Так что тебе остаётся просто отдыхать. На сроки возвращения уже плевать, отправимся обратно когда ты будешь себя нормально чувствовать.

— Хорошо, спасибо...

— Не за что. Отдыхай.

* * *

В путь мы выдвинулись через два дня. Линде уже стало намного лучше, и хотя нормально ходить девушка пока не могла, общее её состояние уже не вызывало никаких вопросов.

Вернувшись в залу с так и лежащей разбитой статуей, мы с Гленом на пару быстренько разнесли каменную стенку, преграждавшую путь наружу, с новыми силами это было куда проще. А потом двинулись в обратный путь вверх по лестнице.

Где-то за двадцать метров от поверхности впереди показался тупик. Земля, после того, как мы спустились, сама собой закрыла и замаскировала проход. Но с этой стороны замок не был никак замаскирован и было проще простого активировать на нём Сигил. Так что тратить ещё двое суток на то, чтобы выбраться, не потребовалось.

А, оказавшись на поверхности, мы дождались, когда вход в тайник снова закроется — и устремились в сторону Вирсавии. Мои две недели отпуска заканчивались послезавтра и стоило поспешить, если я не хотел опознать и получить нагоняй от старейшины Вейса.

Вот только вовремя добраться до Башни Магии нам не дали.

Шёл второй день нашего спешного возвращения.

Благодаря тому, что я теперь был старшим магом и мог использовать накачку, Телекинез, оставшийся на третьем круге, теперь можно было использовать намного эффективнее. Так что за предыдущие неполные сутки мы преодолели такое же расстояние, какое на пути к тайнику потребовало двух дней.

А потому вернуться в Башню Магии к сроку должно было оказаться вполне реально. Если бы мы поднажали — оказались бы в Вирсавии уже сегодня, пусть и затемно.

И я уже раздумывал над тем, что лучше: вернуться за день до окончания срока, или всё-таки не торопиться и заночевать в дороге. Однако принять решение на этот раз мне не удалось.

Некое шестое чувство, чуйка на опасность, отчасти доставшаяся в наследство от Бафомета, а отчасти выработанная в постоянном ожидании подвоха от каждого встречного обитателя Башни Магии, сообщила, что что-то не так.

В первое время ощущение было очень слабым и я даже списал его на паранойю. Однако с каждой минутой чувство сверлящих мой затылок глаз лишь усиливалось. И через десять минут я подал Глену знак остановиться.

— Что такое?

Он уже настроился на долгий молчаливый полёт, на таких скоростях нормально разговаривать было сложно, и неожиданная пауза явно немного выбила его из колеи.

— Пока не знаю... — протянул я, опуская Линду на землю под небольшим, стоящим на обочине дороги деревцем. — Подождём тут какое-то время. Вещи не разбирай, это не привал, и держись настороже.

— Понял, — кивнул Глен, скидывая с плеча лямку и ставя рюкзак рядом девушкой.

Он, похоже, уже окончательно признал мой авторитет и даже не пытался возражать. Тем более когда у меня было такое напряжённое и недовольное выражение лица.

Я тем временем тоже снял очень тяжёлый из-за золота рюкзак, и, покопавшись в нём, достал перевязь с револьверными обоймами. Пока мы ждали, когда Линде полегчает, я, разумеется, не прохладился. Успел не только наклепать ещё около двух сотен патронов, но и значительно улучшить револьверы, фактически создав их заново из имевшихся в хранилище редких и по всем параметрам превосходящих сталь металлов.

Мифрила в закромах Бафомета, к сожалению, не нашлось. Но был ориалх, тоже довольно ценный металл, что самое важное, обладавший огромной тугоплавкостью и точно не повредившийся бы от жара Взрывного дыхания.

К тому же, пока что в виде эксперимента, но я доработал один из револьверов. И если эксперимент окажется удачным, моим потенциальным противникам точно не поздоровится.

Увидев револьверы, Глен нахмурился и, призвав свой ставший заметно уже гримуар, создал вокруг Линды купол ветряной защиты. Я молча кивнул, одобряя этот шаг. Я сам, к сожалению, подобные статичные барьеры создавать не мог, у меня не было заклинаний, что не были бы завязаны на прямом контроле. И предусмотрительность Глена была очень кстати.

Тем более потому, что отвратительное чувство надвигающейся угрозы не утихало. И вскоре стало понятно, что это — не просто паранойя.

Впереди на дороге показались несколько человеческих силуэтов, приближавшихся к нам на внушительной скорости. Судя по тому, что они просто неслись где-то в метре от земли, это определённо были маги.

И даже если после встречи с Бафометом я и начал верить в невероятные совпадения, сейчас это определённо было не оно. Спустя несколько секунд они уже остановились напротив нас, не произнеся ни слова.

Семеро. Четверо — пятый круг, один — шестой, и двое — седьмой. Внушительная сила на любой войне, способная, в отсутствие высших магов, решить исход целого сражения. И судя по сверлящим меня взглядам, я им явно не нравился.

— Разве в докладе не было, что он — на четвёртом круге? — поинтересовался у седьмого круга один из пятых, самый молодой, лет, возможно, двадцать пять, и, похоже, самый неопытный.

— Было, — кивнул седьмой круг, уже седеющий мужчина с вытянутым, как у лошади, лицом и жиденькими усиками под носом, не сводя с меня взгляда.

— Да и выглядит он старше... — поддакнула второй седьмой круг в их отряде — невысокая пухленькая пышечка с длиннющей косой, закинутой на грудь и спускающейся до самого пупка.

— Вы меня явно знаете, — произнёс я, грозя неприятным незнакомцам револьвером. — А вот я вас — нет. Может быть представитесь, чтобы мы были в равных условиях?

— Мальчишка, ты — Алистер-уборщик из Башни Магии?

— Нет, — покачал я головой и махнул себе за спину, — он вон туда побежал.

— Не шути со мной остроухое отродье! — тут же взвился седьмой круг. — Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь?!

— Я тебя первым делом спросил, кто вы такие, — огрызнулся я. — А ты не только не ответил на мой вопрос, но и задал свой, ответ на который и так знал. Скажи честно, дядя, ты идиот?

На дух не переносил таких вот высокомерных аристократических снобов. А в том, что эта компашка имела прямое отношение к дворянству, я не сомневался ни капли.

— Мальчик, — шагнула вперёд пышечка, жестом останавливая уже готового взорваться лошаделицого. Тот, как ни странно, её послушался, кивнул и весь как-то сразу немного сдулся. — Мы — маги семьи Фериа. И нам приказано доставить тебя к Его Светлости, так что в твоих же интересах не сопротивляться.

А, теперь было понятно, откуда ноги росли. Фериа — семья Валентайна, чуть не прикончившего меня лидера Посохов и носителя неведомой хреновины из-за Края.

Вообще по идее я в той ситуации был жертвой минимум на девяносто процентов. Но герцогский мозг явно не был способен уяснить, что в произошедшем с его сыном может быть виноват сам Валентайн, а не кто-то другой. Уверен, за эти две недели он и Башню Магии знатно раскачали. И только после того как поняли, что детище Агура им не по зубам, решили нацелиться на меня напрямую.

— Надеюсь, Его Светлость хочет видеть меня для того, чтобы выплатить мне моральную компенсацию за то, что младший герцог Валентайн меня едва не прикончил?

На этот раз бомбануло уже не только у лошадиного лица. Почти из всех в этом небольшом отряде, не считая всё той же пышечки и ещё одного мага — хмурого высокого мужчины с неаккуратной копной грязно-серых волос, спадающих на лицо, на меня полился поток брани.

“Да что ты себе позволяешь?!..”, “Ты — остроухий ублюдок!..”, “Как ты только посмел произнести имя младшего герцога своим грязным ртом?!..” — ну и так далее. Высокомерие и гордыня, как, впрочем, и многие другие пороки, были не слишком оригинальны.

Однако то, что они, даже после таких моих слов всё ещё не попытались применить силу, походя на лающих из-за забора псов, говорило о многом. Я в любом случае не собирался их слушаться, оказаться в логове врага было в сто раз хуже, чем встретиться с ним посреди пустого поля. И потому решил проверить, как далеко смогу зайти, прежде чем у этой семёрки выйдет терпение.

Очевидно, зайти я мог достаточно далеко, то есть Его Светлости я нужен был живой. И вот вопрос: для чего? То ли чтобы самолично меня запытать до смерти, то ли папанька Валентайна всё-таки был адекватным и хотел просто поговорить.

Я, конечно, больше верил в первый вариант, но на самом деле и второй не стоило совсем забывать. В конце концов, даже среди дворян встречались совершенно нормальные люди — Глен тому примером. Однако, опять же, в любом случае идти с ними, добровольно забираясь в пасть тигра, я не собирался.

— Алистер, — дождавшись, пока её спутники более-менее успокоятся, продолжила пышечка. — Мы не знаем, что хочет от тебя Его Светлость. Но это — в любом случае не те вещи, которые должны интересовать тебя. Тебя хочет видеть герцог Вирсавской империи. Твоя обязанность, как жителя империи, склонить голову и подчиниться воле Его Светлости. Если бы Его Светлость не приказал привести тебя целым и невредимым, за такое оскорбление Его и Его воли тебя ждало бы суровое наказание. Я понимаю, что ты, как слуга, не знаешь всех правил. И объясняю тебе это сейчас так, чтобы ты осознал, в какой ситуации находишься. Так что впредь не говори ничего подобного и послушно исполняй то, что от тебя требуется.

Даже не знаю, чего мне в этот момент хотелось больше. Похвалить её за то, как терпеливо и вдумчиво она пыталась мне втолковать, почему я не прав и должен склонить голову и подчиниться, или в лицо плюнуть?

К счастью, за меня эту дилемму решил Глен.

— Ал — официальный студент академии Башни Магии, — холодным тоном произнёс он, подходя ко мне и кладя руку на плечо. — По закону Вирсавской империи любой студент академии на время обучения получает статус официального члена Башни Магии. А значит никто, кроме императорского двора и самой Башни Магии не может отдавать ему приказы, судить и выносить приговоры. К тому же покровителем Ала стал сам Олдред Тёрнер. У вас есть разрешение от Башни Магии и лично от архимага Тёрнера, дающее вам те же полномочия в адрес Ала?

— А ты ещё кто такой? — нахмурившись, спросил седьмой круг.

Официальным Посохам не требовались никакие разрешения и пропуски, чтобы покидать Башню Магии в любое время и на любой срок. Лишь бы на экзаменах они продолжали показывать выдающиеся результаты и в редких случаях исполнять официальные предписания учителей и старейшин.

А потому о том, что Глен решил отправиться со мной в путешествие вряд ли знали многие. Да, он исчез из Башни Магии в то же время, что и я. Но он мог просто отправиться домой для реабилитации после серьёзных ран, и это выглядело куда правдоподобнее, чем двухнедельная экспедиция вместе с недавним уборщиком-полуэльфом.

Семёрка магов Фериа отслеживала меня, судя по неприятному чувству, с помощью

какой-то магии, а не по старинке — глазками. И о Глене они, похоже, не успели навести справки. Что же, это была их большая ошибка.

— Я — Гленн Гесс, третий сын семьи Гесс, — не пытаясь выпендриться и козырнуть своим именем, просто проинформировал он их. — И мне будет очень интересно послушать, как вы будете рассказывать ту же историю о необходимости послушно исполнять ваши приказы старейшинам Башли Магии.

На лицах шести из семи магов, в том числе и на лице пышечки, появилось выражение крайнего недовольства. Лишь взъерошенный остался индифферентным, его, кажется, ничто не могло расшевелить.

Графский титул был ниже герцогского. Но вообще-то они герцогами и не были, просто работали на герцога. А вот Глен был настоящим дворянином, и разумеется был куда выше их по статусу.

И выходило, что эти семеро не только не проявили должного уважения к юному графу, не только позволили себе крайне неуважительные выкрики в его присутствии, но и подтвердили, что собирались нарушить правила Башни Магии и, фактически, выкрасть меня среди бела дня во имя исполнения воли Его Светлости.

Если бы Глен действительно сообщил обо всём этом старейшинам, даже семья Фериа не смогла бы отделаться так просто. А саму эту семёрку, которую скорее всего сделали бы козлами отпущения, ждало бы суровое наказание. То самое, что мне пообещала пышечка, если не суровее.

И, естественно, что-либо делать с самим Гленом, чтобы скрыть свои преступления, они тем более не могли. Карой за покушение на жизнь дворянина была смертная казнь без права на помилование.

Теперь мне было даже интересно посмотреть, как они будут выкручиваться из этой ситуации. Однако, пока они не начали оправдываться, мне нужно было узнать кое-что.

— Как вы нас нашли?

Лошадиное лицо хотел выдать очередную высокопарную хрень, но суровый взгляд Глена из-за моего плеча явно отрезвил мага.

— Заклинание обнаружения. Мы начали преследование через три дня после того, как вы покинули Вирсавию и собирались нагнать вас за двое суток. Но в какой-то момент заклинание дало сбой и мы не смогли заново найти след. Так что пришлось остановиться и ждать, когда вы будете возвращаться.

Так, это логично. Зона, в которой находился тайник, должна была экранировать любые поисковые чары, в ней даже Вегвизир прекратил нормально работать. Так что не удивительно, что мы пропали с радаров, как только вошли в заветную область. Дальше.

— Что там с Валентайном? Он пришёл в себя?

— Последний раз мы связывались с особняком позавчера, — скривившись, будто жрал целиком лимон, ответил лошаделицый. Ему явно было отвратительно отвечать на мои вопросы, но угроза в лице Глена не давала ему держать язык за зубами. Тем более что я на самом деле не спрашивал ничего прямо секретного. — Молодой господин всё ещё был без сознания, но его состояние с каждым днём улучшается.

Ну, это была хорошая новость. После того, как Валентайн придёт в себя, старейшины наверняка смогут получить от него информацию о том, где и как он встретился с неведомой хренью из-за Края.

— Вы правда не знаете, что от меня хочет Его Светлость?

— Не знаем, — покачал головой лошаделицей. — Нам было приказано найти тебя и привести к Его Светлости, по максимуму избегая применения силы.

Я нахмурился. Вот это уже было странно.

Одно дело — привести живым и в относительно целом состоянии, чтобы получить от меня какие-то сведения или запытать с нуля самому. Но “по максимуму”? Зачем я нужен был герцогу Фериа в идеальной форме без синяков и шрамов?

Как бы я ни относился к аристократии, но даже я сам был готов признать: если из-за какого-нибудь парня мой сын оказался бы на две с лишним недели прикован к кровати, я бы вряд ли стал думать о безопасности этого парня, когда разыскивал бы его для разборок. Меня будто хотели видеть в качестве дорогого гостя, а не в допросной или на разделочной доске.

И тем более странно это было с учётом разницы в наших с Его Светлостью статусах. Я, конечно, хотел видеть адекватную аристократию, не думающую о простых людях, как о муравьях, но это уже было просто неправдоподобно.

Если только Его Светлости требовались не месть и не правдивые ответы на вопросы, а я сам. Моё, Алистера, тело, целое и невредимое.

По спине пробежали мурашки. Нет, разумеется ни о каких извращениях речь скорее всего не шла. Если у Его Светлости и были какие-то такие наклонности, удовлетворить их можно было и без привлечения к делу отряда из семи старших магов.

Куда более вероятным казался вариант, при котором герцога заинтересовали уже явно далеко распространившиеся новости о снизошедшем на меня благословении Агура.

Правда, это всё равно было слишком притянуто за уши. Ну не верилось мне, что человек вроде Его Светлости, даже ради благословения царя мудрости, всерьёз отправит за мной отряд магов, рискуя испортить отношения с Башней Магии и тем более с Одуванчиком.

Куда логичнее для него было в первую очередь испробовать все более-менее адекватные официальные пути. Как минимум — прислать ко мне в Башню Магии кого-то типа вербовщика, чтобы попытаться переманить свою сторону, извинившись за ситуацию с Валентайном и пообещав компенсацию. Это и то было бы и дешевле, и не так било бы по репутации герцога, чем эта втайне высланная семёрка.

Только если...

В мыслях Его Светлости изначально не было вариантов идти по официальным путям. А самой логичной причиной для герцога Фериа использовать незаконные методы для моей поимки, была неведомая хрень, отправившая его сына в кому.

Сделав шаг вперёд, я встал ровно между семью магами и Гленом с Линдой.

— А вам что-нибудь известно о том, как именно Валентайн впал в беспамятство? К примеру о том, что перед этим он обезумел, попытался убить меня, и при этом его мана резко выросла почти на круг, а кожа посерела, как у покойника?

Шестеро магов с недоумением начали переглядываться между собой, их явно сбили с толку мой резко изменившийся тон и довольно странная постановка вопроса. И от того в образовавшейся тишине стал только отчётливее и жутче тихий, булькающий смех растрёпанного мага, того самого, что до сих пор не произнёс ни слова.

— Ты уже обо всём догадалось, дитя? — проговори он низким, рычащим голосом, и, когда поднял голову, на меня уставились два полностью красных, будто налитых кровью, глаза на пепельно-сером лице.

И в ту же секунду остальные шестеро магов задрожали, будто в лихорадке, а их ауры

начали стремительно разрастаться.

— Хватай Линду и бегите отсюда! — рявкнул я Глену, разряжая в магов обойму правого револьвера. — Иначе мы все сдохнем!

Пистолеты из ориалха, в полтора раза более прочного и вдвое более тугоплавкого, чем сталь, металла. Взрывное дыхание плюс Телекинез, усиленные накачкой, а после зафиксированные зачарованием внутри гильз из особой серебряной латуни. На свинцовых пулях — Взрывное дыхание, закреплённое, а также “раздутое” Младшим зачарованием четвёртого круга.

В моих руках, искусно замаскированная под револьверы, таилась пара самых настоящих гранатомётов, каждый выстрел из которых оборачивался огромной, диаметром в пару метров, огненной вспышкой. Однако для того, чтобы справиться с отрядом старших магов этого всё-таки оказалось мало.

Когда пламя опало, я увидел только трещины в широком ледяном щите, выросшем на пути пуль. А потом они атаковали в ответ.

На меня обрушился шквал из заострённых до бритвенной остроты сосулук; посреди тёплого, несмотря на осень, дня, поднялся самый настоящий буран; по земле в мою сторону рванулась ледяная дорожка, из которой вырастали длинные иглы инея, одно соприкосновение с которыми сулило разорванное в локуты мясо и обморожение неслабой степени...

Похоже, водные и ледяные заклинания были профилем семьи Фериа. И при этом они определённо не впали в безумие, как Валентайн, потому как продолжали держать щит и атаковать из-за него. Я использовал Телекинез и Взрывное дыхание, которые теперь мог делать куда сильнее накачкой, чтобы уворачиваться и обороняться от большинства атак, продолжая отстреливаться.

Но при этом понимал, что этого было мало. Я своими выстрелами мало что мог сделать с их защитой, тогда как сам танцевал на грани жизни и смерти, на считанные сантиметры уворачиваясь от некоторых заклинаний. Только благодаря жизненной энергии, пропитавшей моё тело, ускорившей реакцию и обострившей чувства, я до сих пор оставался жив.

У меня, конечно, ещё были козыри в рукаве. Но и у моих врагов они тоже наверняка были. И для начала я должен был дождаться, когда их количество уменьшится.

Две с хвостиком недели назад я убежал от Валентайна, понимая, что не смогу ничего ему противопоставить. Тогда разница между нами была в три круга. Сейчас даже сильнейший из моих врагов превосходил меня “всего лишь” на два круга. Но их было семеро.

А ещё я не мог просто развернуться и дать дёру.

В радиусе нескольких десятков километров от этого места не было ни единого жилья. И с учётом того, что теперь эти ребята умели нормально думать, они бы точно прочухали, что куда проще не гнаться за мной, а поймать Глена с Линдой и шантажировать меня их жизнями.

Однако с другой стороны, и оставлять ребят рядом было нельзя. Если бы Линда была в нормальном состоянии, Глен бы ещё мог мне помочь. Но пока девушка оставалась так слаба, её защита стала бы для меня, да и для него, якорем, не дающим разгуляться по-настоящему.

Выходила двоякая ситуация, из которой существовал только один выход. Убедить врага, что я сам никуда не денусь, продолжу противостояние здесь, чтобы он решил воспользоваться моей очевидной слабостью. Как бы мне этого ни хотелось, я сделал всё, чтобы произошло именно это. И, наконец, дождался заветных слов.

— Догоните тех двоих! — раздался из-за спин магов голос красноглазой твари.

Похоже, монстр всё-таки понял, что быстро и безболезненно схватить меня у них не получится — и надо использовать альтернативные пути решения проблемы. Так что спустя пару секунд после его приказа от группы отделилось три фигуры — и бросились вслед за моими друзьями.

Прикусив до крови губу, я подавил секундный порыв устремиться наперерез. Нельзя было мой бой переносить туда, где сейчас находилась Линда. Я должен был довериться Глену. Он справится. Тем более что за ним отправились, опять же, “всего лишь” один шестой круг и два пятых.

Лошадиное лицо и пышечка с седьмым кругом, один пятый круг — тот самый молодой маг, спросивший про несоответствие количества моих кругов, и, собственно, сам красноглазый, остались со мной. Не то, чтобы это кардинальным образом улучшило ситуацию.

Но этого оказалось достаточно, чтобы я смог задуматься о контракте.

Из-за пояса был выхвачен и наставлен на четвёрку левый револьвер. Он был больше правого, тяжелее и длиннее, с необычной по форме рукоятью, будто бы обхватывавшей мою ладонь, и очень широким, будто под патроны винтовки, дулом. А всё потому, что внутри этого револьвера, слитый с земным оружием, находился Жезл Воссоздания.

Эта идея пришла мне в тот же момент, когда я взял жезл в руку. Менять оружие я не хотел, мне нравились созданные мной револьверы. А потому, раз я собирался заполучить и левую, и правую длани и для использования всех этих предметов мне понадобилось бы четыре руки, я подумал, что было бы логично объединить два оружия в одно.

Это оказалось проще, чем я думал. Основную функцию в Жезле Воссоздания играл, собственно, сам жезл — тридцатисантиметровая металлическая палка, в которую Бафомет и поместил все свои невероятные наработки по алхимии. Ни украшающая его змея, ни тем более “длань” не играли особой роли, выполняя в основном декоративную роль.

Ну, допустим благодаря тому, что “длань” сама собой смыкалась на руке, что держала жезл, он не должен был выпасть из пальцев мага в бою. Но нормально орудовать револьвером с такой прихваткой было максимально неудобно, а благодаря Технике тела Амагт моей силы было вполне достаточно, чтобы точно ничего не потерять и не выронить.

Совсем я её, правда, не выбросил. В качестве своеобразной дани уважения Бафомету превратил в защиту для пальцев. А сам жезл вплавил в револьвер вдоль всего ствола.

И патроны для него тоже были особенными. Не просто свинцовая пулька с нанесённым зачарованием, а заключённая в капсулю смесь нескольких реагентов из тех, что нашлись в тайнике. Из-за большой сложности создания и относительно небольшом количестве необходимых компонентов мне удалось создать только двадцать таких патронов против двухсот обычных.

Однако каждый выстрел из Револьвера Воссоздания (над пафосным именем для такой невероятной пушки нужно будет ещё подумать) действительно стоил десятка обычных, если не больше.

Отдача даже меня хорошенько так пихнула в руку, обычному человеку повезло бы остаться без вывиха или перелома. А в следующее мгновение щит, которым закрывались маги, просто смело с места колоссальным взрывом.

Алхимия была нужна не только для того, чтобы создавать мистические реагенты, разрушающие страницы чужих гримуаров или превращать свинец в золото, а воду в вино.

Изобретённая Бафометом магия в первую очередь изучала превращения одних элементов в другие. И в основе всех этих превращений было два процесса.

Разложение и Воссоздание.

Невозможно было превратить дерево в камень, если дерево останется деревом. Сначала нужно было “разложить” дерево такие “кирпичики”, из которых потом можно было “воссоздать” камень.

Меня, как землянина, тут же тянуло начать объяснять всё это с точки зрения классической физики. Мол, сначала раскладываем молекулы дерева на атомы, а вернее даже на протоны, нейтроны и электроны, а потом воссоздаём молекулы гранита или чего бы то ни было ещё.

Однако алхимия Бафомета к привычной мне физике не имела почти никакого отношения. Более того, с точки зрения точных наук она не должна была работать в принципе.

Потому что, во-первых, “кирпичики” для любого превращения были разными. То есть для превращения дерева в камень и для превращения дерева в стекло нужно было использовать разложение по-разному и получать разные “кирпичики”.

Во-вторых, “кирпичики”, промежуточное состояние вещества между разложением и воссозданием, могло выглядеть совершенно по-разному. И порошком, и жидкостью, и газом, и липким желе, и резиновой массой, и железобетонным слитком. При этом ни одно из таких промежуточных состояний не было каким-то конкретным химическим элементом или их набором, а при неправильном хранении они довольно быстро “портились”, превращаясь в совершенно случайное реальное вещество.

И в-третьих, и это было самое чудесное, смешивание разных “кирпичиков” могло давать совершенно невероятные и непредсказуемые на первый взгляд результаты. То есть смешав “кирпичики” дерево-камень и вода-стекло, можно было совершенно неожиданно получить “кирпичики” медь-сера. Отсюда и появление таких невероятных вещей, как пилюля телесной перестройки.

На первый взгляд это казалось каким-то бредом, но на самом деле алхимия, как и химия, была очень точной наукой. Единственной разницей было то, что работала она в первую очередь не с атомами и молекулами, а с тем, чего на Земле в принципе не было — с маной.

Разложение, то есть превращение материала в те самые “кирпичики”, мне было пока что недоступно. Однако с помощью имеющихся реагентов через жезл, теперь ставший частью моего револьвера, я мог проводить воссоздание, превращая кирпичики в то, что мне было нужно.

А нужны мне были максимально мощные взрывы. И, благодаря эффекту неожиданности, первый же выстрел из левого револьвера обернулся первыми потерями в рядах врага.

Из-за пламени, продолжавшего полыхать даже на осколках ледяного щита, и тучи пара, вызванного столкновением льда и огня, я почти ничего не видел. Однако аура мага пятого ранга почти полностью затухла, а это означало, что выстрел был достаточно успешен.

К сожалению, эта аура не принадлежала красноглазому. Но, так или иначе, сокращение числа врагов было приятной новостью. Вот только после того, как я раскрыл свой козырь, красноглазый, похоже, решил, что нет смысла прятать свой.

Я ощутил мощную вспышку энергии, почти что превышающей возможные для седьмого

круга лимиты. А через секунду из облака тумана на меня рванули три силуэта, уже не принадлежавших людям.

Лошадинолицый стал выше и тоньше, руки опускались до колен, а огромные кисти с длинными когтями стали походить на садовые вилы. Его кожа покрылась мерзкими даже на вид наростами, напоминающими грибы-паразиты на деревьях. Нос пропал, будто бы слившись с челюстью и искривив лицо до полнейшего уродства, как у него была самая запущенная форма заячьей губы в мире. Волосы почти все выпали, оголяя искривлённый бугристый череп, а в ставших огромными красных глазах виделась лишь дикая жажда крови.

Пышечка, напротив, стала ещё шире, её руки и ноги стали заметно короче, а прорвавшие одежду в сотнях мест иглы, тонкие и острые даже на вид, завершили превращение довольно милостивой женщины в нечто наподобие морского ежа. Объятыя с ней теперь сушили не мягкость и сочность, а кучу дыр по всему телу. Её лицо изменилось меньше. Черты просто расплылись, будто воск на отекающей свечке, однако в глазах полыхала всё та же жажда убийства.

Последний, маг пятого круга, подбитый моим выстрелом, почти не изменился. Да и вообще он явно находился на грани смерти: половина тела была обуглена до костей, одежда вплавилась в тело, волосы сгорели. Если бы не приказ красноглазого об этой жуткой трансформации он, наверное, даже встать с земли не смог бы от боли. И я довольно быстро вывел его из строя всего лишь парой выстрелов из правого револьвера.

Я не знал, сами ли эти люди выбрали подчиниться дряни из-за Края, или это было чем-то вроде захвата тел. Но, так или иначе, мне было искренне жалко этих троих. Возможно, они были слишком высокомерны, возможно собирались пойти на, фактически, похищение человека, возможно служили не тому господину. И если бы мы всё-таки вступили в схватку и я убил кого-то из них, я бы точно не стал горевать ни по кому из них.

Но я бы точно не сказал, что они заслуживали ТАКОЙ участи. Потерять человеческий облик, человеческое естество, даже рассудок... вряд ли для них существовала обратная дорога. Испытать подобное на себе я бы точно не хотел. Убить их теперь было бы даже милосердно.

Вот только сказать было куда проще, чем сделать.

Пока они прятались за щитом и поливали меня заклинаниями издалека, я умудрялся очень неплохо уворачиваться и блокировать атаки за счёт навыков и нечеловеческих рефлексов. Но теперь, когда троица перешла на ближний бой, мне с моими револьверами пришлось реально туго.

При этом они продолжали применять магию, мощь которой стала лишь ещё больше. Из-за огромного разрыва между седьмым и восьмым кругом до уровня высших магов лошаделиций и пышечка всё равно не дотягивали даже близко. Однако каждый из них поднялся выше, чем даже теоретически мог любой маг седьмого круга.

Спасало меня лишь то, что арсенал у них упал до всего двух-трёх заклинаний.

Лошаделиций атаковал ледяными волнами, каждая из которых покрывала десятки квадратных метров земли и создавал вокруг себя снежные вихри, каждая снежинка в которых резала будто маленькое лезвие. А также, покрывая льдом свои руки, набрасывался на меня как бешеная псина. И мне совершенно не хотелось узнавать, что будет, если его когти всё-таки коснутся моей кожи.

Пышечка же безостановочно, будто пулемёт, поливала меня сотнями заострённых сосулков, а воздух вокруг неё аж скрипел от невероятного мороза, доходившего, по моим

оценкам, до минус семидесяти-восемидесяти градусов. Ну и, разумеется, тоже норвила сблизиться и нанизать меня на покрывающие её тело иглы.

Это, надо сказать, был довольно удачный тандем. Если бы они были более изобретательны, а не просто закидывали меня десятками заклинаний, я бы точно не выдержал. К моему счастью, похоже, чем дальше заходила та дрянь, что меняла их тела, тем меньше в них оставалось разума. Благодаря чему я умудрялся держаться.

Однако целым мне оставаться удавалось совсем недолго.

Уже через пару минут на моём теле появились десятки порезов от снежинок лошадиного, в левых бедре, боку и плече засели шесть или семь тонких сосулек, не желавших растворяться даже от жара Взрывного дыхания, а правый бок и вовсе потерял всякую чувствительность после того, как туда всё-таки достал длинный покрытый инеем коготь.

К тому же, несмотря на всё ту же огненную магию, которую я призывал уже не из зажигалки, а из взрывов пистолетных пуль, я ощущал как с каждой секундой всё больше и больше коченею. Изо рта валил пар, пальцы отказывались нормально слушаться и вовремя нажимать на курки, а плотка и лёгкие от того, что приходилось вдыхать поочерёдно ледяной и обжигающе горячий воздух будто были иссечены тысячами взмахов бритвы.

Мои противники также не остались без увечий. Обычные выстрелы правого револьвера они просто игнорировали: жуткая метаморфоза настолько укрепила их тела, что даже от прямых попаданий они просто отшатывались и болезненно взрыкивали.

Однако выстрелы левого револьвера, слитого с Жезлом Воссоздания, не имели права воспринимать несерьёзно даже высшие маги. И, истратив уже половину имевшихся патронов, я добился того, что лошаделицей потерял левую руку ниже локтя и получил сильнейший ожог правой стороны тела. А пышечка после прямого попадания и вовсе лишилась всех игл на животе, в котором теперь зияла дыра до самых внутренностей шириной с мою голову.

Вот только несмотря на то, что тяжесть их ран определённо была куда больше, чем у меня, не было даже намёка на то, что эти двое теряют силы или хотя бы устают. Напротив, они с каждой минутой начинали атаковать меня лишь с большей дикостью. И ни оторванная рука, ни обугленное до костей мясо, ни даже вываливающиеся наружу кишки — ничто, казалось, не могло их остановить.

Я знал свою главную слабость. Несмотря на то, что я достиг уже пятого круга маны, большинство моих заклинаний кроме Техники тела Алат, всё ещё относились к арсеналу младшего мага.

Взрывное дыхание, самостоятельно эволюционировавшее до четвёртого круга, на пятый переходить отказалось. Видимо комбинацией я сломал свойство бесконечного роста, которое оно имело изначально. А Телекинез был магией и вовсе всего третьего круга.

И хотя накачка немного компенсировала это, для сражения с магами седьмого круга, тем более такими, этого было катастрофически мало. Фактически, я использовал эти заклинания лишь в качестве поддержки, атакуя лишь револьверами.

По возвращению в Башню Магии я собирался передать в Корону Мудрости Сон Морфея и заработать ещё несколько очков комбинаций, чтобы обновить свой арсенал. Но получилось как получилось и теперь мне нужно было срочно придумать, как из этой ситуации выпутываться.

И я уже даже почти сформировал в голове план, который должен был с большой

вероятностью привести меня к победе. Но затем всё стало в разы хуже.

В очередной раз уйдя от атаки лошаделицега и наставив на него левый револьвер, я вдруг ощутил стремительно приближающееся со спины смертельное дуновение.

Увернуться удалось лишь в последний момент, и то не без повреждений — глубокая рана прочертила плечо. Обернувшись, я увидел красноглазого, глянувшего сначала на окровавленное лезвие короткого клинка у себя в руке, а потом, растянув губы в невозможно широкой для человека улыбке — на меня.

И худшее во всём это было то, что пятым кругом, который я ощущал от него изначально, даже не пахло. У него был полноценный седьмой. Может быть не так накачанный маной, как у двух других, но красноглазый при этом определённо оставался в своём уме и магией пользоваться наверняка собирался умело и вдумчиво.

Один пятый круг против трёх седьмых? Ну, что тут можно сказать...

Мне жопа.

Меньше чем за минуту положение из “сложного” стало “критическим”.

Красноглазый, судя по набору используемых заклинаний, был кем-то вроде ассасина. Разнообразная скрывающая магия, заклинания, увеличивающие скорость, остроту и даже длину оружия, а также чары паралитического яда, из-за которых я перестал чувствовать и контролировать правое плечо, левое бедро, спину — в общем все места, которые этот ублюдок порезал. И это при том, что жизненная энергия в моём теле активно боролась с ядом, в противном случае я бы уже давно рухнул на землю, не в силах пошевелиться.

И при этом он явно не выкладывался на полную, просто прятался в шквале атак своих марионеток и бил, когда я находился в наиболее уязвимых позициях. Возможностей выбраться из этого положения с текущими силами, попросту не осталось. Ещё секунд сорок — и я бы потерял сознание банально от кровопотери.

А потому силы нужно было увеличить. И единственный способ, который был мне доступен в текущих обстоятельствах...

Применено неизвестное заклинание.

Поиск в Короне Мудрости...

Поиск невозможен.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Применено неизвестное заклинание.

Поиск в Короне Мудрости...

Поиск невозможен.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Применено неизвестное заклинание.

Поиск в Короне Мудрости...

Поиск невозможен.

Пожалуйста, дайте название неизвестному заклинанию.

Название: Барон пяти морей.

Название: Малое касание Асклепия.

Название: Вспышка.

Раньше я сэкономил страницы своего гримуара, думая о том, чтобы в критической ситуации “вспомнить” наиболее подходящие заклинания. Если сейчас не была критическая ситуация, то когда? И, раз уж я расширял свой арсенал, то сделать это решил с размахом.

Все три моих новых заклинания относились к пятому кругу.

Вспышка С-ранга была довольно простой магией, делавшей ровно то, что заявлялось в названии. Она создавала невероятно яркую вспышку света, и должно было помочь мне справиться с красноглазым, чьи навыки сокрытия, насколько я успел понять, были завязаны на тенях.

Барон пяти морей — заклинание ранга А, примерно схожее с моим Взрывным дыханием, но только манипулировавшее не огнём, а водой. Пламя сейчас мне не слишком-то помогало против ледяных атак пышечки и лошаделицога, я решил пойти от обратного и не сталкивать две противоположных стихии в лоб, а действовать мягче и аккуратнее, подобное останавливая подобным.

Малое касание Асклепия же была целительной магией S-ранга, и должна была помочь мне восстановить все полученные в бою повреждения.

Теперь главное, чтобы у меня на всё это хватило маны.

Первым делом Вспышка. Я не стал активировать эту магию так, как изначально предполагалось — направленным пучком света, призванным ослепить и дезориентировать врага. Цель была не в этом. Призвав сияющую чистейшим белым светом сферу, я подвесил её в полуметре над головой.

И хотя сам я при этом тоже стал хуже видеть окружение, а также превратился, фактически, в ходячую мишень, своей главной цели я добился почти сразу. Сияние Вспышки, только появившись, выхватило из окружающего пространства чуть искажённый человеческий силуэт. Не дав красноглазому времени среагировать, я наставил левый револьвер на грудь силуэта и спустил курок.

Взрыв, прогремевший всего в трёх метрах, откинул меня прочь и даже поставленный щит из Телекинеза слабо помог. Мою руку опалило до локтя, задело также грудь и лицо. Рубаха, и так уже превратившаяся в лохмотья, вспыхнула, кожа тут же начала покрываться волдырями, но это было не важно.

Потому что вторым на очереди было Касание Асклепия. Активировав контур, я почувствовал, как от сердца по всему телу распространяется волна невероятно приятного обволакивающего тепла, возвращающего чувствительность в обмороженные и парализованные ядом участки.

Заклинание S-ранга глотало ману как голодный удав, за одно применение осушив мои оставшиеся запасы процентов на тридцать. Но переставшие кровоточить и почти мгновенно затянувшиеся раны, пропавшие волдыри и чувство жжения на местах ожогов, восстановившаяся чувствительность в обмороженных и пострадавших от яда тканях, наполнившая тело энергия и почти полностью пропавшее чувство холода — всё это определённо того стоило.

При этом красноглазому пришлось куда хуже, чем мне. Применённая мной Вспышка стала для него полной неожиданностью, а потом нормально защититься от выстрела алхимической пули он не успел. И даже ледяные щиты, наспех созданные его марионетками, помогли не до конца.

Его тело, кувыркаясь в воздухе, пролетело больше десятка метров, пару раз отскочив от земли как брошенный по воде блинчик. Меня тут же связали боем маги, так что я не успел повнимательнее рассмотреть его повреждения. Но отлетевшую в другую сторону обугленную ногу я заметил, и значит лёгкими травмы красноглазого быть точно не могли.

Следующим был Барон пяти морей. Эта магия была первой из “комплекта” заклинаний. От Барона пяти морей до Императора десяти морей — соответственно от пятого до десятого круга, шесть заклинаний были созданы одним из учеников Агура, и во времена Бафомета считались лучшими образцами магии воды в мире.

Сейчас, вероятно, люди уже смогли придумать что-нибудь получше. Но это не отменяло того, что эта магия была значительно выше качеством, чем даже ледяные заклинания магов

седьмого круга.

Меня окружило несколько водяных колец, сформировавшихся из влаги окружающего воздуха. И, стоило пышечке в очередной раз подскочить вплотную ко мне, чтобы “обнять”, кольца тут же обратились множеством гибких хлыстов, атаковавших её со всех сторон, будто спрут — щупальцами.

Барон пяти морей не был чисто-атакующей магией, как, впрочем, и все заклинания, что я “вспоминал”. Из-за ограниченного количества страниц гримуара я не мог, как другие маги, иметь по десятку заклинаний одной стихии конкретно для атаки, защиты, поддержки и прочего. Я “вспоминал” лишь ту магию, что была достаточно универсальной, чтобы использоваться для всего и сразу.

К сожалению, из-за этого в конкретных направлениях моя магия проигрывала узкопрофильным заклинаниям противника. Но эту разницу я довольно успешно нивелировал высоким рангом своих заклинаний, а также мастерством их контроля.

В результате, хотя водяные хлысты и не нанесли пышечке особого вреда, этого оказалось более чем достаточно, чтобы задержать её и не подпустить ближе. А этого, в свою очередь, хватило для того, чтобы успеть направить на неё левый револьвер и спустить курок, оставаясь на безопасном расстоянии.

Такого же эффекта, как в случае с красноглазым, добиться не получилось. Парочка, хотя и осталась почти без мозгов, всё-таки уже не раз видела эффект от попадания алхимических пуль и, похоже, начала их опасаться.

Так что превратить пышечку в подгоревшую пышечку или, к примеру, в две полупышечки, у меня не получилось. Однако, какие бы щиты она ни выставляла, взрыв не мог пройти для неё без последствий.

И на этот раз к кратеру на животе добавился ещё один — справа в груди, обнажавший обугленные рёбра и превращённую в фарш ткань лёгкого. Права рука тоже пострадала: с предплечья сорвало половину мяса, а кость скорее всего перемолото в труху. Однако своими коротенькими ручками пышечка не атаковала, предпочитая просто переть напролом как камень из “Индианы Джонса”. Так что и смысла в этой ране, кроме самой раны, особого не было.

А вот повреждённые лёгкие, похоже, всё-таки сказались на боевой силе пышечки. Потому что, довольно резво отскочив в сторону в первую секунду после попадания, дальше она почти сразу замедлилась. И хотя атаковать не перестала, мощь её заклинаний значительно упала.

Благодаря тому, что они не ожидали моих новых заклинаний, мне удалось перехватить инициативу и кардинально изменить ход битвы. Красноглазый был, если не мёртв, то очень сильно ранен, раз до сих пор валялся на земле, а один из магов потерял минимум половину своего боевого потенциала.

И успех надо было закреплять.

Моей первой целью стало добить уже раненного врага. Не прекращая отстреливаться правым револьвером от лошадиного лица, я сосредоточил всё своё внимание на пышечке.

Моей главной целью стало ещё раз поймать её с помощью Барона пяти морей, и следующую алхимическую пулю отправить ей уже прямо в лицо. И с учётом того, что безмозглая пышечка, даже получив столь серьёзное ранение, не пыталась убежать или хотя бы уйти в оборону, а продолжила бросаться на меня, несмотря на вываливающийся наружу ливер, это оказалось неожиданно просто.

Окружив себя водяным пузырьм, чтобы не так сильно страдать от распространяющегося вокруг пыщечки мороза, я воспользовался её же атакой сосульками в качестве проводника для собственной магии. И, потратив полминуты на подготовку масштабного заклинания, в один момент умудрился плотно спеленать всё её тело десятками водных жгутов, привязанных к земле.

Она яростно задёргалась, пытаясь вырваться, и это удалось бы ей уже секунды через три. Всё-таки Барон пяти морей был магией лишь пятого круга, и против седьмого круга это была такая себе мера. Однако давать ей такую возможность я и не собирался. Подлетев к пыщечке метров на пять, чтобы не получить ещё раз ожоги от собственной же атаки, я навёл левый револьвер ей на расплывшееся лицо и спустил курок.

Последним, что я увидел в её глазах, помимо безумия и ярости, стало облегчение.

Следующим на очереди был лошадинолицый. Я внимательно следил за красноглазым и бросился бы за ним в погоню, если бы он попытался сдвинуться. Но так как ублюдка я собирался допросить с пристрастием, предварительно нужно было избавиться от его марионетки.

Однако один на один, после того как я пополнил арсенал своих заклинаний и с учётом всё ещё лежавшего в моей левой ладони револьвера, маг седьмого ранга, даже под завязку накачанный маной, уже не был для меня серьёзным противником.

Замедляя его движения Бароном пяти морей, дезориентируя Вспышками и не прекращая обстреливать из обоих револьверов, я уже минуты через две относительно размеренного боя загнал лошадинолицего в угол. Продолжавший бросаться в бой, не жалея маны и не обращая внимания на травмы, он смог бы достать меня лишь в том случае, если бы я потерял бдительность. А допускать такую глупую ошибку я точно не собирался.

Так что сначала он лишился второй руки, отрубленной водяными лезвиями, а после был прижат к земле телекинетическим прессом без надежды вырваться. А потом, подлетев поближе и на всякий случай наставив лошадинолицему на голову правый пистолет, я, вздрогнув от отвращения, положил ладонь ему на бугристый череп.

Пыщечку пришлось убить на месте, так как я не мог отвлекаться на то, чтобы осушить её Техникой тела Амаг. А вот выпить всю энергию и ману лошадинолицего мне никто не запрещал.

Благодаря тому, что Техника тела Амаг, как и я сам, поднялась до пятого круга, скорость поглощения энергии значительно выросла. К тому же бóльшую часть маны маг уже потратил, а от его жизненной силы после стольких ран должна была остаться и вовсе капля.

Однако даже так мне потребовалось почти три минуты, чтобы осушить его до конца. Трансформация, которой он подвергся, была, определённо, ужасной, но при том я не мог не поразиться тому, какую невероятную мощь она смогла ему даровать. Мой шестой круг благодаря этому сформировался почти на половину, что не могло не радовать.

А затем, распрямившись, я неторопливым шагом двинулся к так и валяющемуся вдалеке красноглазому. По-хорошему нужно было проверить, как там Глен и Линда. Но с учётом того, что ни они, ни отправившиеся за ними маги так и не показались, скорее всего парню всё-таки удалось отбиться и теперь он, следуя моему приказу, продолжал бегство. А я не мог упустить возможность вызнать у красноглазой твари какую-нибудь ценную информацию.

Взрыв потрепал красноглазого действительно очень знатно. Левая нога отсутствовала почти полностью, правая болталась на ошмётках мышц, верхняя половина тела сильно

обгорела, а вся нижняя половина и вовсе походила на плохо прокрученный в мясорубке фарш. То, что с такими повреждениями он ещё был жив, что можно было понять по частым мелким вдохам и охватывавшей всё тело дрожи, было бы настоящим чудом, будь он человеком.

Присев рядом с ним, я одним заклинанием отрубил ему державшуюся на соплях ногу, ещё двумя — руки, и ещё несколькими, будто булавками, пронзил его таз, живот и плечи. После чего, положив руку на грудь, влил в ублюдка небольшую порцию Касания Асклепия. Чтобы он ответил на мои вопросы, красноглазый должен был как минимум находиться в сознании.

Спустя несколько секунд раны на его груди и голове начали затягиваться, а спустя примерно полминуты он закашлялся, выплюнув хорошую порцию крови, и открыл глаза. На меня уставились два кроваво-алых провала.

— Ты очень способное дитя, — прохрипел красноглазый. — Кто бы мог подумать, что меньше чем за месяц ты станешь достаточно сильным, чтобы одолеть трёх магов седьмого круга.

— Что ты за тварь? — спросил я, надавливая пяткой ему на культю.

Ноль реакции. Либо красноглазый был настолько хорошо натренирован игнорировать боль, либо не чувствовал её в принципе. В любом случае, классически пытки на монстре, похоже, не работали.

— Как тебе это удалось? — продолжал он говорить, будто бы не услышав вопроса. — Что такого ты получил от вашего царя мудрости? Что он даровал тебе?

— Значит, вас интересует благословение Агура? — я присел перед красноглазым на корточки. — Почему? Почему вы настолько беспокоитесь о его благословении, что готовы выдать себя, лишь бы заполучить меня в свои лапы? Вы ведь уже одолели Агура. Какое вам дело до мальчишки, получившем в лучшем случае какую-то долю от его полной мощи? Или... — меня посетило неожиданное озарение, — победить Агура вам всё-таки не удалось?

Лицо красноглазого осталось совершенно бесстрастным, но я почувствовал, как его энергия на мгновение дёрнулась. Мои слова явно нашли какой-то серьёзный отклик в нём, и это означало, что я как минимум близок к истине.

И красноглазый, похоже, понял, что я смог его прочесть. Потому что спустя ещё пару секунд я ощутил, как в его сердце нарастает мощная энергия.

Я знал, что это такое. Он собирался раскрутить свои круги маны и в критический момент столкнуть их между собой, вызвав сильнейший взрыв. Это был приём камикадзе, потому как такой взрыв неминуемо уничтожал не только сами круги, но и сердце, а это была верная смерть даже для таких тварей.

— Куда собрался! — рывкнул я, припечатывая голову красноглазого рукой и активируя Сон Морфея.

Он дал ответы ещё далеко не на все вопросы, что я хотел ему задать, в смерть от меня он точно не сбежит. Спустя несколько секунд волны энергии, исходящие от сердца красноглазого, утихли, а его лицо расслабилось. Магия сработала успешно.

Однако заклинание четвёртого круга, применённое на маге седьмого круга, было, на самом деле, мало эффективно. Если бы красноглазый был в чуть лучшем состоянии, у меня точно не получилось бы взять его разум под контроль. И даже так, я чувствовал, как борется его разум, силясь разорвать сковывающие его путы сна.

У меня не было, как с главарём Чёрного Безумия, долгих часов на допрос. От силы пара

минут. Их нельзя было тратить впустую на десятки наводящих вопросов.

— Глава семьи Фериа тоже заражён вами?

— Да...

Чёрт.

— Сколько ещё благородных семей помимо Фериа вы захватили?

— Точно не знаю, около двадцати...

Дважды чёрт.

— У вас есть какая-то база, откуда осуществляется контроль и рассылаются приказы?

— Да...

— Где?

— Сихем...

Я знал, что это за город. Столица одного из соседей Вирсавской империи, королевства Балата. Если они обосновались в столице...

— Вся Балата под вами?

— Да...

Трижды чёрт!

— Как убрать из человека заразу, которая превращает его в таких монстров?

Голова красноглазого вдруг лопнула, подобно переспелому арбузу. А потом воздух затопила густая, будто патока, мана. Повернув голову туда, где ощущался её источник, я увидел выходящего из подвешенного в воздухе портала высокого сухого старика с такими же, как у моего пленника, полностью красными глазами.

— Никак, — проскрипел он ответ на заданный мной вопрос.

Я ощутил, как сжимается моё сердце.

Подобный уровень маны. Заклинание, взорвавшее голову моего пленника, которого я даже не почувствовал. Сила достаточная, чтобы использовать пространственную магию.

Высший маг.

Что я там говорил? Жопа, когда на против меня оказались три мага седьмого круга?

Ха. Ха. Ха.

Вот теперь мне действительно была ЖОПА.

Конец Первой Книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net